

СОЛНЕЧНОМУ ГОРОДУ НАШЕЙ ЮНОСТИ И ЕГО ЖИТЕЛЯМ ПОСВЯЩАЕТСЯ

Книга появилась на свет только благодаря
организационной и финансовой поддержке
Президента Всемирного конгресса абхазо-абазинского (абаза)
народа
ТАРАСА МИРОНОВИЧА ШАМБА

В процессе “строительства” книги
автор-“прораб” постоянно ощущал локоть друзей,
искренне предложивших свою помощь и сыгравшим
определенную роль в ее создании и издании,
за что честь им и хвала!

Это - **ВЛАДИМИР И БОРИС ВОЙЦЕХОВСКИЕ**
ВИТАЛИЙ ЛАБАХУА
МУСА МАЛХОЗОВ
ЛИЛИЯ И ДАВИД МЕДЗМАРИАШВИЛИ
НАТАЛЬЯ РЮРИКОВА
ВИТАЛИЙ ТОДУА
и еще большое количество неравнодушных и теплых людей!

И особая благодарность моему добруму Ангелу, моему другу
ОЛЕНЬКЕ ТЕСЛЕР,
которая добровольно
взвалила на себя труд очистки и редактирования текста!

В. Делба

СУХУМСКИЙ СТЕРЕОСКОП

Всяки мелочи и эрунда

Москва
2012

P 2

В. Делба. Сухумский стереоскоп. - М.: Издательство РГТЭУ.
2012. 232 с.

ISBN 978 - 5 87827 - 518 - 7

© Делба В.М. 2012

Содержание

От автора	6
Сухумский стереоскоп	9
Земляные орехи	67
Дуэль	75
Лето, ночь, луна...	85
Аштракхена финдикозла	92
Есть ли среди вас	107
Маршрут № 5	115
Полицейские и воры	123
Морской круиз эпохи девяти К	135
Адвокат	153
Five o'clock tea, sir	161
По рельсам, по железной дороге	169
Паника под знойным небом	189
Тот самый солнечный город и его жители	199

Идея написания книги, которую Вы держите в руках, зрела долго и болезненно.

Несколько человек, земляков, старых приятелей, выходцев из Сухума, изредка собираясь вместе, отгораживались от огромного, шумного, суетливого мегаполиса, в котором, волею судьбы, каждому пришлось прожить не одно десятилетие, и погружались, за чаём или стаканчиком вина, в неспешные, но очень эмоциональные, ностальгические воспоминания своего детства и юности.

И всегда Героем сюжетов, так или иначе, становился наш любимый, уникальный во всех смыслах, очень красивый, добрый и веселый интернациональный город.

Сейчас его нет, того города пятидесятых и начала шестидесятых, и к этому, увы, печальному факту нужно относиться философски, как к данности, не пытаясь искать виновных.

Просто мир вокруг нас быстро и бурно менялся последние десятилетия, пришли новые поколения людей, по иному воспринимающие жизнь, а трагические события прошлых лет только ускорили процесс перемен.

И теперь, тот наш Город стал неким сказочным градом Китежем, Диоскурией или Себастополисом, погруженном в волны времени и ставшем невидимым для всех, но материализующимся, время от времени, в памяти сухумчан.

Забегая вперед, должен сказать что в компании не возникал спор, как называть жителей города. Специалисты утверждают, правильно – сухумцы, но мы решили, что в слове - СУХУМЧАНИН есть нечто завораживающее, что-то идущее из нашего детства и именно оно, это слово, как будто излучает особую, добрую энергию, близкую и знакомую нам до слез.

Но Главным, основным решением стало - обязательно попытаться описать наши воспоминания, и смешные и грустные, по

своему уникальные, Сухумские события давних лет, отдать дань любви, нежности и уважения солнечному Городу нашего детства и его жителям.

“Стенографировать” воспоминания, по результатам жеребьевки, то бишь вытягивания спичек, выпало Вашему покорному слуге, Владимиру Делба.

Но все, что получилось – есть плод коллективного труда.

Еще важная деталь – мы согласились с идеей не создавать некое подобие летописи, а описывать события и людей так, как они сохранились в нашей памяти, тем более, что каждый из нас вспоминает что-либо или кого-либо по своему, отлично от других.

Короче говоря, мы решили использовать принцип Дюма-отца, когда история служит вешалкой, на которую автор (или авторы) только навешивают свои сюжеты, как одежду.

Поэтому в наших записках почти нет имен, а те что есть – выдуманы.

Огромная просьба к землякам, читателям этой книги - не ищите прямых аналогий в фактах, людях и времени, это просто импровизации группы пожилых “джазменов” на заданную тему.

И вообще – не судите нас строго, среди нас нет профессионалов-литераторов, и если в наших ностальгических бреднях что-то неясное, но доброе и теплое, вдруг коснется Вашей души, вызовет улыбку и воскресит, хоть на миг, близкие сердцу образы давно ушедших дней – значит мы не зря потратили время, которое особенно ценно для людей зрелого возраста.

По согласию, представляю Сухумчан, “виновных” в зарождении сей идеи:

Гулиа Дмитрий,	Делба Владимир,
Какуря Савелий,	Кутелиа Эдуард,
Петровский-Шакербай Александр,	Папава Миро,
Тодуа Николай,	Тодуа Павел,
Хахмигери Рома.	

P.S. И еще - нас часто спрашивают люди, не бывавшие в Сухуме; что такое “БРЕХАЛОВКА?”

Отвечаем – “Брехаловка” - это кофейня в самом живописном месте города, на набережной, напротив гостиницы “Рица.”

Это КЛУБ ВСЕХ Сухумчан, причем по ВСЕМ интересам.

Это ТАСС, РЕЙТЕР, Агентство ОБС (одна баба сказала), Верховный Парламентский Совет, Народный Хурал, Меджлис всех свободных творческих людей, Главное Экспертное Бюро Мирового Футбола, Шахмат и Домино, Союз Охотников, Рыболовов и медиумов, Большая Советская Энциклопедия... (можно перечислять бесконечно) – в одном лице!

В общем это то место, где ВСЕГДА ЗНАЮТ ВСЕ городские новости и где можно получить ОТВЕТ НА ЛЮБОЙ ВОПРОС, причем всегда окрашенный острым, но добрым, Сухумским юмором!!!

Сухумский стереоскоп

В конце пятидесятых на набережной города появились странные люди.

Вернее, люди эти были обычными, но у них были необычные, не виданные ранее, аппараты.

Внешне эти предметы напоминали макеты сказочных восточных дворцов, из трофеев кинофильма “Индийская гробница”.

Изготовлены они были из темного, полированного дерева, инкрустированного слоновой костью, и украшены блестящими металлическими элементами.

Дизайн указывал на древность, антикварность этих непонятных приспособлений. По размеру они напоминали радиоприемники Рижского производства.

Установлены “дворцы” были на легких ажурных столиках, перед которыми, в свою очередь, стояли такие же ажурные и легкие стулья.

На вопрос, что же это за красота такая, обладатель неизвестного предмета, загадочно улыбался и приглашал присесть на стул. Принявший приглашение смельчак, сидя на стуле, обнаруживал на уровне глаз, встроенную в аппарат конструкцию, напоминающую бинокль. Высота стула каким-то способом регулировалась, так что проблем с комфортом доступом к оптике не было.

И вот, приблизив глаза к аппарату, человек, неожиданно для себя, попадал в сказочный, черно-белый, стереоскопический мир. Эти экзотические сооружения были стереоскопами, действительно древними, антикварными, аппаратами, начала века. Мне и сегодня непонятно, откуда они появились в городе, кому принадлежали, и кто смог сохранить не только сами аппараты, но великолепную, большую коллекцию старинных стереодиапозитивов.

Можно было, за небольшие деньги, выбрать любой, из предлагаемого перечня, тематический набор слайдов.

Забегая вперед, могу сказать, что, немного позднее, побывав с родителями в Москве, я пошел в стереокино. Конечно, воздействие было сильным, я получил массу необычных, ярких впечатлений. Однако это был современный, цветной фильм, в котором каким-то немыслимым образом достигался эффект присутствия. Но воспринималось все это, в конечном итоге, как великолепный трюк!

А наши Сухумские стереоскопы были, по большому счету, Машинами Времени, Проводниками (именно с большой буквы) в сказочные, параллельные, миры, реальные и фантастические одновременно!

Ну, где еще можно было увидеть буддийский праздник, с парадом слонов, в государстве Сиам, которого уже несколько десятилетий нет на карте мира, или спуск на воду новейшего британского броненосца? И, уже позднее, его же, в составе эскадры кораблей флота Ее (или Его) Королевского Величества, на рейде Валетты или Кейптауна, времен англо-бурской войны?

А прогулка Николая Второго, с семьей, по великолепному южному парку Ливадии?! Вы представляете! Это в советские - то времена!!!

Кровавый самодержец, чуть ли не людоед, а улыбка у него добрая, даже застенчивая, и, в умных, усталых глазах, прямо - таки светится любовь к своим чадам и супруге.

Сюжетов было огромное количество, но, и сегодня меня все еще поражает высочайшее качество слайдов, и невероятное ощущение того, что ты можешь дотронуться, через десятилетия, до людей и предметов, которых уже давно не существует. И все же, вот они, перед тобой, стоит только немного вытянуть руку.

Вот и сейчас, я закрываю глаза, приникаю к виртуальному, увы, стереоскопу, и в памяти моей возникают яркие и четкие картинки, из моей личной, спрятанной где - то в глубине сознания, коллекции диапозитивов. И снова вокруг залитый солнцем Сухуми моего детства, и, опять же, стоит только немного вытянуть руку...

Удивительный, уникальный, неповторимый, веселый, добрый и гостеприимный город, к тому же, красивый и культурный. Какие бы восторженные эпитеты не употреблять, все они, без исключения, попадают в цель!

А, поскольку, город, это, в первую очередь - горожане, то все вышесказанное адресуется и сухумчанам! Конечно, люди любят идеализировать свое прошлое, и на вопрос, все ли в вашем любимом городе было именно таким, красивым, правильным, добрым и спокойным, надо честно отвечать, - конечно, НЕТ.

В любом городе проживают самые разные люди. Старшие рассказывали, что в послевоенные годы, в городе существовала банда, грабившая совсем как в Техасе, поезда. (Сохранился даже куплет странных стихов, написанный неизвестным автором: “Ти нэ помниш, Баркалаия, как ти бандой руководил, как сидэл ти заключения, как Робин Гуд”.)

За бандитами гонялся легендарный городской оперативник. Узнав, что бандитское логово находится в штреке железнодорожного тоннеля, он смело пошел на захват, один, без прикрытия.

Бандиты оценили его смелость и убивать не стали, но, в назидание, вставили в анальное отверстие сущеную воблу головой вперед и отпустили восвояси. Неясно, как он топал потом по шпальм с воблой в заднице, но дотопал. Врачи долго избавляли bravого милиционера от рыбины, подлечили, начальство выделило ему роту внутренних войск НКВД, и банде пришел конец.

В описываемое мною время, бытовая преступность, в городе, практически, не существовала, то есть, почти не было квартирных краж. Входные двери во многих домах, в течение дня, вообще, не закрывались.

Не было и уличных грабежей, так что гулять можно было везде и в любое время, и совершенно спокойно, драки были редкостью, а, скажем, поножовщина, или, не дай Бог, убийство, становились событиями эпохальными.

Тогда город длительное время гудел, как потревоженный пчелиный улей. И долго, главной темой для обсуждения было именно это преступление.

Единственное, что реально беспокоило горожан и гостей города, так это – местные карманники, щипачи, от которых, ну, просто не было покоя, особенно, в общественном транспорте. Но щипачи, действительно, были единственной категорией сухумчан, портившей криминальную статистику родного города.

На школьных вечерах разрешали танцевать буги-вуги, комсомольцы не гонялись с ножницами за немногочисленными городскими стилягами, а у молодежи, в большом почете, были пинг-понг, итальянский неореализм и литература.

Ведь во времена, так называемой, Хрущевской оттепели, ста-

ли издаваться книги, ранее бывшие под запретом, и мы до дыр зачитывали и Есенина, и Зощенко, и Фрэнка Харди, и Хемингуэя, и Ремарка, и Бабеля, и О.Генри.

Помню, как прохаживаясь по Сухумской набережной, ребята постарше обсуждали прочитанное, выстраивая виртуальные маршруты прогулок по улицам и набережным Парижа или, к примеру, Вечного города.

И, можно было, слегка прикрыв глаза, уверенно пройтись по узким улочкам Монмартра, спустившись мимо музея Клюни, выйти к набережной Сены, к книжным развалам букинистов. Пообщаться, к примеру, в “Салоне” с Манэ или Сезанном, а потом пройти еще несколько сот метров (и пару десятилетий), и выпить по рюмке анисовой в «Куполе», с задумчивым и валльяжным Эренбургом, резким и колким Пикассо, экстравагантным Дали. И уже для полного счастья, заглянуть в “Клезери де лила”, чтобы, не мешая, со стороны понаблюдать за творящим Хэмом!

Старшие друзья мои! Как жадно впитывали они любую интересную информацию и как щедро делились ею с окружающими. Как пытались, всерьез, не имея первоисточника, самим создать новый язык международного, а, возможно, и межпланетного общения, по типу Эсперанто.

К сожалению, память сохранила только одну, мелодичную фразу этого удивительного языка: УНВЕЙТУ СИТИ СИКОКУ, что переводилось, как «пойдем, прогуляемся в город».

Именно они привили нам, мелкоте, любовь к книгам, уважение к традициям, формируя из нас, наряду с родителями, культурных, образованных молодых людей, обладающим неплохим чувством юмора. И это, безусловно, сказалось на нашем дальнейшем мировоззрении и определило основу жизненного поведения.

Судьба человека, как известно, предопределяется в Небесной Канцелярии, по тамошним законам и правилам, и смысл сей логики здесь, на Земле, скрыт от нас.

Кто-то из этих интеллектуалов и жизнелюбов, к огромному огорчению, стал наркоманом и погиб, другие увлеклись роман-

тикой блатной жизни, и путь их пролег, как пелось в песне: “По тундре, по железной дороге”, но и они сохранили в себе, заложенное в юности свойство воспринимать житейские драмы и трагедии через призму юмора.

Но, в основном, наши, Сухумские, ребята, ведомые страстью познания, уезжали на учебу, получали образование, обретали опыт, и становились известными всей стране Учеными, Литераторами, Артистами, Врачами!

Я понимаю, читатель ждет обещанные стереокартинки, а я увлекся личными воспоминаниями. Но параллельно воспоминаниям, я раскладывал, сортировал слайды, и сейчас у меня в руках несколько штук, готовых к просмотру. Итак, приникли к окулярам!

На пересечении центральной улицы города, имени товарища Сталина, с улицей Церетели находилась, так называемая – “точка мелкой розницы”, а говоря иначе, ларек, в котором можно было купить спички, кондитерские товары, консервы, алкоголь и много еще чего. Но самым ходовым товаром летом были прохладительные напитки “со льда”.

Ранним утром, а потом, еще, в течение дня, специальный автомобиль развозил по точкам огромные бруски льда, которые на местах кололись на мелкие части и загружались в бочки, заполненные бутылками с напитками, поэтому везде продавалась реально холодная фруктовая вода, пиво или Боржом.

Интересующий нас ларек размещался в небольшом, но капитально построенном павильончике, в стиле неоклассической архитектуры сталинских времен.

Единственным, бессменным, продавцом был дядюшка Апполон. Седой, как лунь, небольшого роста старичок был галантен, медлителен и, исключительно, вежлив. Он напоминал профессора медицины или отставного царского генерала. Важно, с чувством собственного достоинства и гордости, дядюшка Апполон носил роскошные, длинные и пушистые усы с подкрученными кончиками.

Несмотря на заметный акцент, по-русски он говорил очень грамотно и красиво, правда, как-то старорежимно, применяя слова и обороты, исчезнувшие к тому времени из языка, но прекрасно дополнявшие облик этого колоритного человека.

С нами, детьми, он держался доброжелательно, но достаточно строго, не допуская фамильярностей. А его отношение было крайне важно для нас, ибо летом общение с дядюшкой Апполоном было почти ежедневным, и, можно даже сказать, обязательным.

Дело в том, что ларек находился на пути с пляжа домой. На пляж наша компания обычно добиралась на катере, а вот назад приходилось топать пешком, так как вся “общаковая” наличность тратилась на пирожки и печенье, а уехать “зайцем” на катере или на автобусе было делом неосуществимым.

От пляжа до павильона дядюшки Апполона было ходу минут сорок, и, конечно, мы изнывали от жажды. Здесь нужно сказать, что ассортимент товаров был велик, и стоило огромного труда разместить его в маленьком павильончике. Поэтому ящики с пустыми бутылками приходилось держать снаружи, рядом с входной дверью.

Вот тут-то, мы и реализовывали наше гениальное, (как виделось нам), изобретение. В основе его лежало убеждение; - хоть дядя Апполон образован и строг, но в чем- то он, наверняка, найден. Следовательно, его индивидуальный интеллект не мог противостоять нашему коллективному разуму.

Итак, пока двое или трое ребят, всячески отвлекали внимание продавца, другие аккуратно, не шумя, вынимали из складированных ящиков несколько пустых бутылок. Потом они появлялись с другой стороны ларька, здоровались со всеми и просили дядю Апполона принять тару в обмен на две бутылки холодного лимонада.

Продавец забирал тару, выдавал нам холодный лимонад, открывал дверь и, не торопясь, устанавливал пустые бутылки в те же ящики, из которых они были умыкнуты пару минут тому назад. Холодный напиток пускался по кругу, с жадностью выпиваясь, а пустая тара незаметно оставлялась рядом с ящиками.

Уходя, мы, как правило, испытывали двоякое чувство. С одной стороны, вроде, как гордость, ведь удалось провести взрослого,

опытного, человека. А с другой, стыд за то, что наглым образом был обманут не кто-нибудь, а именно дядюшка Апполон, вызывавший у всех горожан чувство глубокой симпатии.

Мы долго обсуждали варианты, как тактично компенсировать нанесенные нами убытки, и придумали, в конце концов. Поскольку, практически, в каждом доме, особенно летом, выпивалось приличное количество напитков, а сдавать пустые бутылки было не принято, то по вечерам, каждый из нас, незаметно приносил и оставлял их у задней стенки павильончика дяди Апполона. Нас распирало - таки, от важности. Вот мы, какие умные и изобретательные, разработали и осуществили, ВТАЙНЕ, такую лихую операцию. И только много лет спустя, племянник, давно усопшего дядюшки Апполона, вспомнил, как, когда-то, дядя, почти с нежностью, рассказывал, что сразу принял правила игры, предложенной ему мальчишками (далее все мы перечислялись по именам и фамилиям). Потому что он прекрасно понимал, что принять от него лимонад, в качестве угощения, страдающая от жажды орава, может согласиться всего раз, потом не позволит врожденная гордость, и детям придется мучиться, а так все получалось красиво и достойно.

Добрый дядюшка Апполон, мир праху твоему!

Дядя Апполон не только говорил, но и писал, если так можно выразиться, с акцентом. Вот некоторые, сохранившиеся в памяти, его ценники:

КАНСЕВРИ СКУМРЯ ТОМАТНОМУ СОУС
ЛИКЕР БЕНЕГДИ
МАЛАКО СГУШЕНИ
ПИЧЕНЯ
МАРОЖНИ

Когда же дядюшка Апполон на время, оставлял павильон, к витринному стеклу он всегда прислонял табличку, представлявшую собой кусок засаленного картона, на котором с трудом, прочитывалась надпись, сделанная химическим карандашом: УШЛА НА БАЗУ НА ПОНЧИКУ.

В каждом небольшом городе есть, так называемые, “городские сумасшедшие”. Обычно горожан не интересует их официальный диагноз, хотя он, как правило, есть, ведь важна сама личность и, можно сказать, оригинальность ее поведения.

Такие люди, как правило, органично вписаны в ткань повседневной городской жизни, и представить город без них, уже невозможно.

Маленьким детям, только постигающим азы бытия, слово «сумасшедший», вырванное из контекста, обычно ничего не говорит. И закрепляется оно в сознании ребенка только, как зрительный образ.

Насколько помнится мне, в начале и середине пятидесятых Праздник Победы либо не отмечался вообще, либо отмечался крайне скромно. Во всяком случае, военных парадов у нас не проводилось, хотя Сухуми и являлся столицей автономной республики. А праздники официальные, Седьмое ноября и Первое мая отмечались обычно с размахом.

Город, и в обычные дни опрятный и чистый, в праздники был особенно наряден. Власти организовывали обязательные демонстрации “трудящихся,” и, надо сказать, горожане с удовольствием принимали участие в официальных мероприятиях, внося весомый вклад в праздничное оформление зданий и колонн демонстрантов, представлявших городские организации.

Люди на улицах были веселы, доброжелательны и нарядны. И, конечно, военные, действующие и отставники, щеголяли в парадной форме при орденах и медалях. Советская военная форма тех времен шилась по одному образцу, отличие же было в цвете погона, околышей фуражек и знаков различия. Помню, как мы, дети, пытались определять по форме, род войск того или иного, проходящего мимо военного.

- Смотрите, у дядьки синий околыш, значит, он летчик. Да нет, у летчиков голубые, а этот - чекист.

- Ребята, у него змея в петлице, значит, он медик. А у того петлицы черные и в них какие-то крестики.

- Темнота, это старинные пушки, крест на крест, без колес, значит - артиллерист.

При этом, мы постоянно интересовались у взрослых, который час, ибо гвоздем программы для нас был конкретный дом, на конкретной улице, и попасть к нему необходимо было до десяти утра.

Правильней сказать, важен был не сам дом, а его хозяин, и именно его появления мы ожидали с нетерпением. Ровно в десять ноль-ноль, со скрипом отворялась калитка, и он выходил на улицу.

Мы смотрели на него, затаив дыхание, одновременно со страхом, любопытством и восхищением от сопричастности чему-то экстраординарному, ибо экстраординарен был сам объект нашего внимания.

Этот пожилой, небритый человек был одет в диковинный мундир коричнево-оливкового цвета, с большим количеством золотых пуговиц, с непонятными погонами, из-под которых вниз спускались большими петлями золотые шнуры (сейчас я знаю, это были аксельбанты). Но самым экзотическим элементом одежды была, несомненно, фуражка. Того же цвета, что и мундир, но с черными вставками она поражала наше воображение, так как была... четырехугольной формы. И, еще, важный штрих одежды нашего героя - ниже мундира на нем не было ничего, если не считать хэбэшных белых кальсон военного образца с завязками внизу и домашних тапочек.

Человек смачно и шумно высыпался, прижимая пальцем, поочередно ноздри, оглядывался и однажды направился прямо к нашему веселому коллективу. (Помню, в первый раз душа у меня, как говорится, ушла в пятки).

Подойдя к нам, резкими чеканными фразами он сообщил, что нас необходимо арестовать и расстрелять, потому что мы сучьи дети, а репрессии против нас организует именно он, так как именно он и является начальником сучьего союза. Последнюю фразу он произнес по мегрельски, с применением русских слов.

- "МА ВОРЭК (я являюсь) НАЧАЛЬНИК ДЖОГОРСКОГО (сучьего или собачьего) СОЮЗА!

Но арестовывать сразу нас не стал, а направился в сторону городской площади, где уже начиналась «демонстрация трудящихся».

Мы отправились вслед, и видели, как периодически он подходил к группкам молодых людей, и, слово в слово, произносил

то же самое, что несколько минут назад озвучил нам. Откровенно говоря, не знаю, как закончился этот день для нашего героя, так как вскоре он затерялся в толпе нарядных и веселых горожан, спешивших на площадь. Но, точно знаю: – этот зрительный образ закрепился в моей памяти навечно, как та же стереокартинка.

Все это повторялась ежегодно, на Седьмое ноября, пугающе одинаково, за исключением только одного раза, когда наш герой появился не в подштанниках, а в обычных сатиновых, “семейных” трусах.

Уже, будучи юношей, я узнал, что “начальник сучьего союза”, в прошлом, служил в НКВД, во время войны был направлен в польскую Армию Людову, отважно воевал, получил польский офицерский чин. Отсюда диковинный мундир и фуражка-конфедератка.

Был контужен, списан подчистую из армии, и, возможно, поэтому тронулся умом.

Еще стереокартинка. По улице, чеканя шаг, и привлекая внимание прохожих тренированным телом, образцовой выпрявкой и зычным командирским голосом, вышагивает человек в парадной милицейской форме, в погонах старшины. Форма тщательно отутюжена, хромовые сапоги начищены до блеска, в глазах читается решимость. И все бы хорошо, если бы не одна маленькая деталь - в правой руке старшина держит массивную телефонную трубку, с болтающимся куском провода, явно от городского таксофона, в которую он постоянно отдает, по-военному четкие, короткие, приказы:

- Первому взводу выдвигутся к парку Ленина, второму занять скрытые позиции во дворе горсовета, командование возлагаю на себя, докладывать мне каждые три минуты, оружие наизготовку, приготовится к захвату.

Поскольку на дворе лето, город наводнен туристами и отдыхающими, а мощный голос старшины слышен за несколько кварталов.

талов, возникает вероятность хаоса и массовой паники среди курортного населения города. Отдельные граждане, оцепеневшие от страха, нерешительно переглядываются, в глазах у всех один и тот же вопрос: не началась ли война, и не высадился ли в городе турецкий десант. А, может, кого-то будут резать, евреев или почтальонов, и как от этого всего спасаться? И куда смотрит ООН?

Нервозности же в поведении местных жителей, как не странно, не наблюдается, видимо, погромов никто не опасается, и десанта здесь не боятся, ни турецкого, ни парагвайского. Мало того, попадающиеся по пути милиционеры, застывают на месте, принимают крайне подобострастное выражение лица, и, подчеркнуто уважительно, отдают честь, как будто встретили, по меньшей мере, генерала.

Спокойствие горожан и поведение милицейских чинов объясняется просто – старшина такая же городская достопримечальность, как и человек в конфедератке. Но, если первый тронулся умом по причине контузии, то второй пострадал из-за слишком добросовестного отношения к своим обязанностям.

Он, сельский парень, с детства мечтал служить в милиции. Ухаживая за скотиной или окучивая фруктовые деревья, прикрывая глаза, представлял себя в подогнанной по фигуре форме с офицерскими погонами на плечах, командующим ротами и батальонами.

Можно было, одним движением полосатого жезла, перекрыть движение автомобилей в городе, и ловить на себе умоляющие взгляды водителей, независимо от их служебного положения, потому что для всех, в данный момент, он был ГЛАВНЫМ, являя собой ЗАКОН. А что есть, в жизни, важнее, чем быть, хоть на время, ГЛАВНЫМ !?

Отслужив в Армии, наш герой явился в райком комсомола, прямо к секретарю, выложил на стол армейскую комсомольскую характеристику, и твердым голосом произнес:

- Не отправите в милицию, УБЫЮСЬ !

- Что же ты успел натворить? – поинтересовался секретарь, не

заглядывая в бумагу, - и, почему явился с признанием в райком, а не прямо в милицию?

В конце концов, до секретаря дошло, чего от него хочет посетитель. Он снял телефонную трубку, и мечта нашего героя сказочным образом осуществилась.

Назначили его участковым в райотдел, закрепили территорию и определили круг обязанностей. И стал он зарабатывать себе авторитет на службе и среди населения. Взяток не брал, был, в высшей степени, исполнительным, к начальству относился с почтением, да и жители округи любили его. Строгий в вопросе соблюдения ЗАКОНА, грубости, а, тем более, хамства, милиционер себе не позволял. В общем, все шло хорошо, и, звание старшины было присвоено, новому участковому, досрочно.

В тот роковой день ничто не предвещало резкого крена в судьбе нашего героя. Утром его пригласил к себе начальник районной милиции, усадил в мягкое кресло, предназначеннное для приема особо уважаемых посетителей, плотно прикрыл дверь, и, заговорчески прищурив глаз, шепотом изложил, крайне ответственное и очень щепетильное задание.

Дело в том, что один из руководителей республики, был человеком, крайне охочим до женского пола, и, очень любил поездки с многочисленными дамами своего широкого сердца на природу, или, как он любил выражаться, показывая свою образованность, - на ПЛЭНЭР. И так уж получилось, что место, облюбованное чиновником, находилось как раз на "земле" свежеиспеченного старшины.

Начальник обозначил точку на карте со всеми координатами, или как говорят военные, азимутами. Потом, вместе с участковым разработал в деталях маршрут и, расписанный по минутам, график патрулирования заданного участка. Собственно, по большому счету, задача была простой - обеспечить невозможность проникновения в заданный квадрат, посторонних лиц и домашнего скота из ближайших сел, на время любования чиновником и его музами живописных окрестностей.

-Ты все понял, сынок?- доверительно, но с металлом в голосе

спросил начальник, глядя подчиненному в глаза.

-Так точно, товарищ майор! Не волнуйтесь, упросо, (обращение к старшему), все будет выполнено. Вечером лично доложу Вам!

Все было ясно, требовалось только ответственное отношение к поручению начальства, а его нашему герою было не занимать.

Но, используя сравнение с классиком, так и хочется сказать, что где-то, неведомая нам дама, Аннушка, уже купила масло, и трамвай судьбы покатился навстречу нашему герою.

Здесь необходимо отметить, что в те давние времена, чиновники не обладали, очень уж бросающимися в глаза внешними атрибутами власти. Правительственный автопарк состоял, в основном, из “Двадцать первых Волг” и некоторого количества внедорожников, военных “Козликов”. И лишь в гараже КГБ стояли, для особых случаев, представительские “ЗИС-110” и “ЗИМ”, но их выдавали местным властям только для встреч самых, самых важных гостей, уровня Н.С. Хрущева.

Одевались советские люди, независимо от социального статуса, тоже, почти одинаково, в общем, чиновники от простого люда, практически , не отличались, да и охраны им никакой положено не было.

Ну, и, пожалуй, самая важная, драматическая деталь всей этой истории - наш старшина НИКОГДА РАНЬШЕ любителя пленера не видел и знаком с ним не был!

Примерное время визита гостей было известно, но участковый , как человек ответственный, прибыл на место часа за три, досконально обследовал местность, и приступил к патрулированию, постоянно следя за часами. Все шло по плану, и, слава Богу, никто не проявлял намерений вторгнуться на охраняемую территорию. Задание оказалось, несмотря на всю его важность, достаточно несложным.

Старшина с каждым часом становился все более спокойным и важным, как вдруг, О,УЖАС, при очередном осмотре лужайки, узрел на ней, неизвестно как и когда появившееся парочку.

Невзрачный мужичонка в синем спортивном костюме восседал на плотном клетчатом пледе рядом с довольно миловидной

блондинкой средних лет, в ярком летнем сарафане. Мужчина вполголоса, рассказывал даме, видимо, что-то смешное, иногда заглядывая в большую общую тетрадь, дама же, периодически, заливалась заразительным смехом.

Старшина ринулся к непрошенным гостям, взял под козырек и потребовал незамедлительно покинуть территорию. У незнакомца округлились глаза, он удивленно спросил о причине столь неожиданного приказа бравого старшины.

- Территория закрыта, вход запрещен, еще раз требую освободить место, - уже достаточно грозно произнес старшина. Но на обладателя спортивного трико это не подействовало.

- Товарищ старшина, я хорошо знаю данную местность, но что-то не припоминаю ни о каких запретах, пожалуйста, объясните подробней.

Старшина вспотел, сердце его колотилось с неимоверной скоростью, а в голове, с такой же скоростью, билась одна только мысль: "Сейчас приедет ГОСТЬ, и мне ...издец!" Собрав, в кулак волю, призвав всю свою природную выдержку, старшина осуществил еще одну попытку разрешить ситуацию мирно. Набрав полные легкие воздуха, он громко, но спокойно озвучил главный свой аргумент.

- А разве моя форма для вас ничего не значит? Здесь я главный, ибо я - ЗАКОН, а закону все ОБЯЗАНЫ подчинятся, так что собирайтесь, и чтобы через три минуты вас здесь не б-ы-л-о!"

Удивительно, но и этот довод на собеседника эффекта не произвел, и он продолжал говорить, что советский милиционер обязан, при общении с законопослушным гражданином...

Но старшина уже ничего не слышал и не понимал, кто, кому и что обязан, потому что нервная система его дала сбой, и он взревел, как внезапно укушеннный собакой, племенной колхозный бык

- Я, СТАРШИНА МИЛИЦИИ, тебя, гавнюка, спортсмена... уева, целый час, по-хорошему уговариваю, забирай свою выдру крашенную, и с...бывайся отсюдова, а ты все «почему», да «почему». Да потому, мудак ты, что, с минуты на минуту, сюда прибудет сам товарищ Г - я на отдых со своей бабой и, посторонние, тем более такие бродяги, как вы, здесь на ..уй не нужны.

- Товарищ старшина, - обиженным голосом попыталась включиться в разговор дама, - так это же и есть...

Но старшина не дал ей закончить.

- А ты, ..лядь, молчи, когда джигиты разговаривают. Знаю я вас, крашеных, приезжаете тут каждое лето, мужиков местных от семей уводить. Еще и ПРОГЛСКУ НЕ ОФОРМЛЯЕТЕ! Вот упрячу на трое суток за нарушение паспортного режима, будешь знать, как в беседу мужчин влезать!

- Ладно, старшина, закончим, шутка затянулась. Виноват во всем я. Хоть ты и награждал нас всякими «любезными» прозвищами, я не в обиде, в конце концов, ты выполнял свой долг, был при исполнении.

Произнеся эти слова, человек в трико улыбнулся.

- А насчет товарища Г - я не беспокойся, ЭТО - Я!

Но старшине к тому времени окончательно отказали тормоза.

- Ты понимаешь, идиот, ЧТО ты говоришь, да это политическое дело, я тебя в КГБ сдам. Выдать себя за уважаемого человека, за товарища Г - я! Ты, бродяга, в зеркало, хоть раз, на себя смотрел, по тебе вытрезвитель плачет. Ты меня довел, сейчас за волосы патащу тебя и твою кралю в отделение, по асфальту, чтоб жопы ваши стерлись в кровь, чтоб...

Закончить фразу нашему герою помешал звук автомобильного мотора, а через несколько секунд, из-за деревьев, на лужайку выбрался “Козлик” с госномером и с поднятым тентом. Из машины вышел рослый водитель, достал откуда – то из глубин авто плетеную корзину, накрытую куском ткани, и, удивленно глядя на милиционера, направился в сторону компании.

- Я дежурный водитель правительенного гаража, что здесь происходит?

Старшина понял - задание он провалил, к визиту гостей очистить территорию не смог, и, точно, теперь ему ...издец!

- А т-то-вв-арищ-щ Г - я в машине? - заикаясь, спросил он водителя.

- Да нет же, Акакий Акакиевич сидит перед вами, уважаемый.
Да что тут, на самом деле, происходит?

Дальнейшее из памяти старшины почти все выпало, стерлось.

Помнилось только, как он, подобострастно улыбаясь, согнувшись в форме вопросительного знака, приносил извинения, почему - то, от имени министра внутренних дел и секретаря районного комитета партии, хотя никто его не уполномочивал, при этом повторяя, как заклинание, одно и тоже:

- Пожалуйста, ДЕЛАЙТЕ, ДЕЛАЙТЕ, ДЕЛАЙТЕ! Тишину и порядок обеспечиваю -Я!

Он носился, как заведенная механическая зверушка, по лесу, описывая концентрические круги вокруг лужайки. И только поздно ночью, исцарапанный, в порванной форме, без фуражки, вывалился на шоссе, предварительно убедившись, что на лужайке уже никого нет.

В райотделе, дежурный сообщил старшине, что, уезжая вечером домой, начальник просил передать, что, раз никаких тревожных сообщений не поступало, значит, все в порядке, и на ближайшие два дня нашему герою предоставлен отгул.

Ночь старшина провел, естественно, без сна, а утром, переодевшись в гражданскую одежду, попросил у соседа велосипед, и поехал на городской колхозный рынок, рядом с которым стояла будка часовщика, дальнего родственника старшины, по имени дядюшка Наапет.

Этот самый часовщик, дядя Наапет, был личностью легендарной и в городе очень известной. Он был – Большой советской энциклопедией, Центральным телеграфом, Адресным бюро, книгой о Вкусной и Здоровой пище, Полезными Советами, Занимательной физикой Перельмана, Библией, Кораном и Торой – одновременно!

Рот часовщика не закрывался НИКОГДА! Он рассказывал, постоянно заседающим в его будке городским любопытным бездельникам, одновременно политические новости (конечно, с поправкой на цензуру), анализировал последний футбольный матч, к примеру, между “Фенербахчи” и “Партизаном,” тут же объяснял бедолаге соседу, как заниматься сексом с женой, чтобы получился, наконец, мальчик, и при этом просил знакомого, собирающегося в Сочи, привезти “мелкий сочинский сол”.

- «Экстра» называется, еще сосискум малочние и вилюс.

- Что, что? - переспрашивал знакомый.

- Ну, вилюс, машинум такой, американски, он плахой дарога знает хараши пойти, на деревня удобно, ну, виздеход, мне сказали, в Сочи ему иногда прадают.

Греков он наставлял, как правильно красить яйца на Пасху, евреям-ашкенази объяснял, как нужно относиться к Пуриму и соблюдать Шабат, ставя в пример грузинских евреев, виноделов учил, как делать вино, а женщин, как определять сроки беременности.

Короче говоря, если кто и мог помочь старшине советом, так только дядя Наапет. И такой совет старшина получил!

По версии дяди Наапета, обиженный чиновник и вправду был человеком не злым, а о происшествии, скорее всего, забыл. Но раз этот вопрос для родственника столь болезненный, стоит пойти к товарищу Г - я, извиниться еще раз, но лучше сделать это в неформальной обстановке, дома у чиновника. И дядюшка написал, на клочке бумаги, адрес.

Вечером, чисто выбритый, обильно надушенный одеколоном «Шипр», наш герой явился на квартиру чиновника.

Дверь отворила супруга, сказала, что муж будет с минуты на минуту, предложила гостю подождать, усадила в мягкое кресло, а через минуту принесла из кухни кофе с пирожными.

Пока старшина с удовольствием его пил, женщина, поинтересовалась, что же беспокоит юношу, и не может ли она, жена чиновника, ему чем-то помочь. И обескураженный добром, почти материнской улыбкой женщины, расслабленный домашним уютом, наш герой, волнуясь, стал ПОДРОБНО, как близкому человеку, рассказывать о своем злоключении, со всеми нюансами и деталями, опуская только ненормативную лексику.

Женщина внимательно, с улыбкой, слушала исповедь старшины, и только иногда, вставляла уточняющие вопросы, в основном, о подругах товарища Г - я, о регулярности визитов за город, ну, и так далее. И получила на них исчерпывающие ответы. И, когда рассказ, по сути, заканчивался, раздался звонок в дверь.

Позднее, соседи, живущие ниже, вспоминали, как с лестницы, вниз в тот вечер летело мужское тело, а вслед ему неслось громогласное напутствие:

- Всю оставшуюся жизнь будешь командовать козами и ишаками, идиот!

Но несчастный старшина летел, видимо, слишком быстро, и расслышать смог только первую часть фразы.

Он заявил в МВД, прорвался в кабинет министра, где в тот момент шло важное вечернее совещание, и объявил всем присутствующим, что отныне командовать милицией поручено ему. И, следовательно, министру следует срочно передать полномочия.

Министр был человеком опытным, моментально оценил ситуацию, сказал, что он в курсе, как раз сейчас на повестке дня и стоит вопрос о передаче полномочий. Но необходим приказ МВД Грузии о присвоении старшине звания полковника, и этот приказ должен поступить в течении получаса, и нужно его дождаться там, в комнате отдыха.

Через десять минут в комнату отдыха заявились рослые парни, в грязных белых халатах и с диковинной рубашкой, у которой рукава...

В общем, дальнейший, грустный, эпизод, мы опускаем.

Спустя несколько месяцев, на улицах города появился... Впрочем, все это есть уже в начале рассказа.

Конечно, по закону, уволенному из милиции, носить погоны не разрешается, но, к нашему герою данный запрет не относился. Ведь не часто судьба отпускает человеку ВСЕ, о чем он мечтает. И слава Богу, не нашлось в городе, НИ ОДНОГО ДОЛЖНОСТНОГО ЛИЦА, пожелавшего опротестовать ее решение.

И ходит с тех пор по залитым солнцем улицам счастливый человек, полковник милиции в погонах старшины, с телефонной трубкой от сломанного таксофона...

Дети наше - ВСЕ, цветы жизни и так далее. Небольшой слайдик из жизни детей.

Приглашен школьной подругой на день рождения ее сына.

Гости собираются к назначенному времени. На улице февраль, восемнадцать градусов тепла, но, вроде как зима, поэтому дамы все, без исключения, в шубах. В прихожей - запах пота смешивается с ароматом дорогих французских духов, женщины окидывают оценивающими взглядами вечерние платья и драгоценности друг друга.

Виновник торжества, очаровательный карапуз, четырех лет от роду, носится по комнате, тянет гостей за брюки или юбки, и громко, взволнованным голосом, произносит: "БУДОВИЧЕК, БУДОВИЧЕК!"

Но гости заняты собой и не обращают на него внимания, хотя мальчик пытается указать на что-то пухлой ручкой.

Наконец, одна гостья жеманно спрашивает ребенка: "И где же?" Ребенок восторженно отвечает: "У МАМЫ НА ЖОПЕ!"

Еще картинка на тему.

Зашел навестить друга. Ребенок, у него крохотный, только исполнилось три годика, довольно бегло говорит, но язык пока тарбарский.

В момент моего прихода чем-то расстроен, весь в слезах и соплях, пытается поделится со мной своими житейскими проблемами, говорит, всхлипывая, очень быстро, что-то вроде: АНАШУШАНА БАНТУ АТАТА МАТ ЧИМИСАПЕНЖИ МАМАПАПА ЛИЛИСАПЕНТЫ МАТ КУБАНТУ АТАТА ЗОПА МАТ!"

Я согласно киваю, глажу ребенка по головке, и тихонько спрашиваю родителя, понял ли он, хоть что-нибудь?

- Конечно, - отвечает мой друг. - Все понял, перевожу: - ГАДЫ, ..Б ИХ МАТЬ, МАМА И ПАПА, ОБЕЩАЛИ КУПИТЬ ВЕЛОСИПЕД, КАК У ШУШАНЫ, ...Б ИХ МАТЬ, ОБМАНУЛИ, ДА ЕЩЕ ПО ЖОПЕ НАШЛЕПАЛИ, ...Б ИХ МАТЬ!

В советские времена, стать членом КПСС было делом, крайне, хлопотным. В партию стремились многие, потому что членство в ней являлось реальным подспорьем, например, в карьерном росте.

Короче говоря, не имея партбилета, добиться высокой, “хлебной”, должности было невозможно.

Прием был, однако, ограничен, но и население наше, в массе своей, было настырным, поэтому, в борьбе за заветную красную книжицу, использовались любые средства, от родственных связей до банальных взяток. Одновременно, в организационной структуре КПСС существовали, так называемые “квоты на прием”, иными словами, каждой первичной ячейке, “сверху” спускали разнарядку или план, в котором было четко расписано допустимое количество соискателей, согласно социальному статусу.

То есть, сколько нужно принять рабочих, крестьян, ну, и интеллигентов.

Но, ни сознательные рабочие, ни передовые сельские труженики, в отличие, от прочих, в партию, почему - то, не рвались. Их приходилось, буквально, затачивать, заманивать, кого пряником, а кого кнутом, потому что невыполнение плана грозило партийным функционерам серьезными неприятностями.

Итак, идет заседание бюро районного комитета партии. На повестке дня - вопрос о приеме в партию. Рассматривается кандидатура передового колхозника, бригадира цитрусоводческой бригады, кавалера такого-то ордена.

Процедура предполагает проверку идеологической подкованности кандидата, но всем известно, что он человек тихий, застенчивый и совершенно неграмотный. Секретарь райкома, осторожно подбирая слова, пытается сформулировать несложный вопрос.

-Как Вы думаете,уважаемый, что мешало развитию сельского хозяйства в царское время?

Лицо кандидата темнеет, он смотрит в одну точку, долго молчит, и неуверенно произносит тоже с интонацией вопроса

- Колхоз?

Члены бюро в ужасе.

Секретарь, глядя на крестьянина с легким упреком, пытается

направить его мысли в нужном направлении

- Уважаемый, вы волнуетесь и это нормально. Соберитесь с мыслями, не торопитесь, мы ведем разговор о ЦАРСКОМ ВРЕМЕНИ. Так что же ТОГДА мешало?

Кандидат пытается успокоиться, перебирает руками воображаемые четки, очень долго шевелит губами, и, снова, неуверенно произносит:

Колхоз?

Секретарь багровеет, с хрустом сжимает и разжимает пальцы рук, и, собрав в кулак всю волю, просит с угрожающей интонацией, но спокойным тоном, подумать еще раз! Соискатель думает, сопит, лицо его становится еще темнее, пауза еще длиннее, но, вдруг, подняв глаза и улыбаясь, как человек, внезапно постигший истину, радостно выдыхает:

- КОЛХОЗ!

У секретаря сдаются нервы, он начинает топать ногами, и орет во весь голос:

Мудак ты, старый, это СЕЙЧАС КОЛХОЗ МЕШАЕТ, а я спрашиваю тебя о ЦАРСКОМ ВРЕМЕНИ. У... бывай отсюда, чтоб глаза мои тебя не видели, ты ПРИНЯТ!

Сидим в ресторане, в углу зала. Рядом проход в служебное помещение.

Висящая в арке занавеска создает иллюзию полной обособленности. За занавеской, уверенные в том, что их никто не слышит, достаточно громко болтают официантки. Обе женщины местные, бальзаковского возраста.

Обсуждаются разные темы – Карибский кризис, нашествие на город армии лобковых вшей, завезенных проводницами поездов дальнего следования, очередное любовное приключение начальника треста, и, возможная кара, в виде заявления законной супруги в райком партии, ну и так далее.

- Кстати, – спрашивает одна другую, - у тебя вчера страшно болел зуб. Как ты с ним справилась?

- Мучил, проклятий, - отвечает подруга, – вечером мой из работы пришел, кушат отказался, пристал, галава блыстыт, двадцать пять сантиметров, как ДАЛ, как ДАЛ, ах, шоколат, ах, мармелат, весь зубной бол прашел!

- Бабелина, вазми заказ, три солианка поварской, - окрик из кухни прерывает, к нашему великому сожалению, тайный диалог за занавеской.

Встретились, как- то два старых приятеля, не в смысле, старые люди, а давние друзья. Ну, и, естественно, засели в ближайшем буфете.

Сидят, пьют, не торопясь, вино, чайными стаканами, закусывают и рассуждают о житии-бытии своем, вспоминают былое, веселое и грустное.

За окном неслышно моросят долгий зимний дождь, вокруг мирно готовится ко сну город, в буфете тепло и уютно, пахнет специями, свежей киндзой.

В душах радость и свет, мир и покой, слух ласкают негромкие, задушевные слова тостов.

Откуда-то, из-за буфетной стойки, доносится звук радио Бейрута. Тихо, потрескивая от эфирных помех, синкопирует чай - то бархатный саксофон.

Буфетчик приносит все новые бутылки с вином, потихоньку и нежно виртуоз Бахус касается пальцами самых сокровенных струн души друзей. Как говорили древние: “Истина в вине!” И вот, один из них решается:

- Дорогой, ты ведь знаешь, ты для меня, как родной брат, я горжусь тобой, ты добрый и веселый человек, состоявшаяся личность, у тебя высшее образование, прекрасная, хлебная работа. Родителей твоих знает и уважает весь город. Тебе тридцать шесть лет, так обрадуй, наконец, всех близких своих - женись! Даже не пытайся разъяснять мне причин твоего холостяцкого состояния, а тем более, не подводи под него философскую базу, просто дай слово, что женишься, в самое-пресамое ближайшее время, поклонись, наконец!

Последние слова произносятся со слезами на глазах, и, естественно, лукавый Бахус постарался, чтобы они дошли до самого сердца друга. У того тоже влажнеют глаза, он берет руку приятеля в свою, и произносит, с придуханием:

- Торжественно клянусь, и пусть свидетелями будут все, кто сейчас в зале. Более того, я постараюсь сделать это сейчас, не откладывая в долгий ящик.

Ты помнишь моего армейского друга, который живет в районе Мерхеули, мы с тобой были у него в гостях, когда я вернулся из армии?

Так вот, не знаю, сохранилось ли это в твоей памяти, но там была его сестра. Она путалась у нас под ногами, всем улыбалась. Сейчас ей лет восемнадцать, понимаешь, к чему я клоню.

Породниться с семьей армейского друга, было бы для меня огромным счастьем.

Прямо сейчас, мы выдернем из дома Аркадия, у него машина, затем заедем за Эдиком и рванем в Мерхеули свататься! Эдик хоть рас...издяй и бездельник, но внешне он самый представительный из нас, да и говорить умеет, только необходимо направить его способности в нужное русло, подсказать тему. Итак, по коням!

- А вдруг ее уже выдали замуж?

- Исключено, я бы узнал это одним из первых, а на свадьбе сидел бы на почетном месте. Нет, пока она невеста, что очень кстати.

Там, правда, очень строгий отец, человек высокой морали и патриархальных взглядов, чтуший и соблюдающий традиции предков, очень уж резкий и непредсказуемый.

Он, по сути дела, глава большого иуважаемого рода в Абхазии, и так просто любимую дочку замуж не выдаст, нужно будет сватать ее по всем правилам. Правда, он знаком с моим отцом и уважает его, ну, и, к тому же, я сослуживец и друг его сына, так что шансы у нас есть! Буфетчик, счет!

Спустя полчаса, белая “Волга”, шипя шинами по мокрому асфальту, рассекая потоки воды, прорывалась из города, по ущелью, параллельно стремящейся к морю бурной горной речке, в село Мерхеули.

В машине получали последние наставления свежеиспеченные сваты. Жених судорожно вспоминал, что ему было еще такого известно о будущем тесте, что могло бы помочь при сватовстве.

- Так вот, Эдик, вся надежда на тебя, говорить будешь, медленно, подбирая весомые слова, выказывая хозяину дома безмерное уважение. Но, при этом, не забывай о чувстве собственного достоинства. И не напивайся, молю тебя.

Кстати, хозяин дома известный охотник, он любит говорить на эту тему, но он профессионал, так что будь осторожен, не сболтни глупость. Потом, ему льстит, когда гости справляются о его родственниках. Я помню, за столом, в его доме несколько раз произвучало имя Эпросуме, запомни его, на всякий случай.

Через некоторое время автомобиль остановился у массивных ворот, за которыми смутно просматривался большой частный дом. В некоторых окнах горел свет, значит, еще не спали.

Водитель несколько раз посигналил, и из дома, держа над головой плащ-палатку военного образца, выглянул какой-то мужчина, пробрался, обходя лужи, к воротам и открыл их.

Это был армейский друг нашего жениха.

Наверное, неожиданный, поздний визит сослуживца, да еще в компании строго одетых, солидных мужчин, вызвал у хозяина некоторую тревогу. Но она тут же улетучилась, когда друг, широко улыбаясь, раскрыл объятья.

Прибывших гостей ввели в дом, и началась, обычная для таких случаев, праздничная кутерьма, ибо по законам кавказского гостеприимства гость в доме - всегда праздник.

Женщины сутились на кухне, одновременно накрывая стол, мужчины, в подвале, распечатывали бочонок с вином. Гости же оказались в сфере внимания главы семейства, он, как и все остальные домочадцы, пока не знал об истинной причине столь позднего визита, и с удовольствием потчевал друзей сына туточкой собственного производства, поданной, как положено, с орешками, чурчхелой и сушеным хурмой.

Конечно же, гостям, была представлена и дочка хозяина. Она оказалась скромной, хорошо воспитанной, доброй, но очень некрасивой девушкой. О таких говорят: «никакая».

Как правило, они выглядят подростками, маленькими девочками, даже в восемнадцать или двадцать лет. К тому же у нее была плохая кожа, покрытая мелкими прыщами, но это уже не волновало визитеров.

Даже того, кого, по идеи, очень даже должно было волновать, ведь это были не СМОТРИНЫ, а самое настоящее СВАТОВСТВО!

Пока готовилось угощение, сын хозяина облачился в свою плащ-палатку, и пошел пригласить на застолье, как того требовал обычай, ближайших соседей. Так что, примерно через полчаса, как раз к тому моменту, когда все яства были приготовлены, пришли еще трое пожилых людей, друзья хозяина дома.

Всех усадили за стол, и хозяин, пока не был выбран официальный тамада, поднял первый тост, поблагодарив гостей за внимание к его семье, за столь приятную встречу и пожелал процветания всем присутствующим. Потом слова попросил Эдуард, и, извинившись, объявил об истинной причине визита.

Его сообщение вызвало, естественно, переполох. Однако хозяин дома, будучи человеком мудрым и решительным, резонно заметил, что, в конце концов, традиции сватовства не прописаны настолько подробно и догматично, чтобы усмотреть, в сегодняшней ситуации их нарушения. Сваты на месте, а обычный для таких случаев семейный совет, с привлечением старейшин рода по линии невесты, сейчас может быть представлен соседями, уважаемыми людьми, мнение которых для хозяина дома является непререкаемым.

И началось удивительное таинство СВАТОВСТВА! Описать точно, КАК протекает подобное действие, задача почти невыполнимая, ибо восстанавливать события давно ушедших дней приходится с чужих слов, вынимая из дальних уголков памяти реальность, слегка додуманную.

Сценарий сватовства прекрасно сформулирован в русской поговорке - “У нас купец, у вас - товар”. И развивается действие (так и хочется сказать – спектакль). Но обычно, слово - «спектакль» подразумевает некую искусственность, даже фальшь происходящего, а мы имеем дело с Великим и Искренним искусством им-

провизации), в философском русле заданного направления.

Каждая речь сватов, а произносил их назначенный содружеством Эдик, являет собой искусно составленный дифирамб, панегирик семье невесты, ее родителям, многочисленной родне, красоте девушке, ее ангельскому смирению и добродетели, ее, наверняка, выдающимся талантами будущей хозяйки дома. Ибо не может не быть святой и одновременно земной девой та, что родилась и выросла среди красот предгорья, на берегу своеенравной красавицы- реки, в доме бесстрашного, мудрого, уважаемого всей Республикой человека.

Но и ведь наш жених – парень не простой, не на улице найденный, красавец - мужчина, дипломированный специалист из хорошей семьи, да и любовь к своей невесте, сестре ближайшего друга, носит в сердце столько лет.

И разве у кого-то хватит жестокости отказать двум, рвущимся друг к другу сердцам, в стремлении соединиться!

Конечно, - подхватывает эстафету один из соседей: – Конечно, разве вы видите за этим столом, в доме уважаемого, справедливейшего человека жестоких людей?

Нет их, но, согласитесь, родительская душа должна быть сто процентно спокойной и уверенной, что вручает судьбу цветка своего горного, выхоленного и обласканного теплом материнского и отцовского сердец, в добрые, чистые руки надежного и порядочного человека. Конечно, мы знаем его семью, это честнейшие и благороднейшие люди, и мы уверены, что и они не возражали бы, чтобы наследник их обстоятельно и убедительно доказал серьезность и продуманность своего решения всем присутствующим здесь близким невесты».

Ну, а пока, суть да дело, дорогие гости продолжаются. Да они, по большому счету, и не прерывались, потому что гармонично вплетены в ткань, в суть происходившего.

Бедная девочка, кто знает, ЧТО творилось в хрупкой и ранимой душе ее, какого решения ждала она от судьбы, сидя в одиночестве в своей комнате. Парадоксально, но никто и не думал интересоваться мнением человека, чья судьба решалась сейчас за празднично накрытым столом!

Застолье продолжалось, становясь все более динамичным и шумным. Вино лилось, как говорится, рекой, эмоциональный пик, видимо, был уже пройден, и стороны все больше и больше обсуждали вопросы организационные, по сути, дела - технические.

Например, можно ли отпустить невесту со сватами для знакомства с родителями жениха, прямо сегодня ночью или ждать до завтра, или, все-таки отпустить, но с друзьями отца невесты, с моментальным возвратом домой и так далее, и тому подобное.

Счастливый жених возбужденно потирал руки, и незаметно под столом обменивался с друзьями быстрыми хлопками ладонек, все, мол, отлично! И все, действительно, шло отлично!

Ну, а потом, произошло то, чего весь вечер так боялся жених. Помните наставление в автомобиле и фразу: “Эдик, молю, только НЕ НАПИВАЙСЯ!”

Но попробуй не напиться, если в тебе сидит стаканов тридцать густого и терпкого домашнего вина, плюс еще приличное его количество, выпитое из объемистых рогов тура, подстреленного ОХОТНИКОМ, самим отцом невесты!

То то же! И я об этом! Самое обидное, что драматическую, а, правильнее сказать, трагическую, перемену в поведении Эдуарда, мог заметить только человек, знающий его ОЧЕНЬ ХОРОШО. Потому что перемена эта со стороны была, практически, не заметна. И жениху, увы, предстояло ее увидеть уже без права что-либо изменить.

Эдик неожиданно снял галстук и потер переносицу. Для знающих, это означало только одно - Эдика сейчас “понесет!” И Эдика действительно, понесло!

Первое, с чего он начал, сняв галстук, это - обращение к хозяину дома со слова “братишка!”

Потом выяснилось, что Эдик, оказывается, профессиональный охотник, и в его коллекции в виде чучел значатся штук пять или шесть, подстрелянных им горных козлов, и еще один крокодил, добытый во время африканского: “Ну, как его? Ну, да, сафари”.

(Здесь нужно напомнить, что действие рассказа происходит на стыке пятидесятых и шестидесятых, и ни о каком сафари и

Сам же выпивал вторую “красненькую”, усаживался в каптерке за стол, предварительно все с него убрав, и начинал Творить!

Дело в том, что у отставного старшины были два секрета. Во-первых, он “болел” очень странной и, видимо, редкой разновидностью графомании. Его страстью было составление, а, вернее, придумывание, различных инструкций, правил поведения, регламентов и запретов.

Причем, все, что рождалось в его голове, тут же приобретало, при помощи картона, туши и плакатных перьев, форму объявлений и немедленно вывешивалось в местах, подходящих, по мнению коменданта, для этих целей. Поэтому во всех внутренних помещениях общежития, а так же, снаружи, на входной двери, практически, не было ни одной плоскости, не покрытой продукцией интеллектуального труда нашего героя.

И все бы ничего, если не второй секрет, который, для любого, прочитавшего хоть один вывешенный шедевр, становился секретом Полишинеля.

Нашуважаемый комендант был НЕГРАМОТНЫМ.

Конечно, это не упрек и не насмешка, а констатация факта.

Когда-то, мальчишка из маленького села под Вологдой ушел на фронт, не успев получить никакого образования, а дальше судьба его нам известна и понятна.

Конечно, в памяти сохранились не все умопомрачительные тексты объявлений, но вот то, что удалось восстановить:

“ВХАДНОЙ ДВЕРИ НЕ ХЛОПАТЬ ВЫСЕЛЮ”

“НЕ ЛАПАЙТЕ ЗЕРКЛО НЕ БАБА”

“ПАСТАВИЛ ЧАШКИ ДЛЯ СОЛИ ПАЛЬЦМИ И ЯЙЦМИ
НЕ ТЫКАТЬ”

“БАТИНКИ СЛУЖЕБНЫМ ПАЛАТЕНЦЕМ НЕ ПАЛИРОВАТЬ”

Но безусловным шедевром было объявление, написанное большими буквами на листе фанеры и прикрепленное при помощи мощнейших кровельных гвоздей к стене в туалетной комнате:

“КАТЕГОРИ ВОСПРЕЩЮТСЯ СТАНОВИТЬ НАГАМИ
УНЕТАЗ ВО ИЗБЕЖАНИ СЛОМАТСЯ КАК ТО РАЗ БЫЛО”.

речи не могло идти. Что же касается горных козлов, то выдумки Эдуарда разбивались о тот простой факт, что ПОДСТРЕЛИТЬ горного козла считалось у профессиональных охотников фактом проявления ВЕЛИЧАЙШЕГО мастерства.

Потому что горный козел обладал свойством взбираться на такие вертикальные склоны, куда даже ящерице или змее был путь заказан, а уж спустить тушу вниз, чтобы потом сделать чучело, ну, априори, было ложью.

А лжи и бахвальства, как известно, настоящие охотники не терпят!)

Хозяин дома заметно помрачнел, и, наверное, чтобы поднять ему настроение, Эдик вдруг спросил: “Кстати, братишка, как живает Епросуме?” Реакцией на вопрос была кривая улыбка и ответ, что с Епросуме все в порядке, и какое счастье, что сват побеспокоился о здоровье родственников невесты.

Далее, сват, вдруг, начал вставлять в свои речи странные слова, типа: “Самосвал, паровоз, эшелон,” причем, говорил он без остановки, не давая возможности прервать его никому из присутствующих, периодически спрашивая хозяина дома, так как же живает Епросуме.

Это сейчас, речь, засоренная словами типа “блин”, - не вызывает удивления, а тогда...?

Глава семьи мрачнел все больше и больше, а Эдик говорил и говорил.

Помните Энди Таккера из рассказа О.Генри “Трест, который лопнул”? Так вот, по-моему мнению, Энди отдался необъяснимому, великому искушению пофилософствовать. Противопоставить свою чистую, спрятанную очень глубоко, душу, жалкому, низменному, окружающему миру людей. И это стало доминантой его безумной, казалось бы, речи, а все остальное, в том числе, успешный с Джеком Питерсон бизнес, являлся лишь прахом у ног человечества.

Но Эдик действовал более приземленно, чем Энди Таккер. Его просто НЕСЛО, и остановить его не было никакой возможности.

Все с замиранием ожидали развязки. И она наступила.

Продолжая рассказывать о своих охотничьих подвигах, Эдик,

вдруг, прервавшись, снова спросил:

- А как же, на самом деле поживает дядя Эпросуме, как он себя чувствует, эшелон, едрена мать?

В зале, над празднично накрытым столом, нависла тревожная тишина, затем поднялся хозяин дома и, сквозь зубы, произнес: “Время позднее, пора расходиться, а ответ, по поводу женитьбы, мы дадим позднее!”

Подобная фраза была немыслимой, по сути дела, хозяин дома нанес несмываемое оскорбление своим гостям, фактически, выгоняя их вон!

Вновь возникла пауза, которую попробовал нарушить ГЛАВНЫЙ СВАТ: “Так как же насчет дяди Эпросуме?” - громко произнес он.

Видимо, это стало последней каплей!

- Оскорбляя жениха и его родителей, я рву и собственное сердце, но, вряд ли, сынок, ты когда-либо женишься, имея подобного свата, - с болью в голосе, произнес хозяин дома.

- А этому мудаку, Эдуарду, можете передать, что Эпросуме никакой мне не ДЯДЯ, а моя троюродная ТЕТЬ, отвратительная старая дева, живущая на этом свете уже девяносто два года и отправившая жизнь всей своей родне.

На следующее утро, до рассвета, друзья зашли за Эдуардом, подняли его из постели и отправились “поправить здоровье” утренним хашем, естественно, с положенными ста граммами.

Никто, никого, ни в чем не упрекал, и о вчерашних событиях в разговорах, все старались не упоминать.

Только, когда “обязательные” сто граммов превратились в четыреста, Эдуард тяжело вздохнул и произнес негромко, как бы только для себя самого

- Как же я мог так проколоться, ведь я уже слышал это имя - ЭПРОСУМЕ? Это, на самом деле, местный вариант женского имени - ЭФРОСИНЬЯ!!!

- Бог с ней, с этой Эфросиньей, лучше постараитесь объяснить, что значили твои «электровозы», «эшелоны» и так далее?

- Но вы же сами просили употреблять слова солидные и весо-

мые, а весомые- значит тяжелые, а что может быть тяжелее самосвала или эшелона? Налейте ка, лучше, еще водки!"

Кстати, немного об именах.

Конечно, и жителей моего города не обошел стороной всесоюзный постреволюционный порыв называть детей в честь известных деятелей. А потом и вовсе давать детям выдуманные, сконструированные, не существовавшие ранее, имена.

Так и стали появляться в метриках Мараты, Жоресы, Спартаки, Карлы и Кларацеткины (именно так, в одно слово).

И далее Мэлсы (Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин), Электрификации, Лавбери (Лаврентий Берия), Лампочки и Плотины.

Но, безусловно, явлением местным была мода на имена из классической литературы или просто на красивые и непривычные. Особенно эта мода "поразила" сельское население региона.

Попадаешь, к примеру, в какое-то дальнее, горное село, а там большинство женщин - Мадонны, Леди, Джильды, Аурелии или Кампет (производное от слова конфета).

А на рынке торгует, к примеру, зеленью, типичный сельский житель, одетый в "сталинскую", полу военную рубашку навыпуск, с наборным поясом, в галифе, шерстяные носки ручной вязки, и "азиатские," узкие калоши, а зовут его - Ричард Луарсабович или - Гамлет Седракович! И рядом продаёт аджуику какая-нибудь Лисампет Камуговна! (Лисампет - это местное звучание имени Элспет или Елизавета).

Так что, Эпросуме, из предыдущей картинки, это так, местный колорит и ничего более.

Следующий диапозитив попал в сухумскую коллекцию уже из другой пачки.

Учась на подготовительных курсах ВУЗа, я жил некоторое время в Москве в ведомственной гостинице-общежитии.

Находилась она, как и десятки других, различных, организаций в запутанных лабиринтах гигантского здания бывшего (и теперешнего) Гостиного Двора, в самом центре Москвы, на улице Куйбышева.

Проживали в ней, в основном, работники ведомства, командированные на разные сроки в столицу. Командовал же, вверенным ему хозяйством, комендант (он же директор, зав. складом, администратор и вечерний дежурный).

Командовал, а не руководил, потому что был военным пенсионером, и гражданской лексики не уважал. В подчинении у коменданта была всего одна сотрудница-кастелянша, уборщица и официальная сожительница командира. Вообще-то, она было его пэпэже (походно-полевая жена) с временем войны, имела от него сына лет шестнадцати, который частенько подменял отца на посту дежурного после вечерней проверки.

Комендант был списан в запас по ранению, молодым, в чине старшины, поэтому в описываемое время был человеком не старым. И, если бы не протез, мог бы похвастаться отменным здоровьем.

Собственно, крепкое здоровье и позволяло ему тащить на себе груз обязанностей главы “вверенного подразделения”.

Был он шумным, внешне грубым, но очень добрым и отзывчивым человеком, готовым выполнить любую просьбу, обратившегося к нему человека, за что его любили все постояльцы.

Помимо командирских обязанностей, были у него в ежедневном служебном графике еще несколько обязательных пунктов. А поскольку занятия мои на курсах проходили не каждый день, я часто был свидетелем всех внутренних событий общежитий. Они проходили одинаково, по некой раз и навсегда утвержденной кем-то схеме.

Итак, на утренней проверке комендант давал ЦУ своим подчиненным в лице уборщицы, а иногда устраивал разнос за какие-то возможные прошлые упущения.

Говорю - «возможные», ибо, смысл монолога, произносимого громовым голосом, который мог быть услышан и в Кремле, не будь стены здания столь мощными, напоминал выступление

дворника, на собрании в ЖЭКе, из известного анекдота, помните?

“Как … б твою мать, так это, значит, я, а как мать твою … б, так это – Никитин”, что означало в переводе: как мне, Хабибуллину, так лишние сосульки скальвать, а как бесплатную путевку, так тут всегда Никитину!

После ЦУ следовала реальная работа по уборке, проветриванию комнат, замене белья и так далее, в общем, рутина. И так, до часа дня.

Потом Вера (так звали личный состав подразделения) уходила домой, комендант усаживался в каптерке, которая была, скорее, администраторской (сейчас какой-нибудь умник сказал бы «рессепшен»), и до четырнадцати нуль, нуль работал с документами.

Он проверял записи, счета, накладные. Ровно в два часа дня закрывал “каптерку” на ключ, и шел обедать в личную служебную комнатушку. За обедом выпивал обязательную «маленьку» (0,5 л.), бутылку “красненького,” укладывался на узкую железную кровать с пружинным матрацем, и оглушая пустое в это время дня общежитие, мощным музыкальным храпом, спал ровно до трех часов дня.

Далее, до пяти часов вечера, комендант занимался мелкими, текущими делами - ревизией и ремонтом инвентаря, заменой лампочек и тому подобной эксплуатационной деятельностью.

В пять часов снова приходила Вера для вторичной, вечерней уборки. Ровно в восемнадцать часов в коридоре звучал громкий голос коменданта:

- Вера Ивановна, прошу ко мне с рапортом.

Если уборщица не слышала и, соответственно, не отзывалась, в коридоре возникал характерный стук протеза об пол и через несколько секунд стены уже дрожали от эмоциональной тирады коменданта. Озвучивать сейчас ее бессмысленно, ибо вместо КАЖДОГО слова пришлось бы вставлять многоточия.

Так или иначе, но для обязательного заслушивания рапорта, комендант уводил уборщицу в личные покой, откуда, в течение нескольких минут доносился ужасающий металлический скрип кроватных пружин. Приняв, таким образом, рапорт о проделанной работе, комендант отпускал личный состав домой, в увольнительную.

И, видимо, для пущей важности, внизу, буквами поменьше было подписано – КОМЕДА

В конце пятидесятых в палитре города появились новые, невиданные ранее, цвета.

Эти непривычные краски внесли люди, называемые в народе эмигрантами.

На самом деле, по-научному, это были репатрианты. То есть те соотечественники, которые жили за рубежом, но кого смогла “окрутить” и заманить в Союз советская пропаганда хрущевских времен.

Кстати, если не использовать слово - краски, как фигуру речи, то именно тогда, я впервые в жизни увидел заграничные, масляные и акварельные краски французского и английского происхождения. Со мной в местной художественной школе учился мальчик, украинец, чья семья приехала из Аргентины. Он привез оттуда этюдник с комплектом этих самых красок.

Процесс заманивания бывших соотечественников на родину, по рассказу парня, был организован в лучших традициях Потемкинских деревень, но с поправкой на технические достижения двадцатого века.

Как и многие другие семьи, родители мальчика были приглашены в советское посольство на торжественный вечер по поводу очередного празднования дня революции. Подростка взяли с собой.

Помимо торжественных речей и концерта, было фантастически богатое угождение с поросятами, осетриной и огромным количеством черной икры. Во время фуршета гостям показали, в частности, документальный фильм о жизни советских колхозников.

Как следовало из фильма, живущие в огромном двухэтажном доме супруги рано встают, принимают горячий душ, готовят завтрак на газовой плите, причем хлеб поджаривают в тостере, и под музыку Чайковского, льюющуюся из радиоприемника, выпивают с наслаждением утренний кофе со сливками.

Потом, навещают на подворье свою живность, состоящую из коров, свиней, гусей и огромного количества кур. Все хозяйство

размещается в современном здании, и полностью механизировано.

А когда хозяева уезжали на личном автомобиле трудиться на колхозных полях, на личной ферме до вечера кипела жизнь.

Коров, к примеру, доил автомат, все молоко сливалось в бак из нержавеющей стали, откуда поступало по трубам на сепаратор, после чего готовый полуфабрикат разливался по флягам.

Куры несли яйца в специальных нишах, расположенных на транспортере, автомат сортировал их и укладывал в лотки, ну, и так далее.

Даже сегодня, с высоты прожитых лет, трудно оценить мощь и цинизм советской пропагандистской машины. Однако, ладно, это совсем другая тема.

Итак, появились люди, сильно отличающиеся от горожан.

Во-первых, своим специфическим, иностранным акцентом, не похожим на местные диалекты. Во-вторых, одеждой, предметами быта.

Даже те, кто приезжал из “бедных” стран, типа Турции или Сирии, были прекрасно одеты.

Горожане узнали, что ковбойские брюки называются “блю джинс” (желательно от фирмы “Леви Страусс”), клетчатые американские рубашки - “батон даун”, что курить можно не только “Приму” или “Казбек”, а еще и крепкие, ароматные “Житан,” “Кэмел” или “Лаки Стайк,” что в мире существуют красивые и надежные зажигалки, шариковые ручки, транзисторные приемники и мотоциклы, типа “Харлей Дэвидсон”, с мощнейшими, урчащими двигателями, немыслимой скоростью и сверкающими никелированными деталями, обвешанные вместительными кожаными сумками.

Но, пожалуй, главное, что замечали неспешные, слегка сонные местные обыватели, так это то, как люди эти УМЕЛИ и ХОТЕЛИ РАБОТАТЬ!

Были среди репатриантов украинцы, русские, эстонцы, но, больше всего, было армян.

Иммигранты быстро адаптировались и стали приспосабливаться, врастать в социалистическую действительность, а поскольку в своей массе были они люди инициативные, то, безус-

ловно, внесли свежую струю в монотонную, привычную жизнь города.

Появились автомастерские, где можно было произвести качественный ремонт любой сложности, пошивочные и сапожные ателье, где одежду и обувь шили по европейским лекалам, цеха, где производили экзотические продукты, вроде вафельных тортов, сахарной ваты или рахат-лукума.

По всему городу стали устанавливать небольшие павильоны, где чинили электроприборы, часы, ювелирные изделия и еще много чего. В городских кофейнях готовили прекрасный кофе “по-турецки”.

Так что, скоро город зажил жизнью торгового порта, только роль кораблей, привозящих контрабанду, прекрасно выполняла почта, через которую и тек из-за рубежа, поток различных дефицитных товаров иммигрантам.

Многие из них обзавелись автомобилями, что по советским меркам тех лет, было очень “крутого”, и собственным, благоустроенным жильем.

Забегая вперед, скажу, что все равно советская система “достала” и этих людей, и, побросав все нажитое, они, всеми правдами и неправдами, уехали из Союза.

По-разному, в разное время, но уехали. Помню, девушка из семьи вернувшихся за рубеж, писала своему другу из Марселя, как тяжелы условия жизни, рассказывала, что вся ее семья разместилась в одной комнате, что отец, с трудом, устроился на работу, денег катастрофически не хватает, и так далее. Однако письмо заканчивалось фразой: “Но ты даже не представляешь, КАКОЙ ЗДЕСЬ ВОЗДУХ!”

Кстати, вспоминается забавный случай, связанный с отъездом одного известного портного. В доме моего друга было застолье. Мы уже прилично выпили, когда к отцу приятеля пришел попрощаться тот самый портной. Его, тут же, усадили за стол. Портной был невероятно счастлив, что получил разрешение на выезд.

Гости стали его поздравлять, и засыпали огромным количеством приятных пожеланий. Один из наших друзей, великий шутник, пожелал портному на новом месте иметь “МНОГО ЛАПСА-

НА!” (Тогда лавсановая ткань была очень модна и, соответственно, являлась дефицитом).

Через некоторое время он опять попросил слова, и очередной тост закончил фразой: “Дай Бог тебе МНОГО ЛАПСАНА!” Портной радовался и тоже шутил на тему лавсана.

Однако при следующем, третьем, пожелании ЛАПСАНА, криво усмехнулся, к четвертому помрачнел, после пятого поднялся, и обращаясь к хозяину дома, угрожающе произнес: “Знаишь, Гиорги, у твой сын весели друзья, спасибо им, но клянус, после сегодняшни ден, шерст буду работать, дакрон тоже, ратин, канце канцов, но ЛАПСАН в жизни в руки брат НЭ БУДУ!”

Однако все это случится потом, гораздо позже! А пока же все идет своим чередом, и новшества, привнесенные иммигрантами, становятся привычными и обыденными, да и сами они, хоть и держатся немного обособлено, быстро адаптируются к пестрой жизни интернационального города.

Итак, многие горожане, благодаря почтовым посылкам, разгуливают в джинсах и модных египетских нейлоновых носках. Эти самые носки, как только появились в обиходе, стоили с рук сто рублей, безумные деньги! Цена килограмма парного мяса на рынке тогда была двадцать рублей. Но каждый юноша считал своим долгом “выдавить” из родителей вожделенную сумму, обещая взамен любой уровень послушания.

Многие курят “Кэмел,” просиживают долгие часы в кофейнях, ну, и, как принято, особенно зимой, развлекаются, устраивая мелкие, (а иногда и не очень) розыгрыши. На память приходит небольшой сюжет.

Пожалуй, самой популярной в те годы была кофейня на набережной, на месте теперешнего ресторана “Нартаа.” Представляла она из себя несколько беседок, кабинетного типа, объединенных в одну конструкцию, псевдоитальянского стиля. Зимой беседки не защищали от холода и ветра. Ну, уж какие там, у нас, на юге, холода? Главное, чтобы была крыша, защищающая от дождя.

Удобное расположение, возможность, хоть и условного, но уединения в беседке, ароматный кофе вкупе с хорошей сигаретой, а

иногда и с “мастырочкой” гашиша.

Вот вам и прекрасные условия для неспешной приятной беседы.

Кофе готовил иммигрант, армянин из Турции, а среди завсегдатаев была компания его друзей, пожилых и степенных людей, тоже, в свое время, приехавших из Турции.

В кофейне их можно было застать в любое время дня и смело назвать “пикейными жилетами” восточного образца. Говорили они на специфическом армянском языке, пересыпанном турецкими словами, который, с трудом понимали (и принимали) местные армяне.

Я не знаю, о чем они беседовали часами, и, хоть “проблемы Чемберлена” давно не существовало, я думаю, они так же заинтересованно обсуждали насущные политические вопросы и “шерстили” конкретных политиков.

Ясно, что и футбол так же был важной темой дискуссий, потому что часто звучали фамилии известных игроков, тренеров и судей.

Наверняка, обсасывались до косточек все городские события, ну, и, еще, очевидно, они касались многих тем. О чём, по мнению нашей “хевры,” они не говорили, так это о женщинах, учитывая возраст и строгое воспитание всей компании.

Эта догадка моментально трансформировалась у нас в конкретную идею.

Самым уважаемым среди “восточных пикейных жилетов” и их негласным лидером был некий Арменак-Ага. Этот самый Арменак представлял из себя живописную личность.

Небольшого роста, колченогий, худого телосложения, но с приличным животиком, огромным, крючковатым носом, на котором красовалась внушительная волосатая бородавка и запавшим шамкающим ртом. На голове его красовалась феска, а руки с искривленными, нервными пальцами постоянно перебирали бусинки гранатовых четок.

Сидел он, обычно, во главе стола, говорил мало и неспешно, компания же внимала ему с почтением.

Ну, так вот, подходит юноша из нашей беседки к столу, под

председательством человека в феске, церемонно приносит извинения за вмешательство в разговор уважаемых старших, оправдывая свое поведение необходимостью сообщить лично Арменаку-Ага сведения секретного характера.

У сидящих за столом моментально увеличиваются в размерах уши и настраиваются как радары, в одну сторону. (То же самое происходит и с нами, сидящими в ближайшей беседке). В кофейне воцаряется полная тишина.

Юноша наклоняется к голове Арменака, прикрывает рот ладонью и произносит интригующее, но достаточно громко, чтобы слышали все, примерно следующее:

-Уважаемый Арменак-Ага, сообщение, которое я уполномочен довести до Вашего сведения, носит сугубо конфиденциальный характер, ибо, лицо, чьи интересы представляет Ваш покорный слуга, обязало меня соблюдать конспирацию. Минимальная утечка информации может повлечь за собой развитие ситуации исключительно в неблагоприятном русле, поскольку наблюдается повышенное внимание к объекту доверия со стороны некоего недоброжелательного альянса. Надеюсь, Вы меня понимаете, уважаемый Арменак-Ага?

Здесь необходимо пояснить: обычно розыгрыш не режиссируется заранее, он, как, к примеру, джазовая композиция - дитя импровизации.

Все нюансы и мизансцены, а главное, текст, придумываются в процессе действия и, конечно, зависят от "исполнителя", его фантазии, образованности и чувства юмора.

Тирада, придуманная и озвученная нашим другом, имела коварный смысл. Составленная из мудреных слов и газетных терминов, произнесенная с нарастающей таинственной тональностью, она должна была запутать объект розыгрыша и внести в душу Арменака-Ага и его друзей чувство смятения, растерянности, тревоги и подготовить плацдарм для нанесения следующего удара.

Замысел, безусловно, сработал!

А теперь представьте состояние пожилых людей, приехавших из тоталитарной Турции в еще более тоталитарный Союз, боя-

щихся, как говорится, своей тени, едва понимающих язык, и которым малознакомый юнец заговорщицким тоном толкует о каких-то секретных сведениях, здесь, в ПОГРАНИЧНОЙ ЗОНЕ!

Все это время несчастный Арменак ощущал себя сидящим на раскаленной сковороде. Ерзая на стуле, постоянно меняясь в лице, он, то резко бледнел и обливался потом, то становился багровым, цвета молодого вина, не зная, как вести себя в подобной экстраординарной ситуации.

Арменак не понимал, что за испытание, и за какие грехи преподносит ему судьба, наслав молодого шайтана в облике юноши с целью, его, Арменака, погубить. Наверное, так или приблизительно так, думали и остальные его друзья, выглядевшие не намного лучше своего старейшины, и тоже потерявшие покой.

Юноша, закончив свою речь вопросом, застыл над головой старика, явно в ожидании ответа. Пауза становилась слишком долгой и гнетущей, и собравшись с духом, Арменак, хриплым, сипящим голосом неуверенно произнес:

- И ШТО-О ХОЧИШ АТ МИНЭ?

Товарищи Арменака согласно закивали головами и дружно за-галдели:

- ДА, ДА, ОЛАМ, СКАЖИ, И ШТО-О ХОЧИШ АТ ЭМУ?

Юноша поднял ладонь правой руки, требуя тишины, и продолжил сладким голосом змея-искусителя:

- Я то, уважаемый Ага, лично от Вас ничего не хочу, можете мне верить, да и что я, вообще, могу от Вас хотеть? Я только исполняю волю пославшего меня лица...

- А, ЭТИ, ШТО-О ТИ СКАЗАЛ, ЭТИ ЛИ-ИЦО, ОНИ ШТО-О ХОЧИТ?- перебил посланца обессиленный старец.

Юноша изобразил на своем лице смущение, слегка понизил голос, но достаточно громко и также мудрено, как и раньше, произнес:

- Дядя Арменак, пославшее меня лицо является, вообще-то не лицом, а вернее, конечно, лицом, только лицом другого пола, ибо лицо это является женщиной!

Эта женщина давно тайно влюблена в Вас, дорогой Ага, но

она - особа высокой морали, и будучи супругой уважаемого горожанина, сдерживала, на протяжении долгого времени, свою страсть. Но теперь, когда ее незабвенный супруг переместился в мир иной и период траура закончился, она желает, чтобы Вы, уважаемый Ага, знали о ее чувстве к Вам! Поэтому она и поручила мне столь деликатную миссию.

Арменак был близок к обмороку, он опять ничего не понял, кроме слова – ЖЕНЩИНА. Единственно, что он сумел произнести, совершенно осипшим голосом:

- И ШТО-О АНА ХОЧИТ?

- Ну как, дядя Арменак, что она хочет, – продолжал мучитель – она хочет, как польская красавица Ольга Зайонц, из известной книги, только любви. Она хочет назначить Вам, дядя Арменак, ЛЮБОВНОЕ СВИДАНИЕ, вот что она хочет! Так что передать ей, дядя Арменак?

Компания старца находилась, как и он сам, в шоковом состоянии, все направили свои округлившиеся глаза в сторону старейшины, ожидая его реакции. Арменак же, понимая, что от ответа ему не уйти, сначала, резким, нервным жестом вскинул руку, причем лицо его скривила непонятная гримаса. И, вдруг, неожиданно громко, выкрикнул что-то типа: “КШИ”.

Ну, совсем как товарищ Саахов в исполнении Владимира Этуша, прогоняющий черного ворона.

Это могло означать, к примеру, - иди отсюда или оставь меня в покое.

Но, чтобы это не значило, спектакль не был доигран до конца и избавиться, так просто, от назойливого режиссера, было делом безнадежным.

- Так что же передать этой достойной женщине от Вас, уважаемый Арменак-Ага, придете Вы на любовное свидание с ней?
– Повысив голос настолько, что его стало слышно на улице, за пределами кофейни, дважды или трижды повторил юноша трагическим тоном шекспировского героя.

И доведенный до точки эмоционального кипения, находящийся в центре внимания, как актер, освещенный ярким софитом на темной сцене, маленький человек в феске, понявший, наконец,

что секретные переговоры никак со шпионажем не связаны, неожиданно окрепшим голосом с достоинством изрек:

- ПЕРЕДАЙ ЭМУ, ШТО АРМЕНАГ НЭ ХОЧЕТ ПАЙТИ, ДА, НЭ ХОЧЕТ. НЭТ, СКАЖИ ЭМУ, МЭРА ...УНЭМ, НЭ МОЖЕТ УЖЭ АРМЕНАГ ПАЙТИ С Д-ДЖЕНЩИНУ-УМ, АНА ... ИКИМ, НАКАНЕЦ!!!

Занавес опускается, спектакль, то-бишь, розыгрыш, завершен.

Остается добавить; некоторое время Арменака с друзьями в кофейне не было видно. Потом они появились, но герой драмы уже не садился во главе стола.

Ну, а еще, чуть позже, все вернулось на круги своя. И Арменак даже стал, при встрече, подавать руку своему недавнему обидчику.

Это я к тому, что чувство юмора, на самом деле - ВЕЛИКАЯ СИЛА.

Есть еще одна великая сила - чувство меры, но в коллекции автора, в пачке "Иммигранты" обнаружился еще один слайдик. И автор не смог устоять перед искушением, вставить его в стереоскоп.

Наискосок от здания Горсовета, в самом центре города, стоял небольшой, уютный павильончик. Верхняя часть до крыши в форме зонтика, была по периметру остеклена.

На вывеске, установленной за стеклом, было написано, что здесь ремонтируют часы, ювелирные изделия и электроприборы. Ниже вывески висел кусок картона, на котором от руки, аккуратно, было выведено: "ВСЯКИ МЕЛОЧ И ЭРУНДА ПАЧИНЮ."

Трудился в стеклянном тереме неординарный человек, известный всему городу. Звали его - дядя Карен.

Высокий долговязый человек, с фигурой юноши и седой, как лунь, головой старика, он всегда был чисто выбрит, и изысканно, "по фирме" одет.

В памяти, то есть на "слайде", он запечатлен, как персонаж, только что сошедший с обложки глянцевого западного журнала,

какие попадали в город, кстати, через тех же иммигрантов - в джинсах, американской клетчатой рубашке с пуговицами на воротнике, модных босоножках и фирменном кепи, с длинным козырьком. Этих самых кепи у него был, видимо, полный чемодан, ибо каждый день он надевал разные.

Запомнился темно-синий, с красивой эмблемой и надписью на английском языке – “US NAVY,” что переводилось, как подводный флот Соединенных Штатов.

Курил дядя Карен ароматные французские сигареты “Житан”, носил солнечные очки “Маккарти”, в золотой оправе, и ездил на спортивном, или, как его называли дети, “гончем” велосипеде.

Руки у дяди Карена были, воистину, золотые. В починку он принимал любой предмет, от «МЕЛОЧ И ЭРУНДА», до старинных музыкальных шкатулок, антикварных часов, наручных и кабинетных, затейливых ювелирных изделий и охотничьих ружей.

И все, без исключения, «ПАЧИНЯЛ»! Но универсальность кареновых рук и умение со вкусом одеваться, являлись, видимо, единственными его положительными качествами.

Во всем остальном дядя Карен был отвратительнейшей личностью, интриганом, сплетником, брюзгой и патологической жадиной.

Помню, с какой агрессивностью и злобой он гонял нас, мелкоту, заворожено наблюдающих сквозь стекла павильона на священнодействия мастера.

С зеркальцем, крепящимся на голове, по типу врачебного, и с блестящим оптическим прибором в глазу, он приковывал наше внимание. А если кто-то из детей не справлялся с соблазном потрогать сверкающий никелем велосипед, привязанный к павильону цепью с амбарным замком, дядя Карен становился монстром, циклопом из фильма о Синдбаде.

Он орал фальцетом, брызгал слюной и гонялся за виновником конфликта с армейским ремнем. И, горе тому, кто оказывался не очень проворным бегуном...

И у взрослых горожан причин не любить дядю Карена было предостаточно.

В расчетах за выполненные работы, он был сущим грабителем, рвачем высочайшей марки, изошренным и циничным человеком. Он заранее назначал высокую цену, говоря клиенту, что мастер он самый престижный в городе, и этим фактом можно хвалиться всю оставшуюся жизнь. А это чего-то да стоит.

Но это было лишь началом. После завершения работы, он устраивал клиенту истерику, говоря, что задача оказалась значительно сложней, времени ушло гораздо больше, чем предполагалось, к тому же понадобились дефицитные запчасти, и грозился вообще не возвращать предмета, пока цена за починку не будет увеличена.

Заказчики, как правило, пытались беречь свои нервы, тем более, многие знали о методах работы Карена. (Позднее, уже юношей, я слышал историю об одной проститутке, которая действовала по похожей схеме. Она выискивала заезжих клиентов в зрелом возрасте и при деньгах, договаривалась о цене, а потом, во время любовных игр, чувствуя приближение финала, резко ускользала из-под клиента, пощелкивая пальцами перед его носом. Смысл жеста был понятен, и, как правило, клиент тут же отдавал наличность, дабы закончить начатое дело. Правда, путану частенько били за это, но извините, кто не рискует, тот шампанского не пьет!)

Торговаться с Кареном, просить снизить цену или надеяться на отсрочку платежа - было делом абсолютно бесполезным.

И, я уверен, многие жители города с удовольствием "вклеили" бы дядюшке Карену за все его художества. Но данная фраза практически бесполезна, ибо изложена в сослагательном наклонении, а вести дальнейшую речь необходимо о конкретных событиях и о людях, похожих на Робинов Гудов, то есть о "народных мстителях" Сухумского разлива, конца пятидесятых годов двадцатого столетия. Заинтересовал?

А теперь представьте, раннее летнее утро. Люди, идущие пешком, не спеша, на работу по Проспекту Мира, вдруг замечают небольшое изменение в окружающем ландшафте.

Все, вроде, по-старому, дома на своих местах, асфальт после утренней уборки, как всегда, девственно чист, в парке Ленина шу-

мит листва от слабого ветерка, все привычно, кроме...

На положенном месте нет павильончика дяди Карена! Кто-то попросту отметил для себя этот факт, кто-то удивился и стал строить версии, почему могли его убрать, а кто-то, просто, прошел мимо.

А на другом конце города разыгрывалась почти детективная история.

В частном доме уважаемого горожанина, ответственного работника одного из министерств, вечером собрались друзья. Зрелые, степенные, мужчины после обильного ужина засиделись допоздна, играя в нарды, и болтая на разные житейские темы.

Утром хозяин дома встал, как всегда рано, сварил себе крепкий кофе, и чтобы взбодриться, выпил еще и крохотную рюмку коньяка, затем вынул из пачки сигарету, взял коробок спичек и вышел на балкон.

Было прекрасное летнее утро, солнце светило прямо в глаза, и пришлось искать место, куда бы ни попадали солнечные лучи. Такое место нашлось, мужчина с удовольствием, закурил, привычным взглядом окинул уютный двор, и ... лицо его окаменело, нижняя челюсть отвисла, сигарета изо рта выпала и улетела вниз, описав мудреную траекторию, покатилась по асфальту, и упала около... типового павильона управления бытового обслуживания населения.

Именно он, павильон дяди Карена, застекленный сверху и с информацией об предоставляемых услугах и объявлением - "ВСЯКИ МЕЛОЧ И ЭРУНДА"..., известным всему городу, как ни в чем не бывало, стоял во дворе частного дома, принадлежащего министерскому чиновнику.

Массивные ворота были заперты, как всегда, изнутри.

Каким образом павильон переместился со своего обычного места в центре на окраину города, во двор с накрепко запертыми воротами, оставалось необъяснимой загадкой. Видимо, не обошлось без помощи инопланетян или какого-то веселого джинна, вырвавшегося из бутылки, и решившего пошалить.

Хозяин дома некоторое время находился в шоке, затем протер глаза, убедился, что ситуацию это не изменило, павильон не ис-

чез, и нетвердой походкой направился к телефонному аппарату. После набора “02,” состоялся следующий разговор:

- Дежурный по городделу слушает.
- У меня будка.
- Что у вас?
- Будка, застекленный павильон.
- У вас украли застекленный павильон?
- Да, он стоит у меня во дворе.
- Так что, «ДА», украли, или «НЕТ», стоит во дворе, и почему он вообще у вас во дворе?

- Не знаю, его принесли ночью.

(Пауза)

- Кого принесли?
- Павильон.
- Принесли ночью павильон? Кто?

- Не знаю, принесли и поставили во дворе, а ворота были заперты на замок, изнутри.

(Пауза)

- Уважаемый, у вас вчера гости были?
- Откуда вы знаете, вы за мной следили?
- Да зачем мне за тобой, мудаком, следить, когда и так все ясно.

Вечером у тебя были гости, а утром появился павильон. Так вот, осмотри его внимательно, и, если найдешь в нем маленьких зеленых людей с хвостами и рогами, дай мне знать.

Дежурный вешает трубку.

Спустя несколько минут телефон звонит снова. За это время в милиции произошла пересменка.

- Дежурный городдела милиции у аппарата.
- Я осмотрел.
- Что осмотрел?
- Павильон.
- Какой павильон?
- Который принесли ночью.
(Пауза)
- Кто принес?
- Не знаю, принесли и поставили во дворе, я осмотрел, ника-

ких зеленых людей с хвостами там не нашел.

(Пауза)

- Жора, это ты опять шутишь? Товарищ старшина, сколько можно предупреждать, городдел милиции это вам, понимаешь, не цирк шапито и не публичная библиотека, а после смены надо не пьянствовать с утра и старших по званию под...бывать, а идти, мудаку, спать.

Дежурный вешает трубку. Вслед тут же звонок.

- Дежур...

- Ты, презерватив использованный, ты меня два раза мудаком назвал, сейчас приду в дежурную часть и яйца тебе оторву, глаз на жопу натяну, а погоны зубами сковырну. Когда тебя из милиции выгонят, будку эту ...банную тебе подарю, чтобы всю оставшуюся жизнь утюги и примусы ремонтировал! А сейчас записывай, наконец, мою фамилию, должность и адрес.

- Уважаемый, не признал я вас, думал, наш старшина шутит, у него это по утрам бывает, это я ему «мудака» адресовал, но не два раза, а только один, я же не предполагал, что звонит такой уважаемый человек, как вы! Все, что скажете, сделаю, любым способом свою ошибку исправлю, так что же вас побеспокоило?

- У меня будка, павильон.

- Какая будка?

- Которую ночь принесли.

- Ночью? Кто принес?

- Да не знаю я, не знаю, ...би уху мать, приедьте сюда, разберитесь на месте!!!

Через семь минут по адресу прибыла опергруппа с собакой и судмедэкспертом, на всякий случай, но собака след не взяла, отпечатки пальцев, кроме кареновых, не обнаружилось, не оказалось и следов взлома на замках. На самой будке никаких повреждений найдено не было и, забегая вперед, по секрету, скажу, что и внутри будки не пропал ни один, даже мелкий, винтик.

Все это происходило ранним утром, а уже в десятом часу на спортивном велосипеде на работу приехал дядя Карен. Не увидев павильона на месте, он вывалился из седла, сел на асфальт, а затем, бросив велосипед, что было невообразимым фактом, истор-

гнул из себя звуки, похожие на паровозные гудки, и понесся, как ракета, в сторону милиции.

В кабинете начальника, дядя Карен, совсем как зубной техник Шпак, из известного фильма, захлебываясь, стал перечислять исключительные ценности, похищенные вместе с павильоном. Причем, сбиваясь, начинал сначала, каждый раз все увеличивая и увеличивая количество пропавших предметов.

Остановить его начальник не мог, хоть и пытался. И лишь когда вошедший в раж дядя Карен сказал, что в будке находились золотые монеты “с руски цар,” начальник резко вскинул руку, и указывая в направлении улицы Энгельса, где располагался КГБ, грозно сказал:

- Насчет золотых царских монет, сообщишь ТУДА, ОНИ их бы-быстро найдут. А будку твою мы уже нашли, поезжай вот по этому адресу, там сейчас наши сотрудники.

При намеке на КГБ Карен тут же успокоился, пробормотал что-то вроде того, что: “я рускими язык плоха владэю”, и тут же из милиции исчез.

Павильон, конечно, вернули на место, и дядя Карен так же, как и раньше « ПОЧИНЯЛ ВСЯКИ МЕЛОЧ И ЭРУНДА», только иногда рассказывал, по большому секрету, как на него покушались агенты империалистических разведок, пытались убить специальным лучом и даже выкрали павильон неизвестным способом, чтобы тайно установить в нем шпионскую аппаратуру для наведения вражеских подводных лодок. И, если бы не доблестные советские органы... На этом месте рассказчик, обычно, умолкал и движением глаз указывал в сторону все той же улицы Энгельса.

Конечно, прошло время, и “страна узнала имена своих героев,” но мне и сейчас непонятны, а, вернее – неизвестны, три вещи - как павильон протащили через весь город, на рассвете, соблюдая полную тишину (а то, что его, автомобилем, именно тащили на тросе, известно точно), как обеспечили, при этом, полную сохранность, и главное - КАК ЗАНЕСЛИ ВО ДВОР, НЕ ОТКРЫВАЯ ВОРОТ?

Что, обычно, запоминается из увиденного на пляже? Красивые женщины в оригинальных купальниках, “накаченные” фигуры культуристов и, пожалуй, образцы “высокого” искусства татуировок или, как у нас говорили, наколок.

Сейчас этим никого не удивишь, да и тогда довольно часто встречались на разных частях человеческих тел самые необычные картинки, и даже целые тематические композиции.

Большинство было выполнено примитивно, но, порой, попадались, своего рода, графические шедевры. Но, еще более удивительными были татуированные на коже тексты.

К примеру, хрестоматийная надпись: “НЕ ЗАБУДУ БРАТУ АРМЕНАГУ КОТОРАЯ ПОГИБ ИЗ ЗА ОДИН БАБУ.”

Некоторые утверждали, что это только первая часть фразы, а вторая гласит: “СПИ СПАКОЙНО ДОРОГОЙ БРАТУ Я ЭТО БАБА ОТОМСТИЛ”.

Не знаю, я лично не видел ни первую, ни вторую надпись, а что точно видел, так это: “ТЕЩЯ ПАСКУДА ОТКИНУСЬ ЗАШИБУ” или “НЕ ЗАБУЯ МАТ РАТРА,” что означало, очевидно, что не забудет мать родную носитель сего изречения.

Но поистине незабываемое впечатление произвел на меня огромный дядька устрашающей наружности, кривоногий, небритый, с полным ртом золотых зубов, весь поросший, как обезьяна, густой растительностью, сквозь которую просматривалась, практически на всем теле, целая картинная галерея.

Чего только там не было! И львиные морды, и огромный крест, и портрет Сталина, и, какая-то дама с распущенными волосами на фоне могилы.

Но самым поразительным и неожиданным элементом декора являлась надпись, выполненная большими, “пляшущими” по руке, буквами: “АБАЖАЮ МУЗЫКУ”.

Мягкая, теплая, слегка солнечная, осень в Абхазии.

Вечер, еще светло, но нежаркое осенне солнце настойчиво

стремиться растворить себя в уходящем за горизонт море, окрасив его по всей плоскости фиолетовым, сказочным цветом и отделив воду от неба яркой сияющей полоской.

Мимо садов, где в это время года зеленый цвет листвы спорит с желтым или оранжевым цветом созревших плодов, привычно вьется серой асфальтовой змеей знакомое до каждого поворота или выбоины на асфalte, шоссе.

Сбоку от дороги, вдруг бросается в глаза странный рекламный щит, которого здесь не было еще два дня назад. На щите изображена огромная бутылка, явно заграничного происхождения, на фоне непонятного текста, набранного латинским шрифтом.

Да и автомобиль впереди нас, с усилием взирающийся в гору, по серпантину “тещина языка”, вызывает чувство недоумения.

Грузовик неизвестной конструкции, окрашенный в серо-оливковый цвет, в открытом кузове которого можно разглядеть сидящих мужчин в униформе.

Дорога узкая, обогнать идущую впереди машину и получше ее рассмотреть невозможно.

Наконец, серпантин остается позади, и на спуске у колхозного мандаринового сада грузовик останавливается. Поравнявшись с ним, наш водитель от неожиданности резко жмет на тормоз, автомобиль немного проносит по дороге юзом, мы останавливаемся, не понимая смысла происходящего, и не веря своим глазам.

Из кабины и кузова грузовика выбираются, разминая затекшие ноги, солдаты в серой полевой форме ВЕРМАХТА, с висящими на шеях автоматами “Шмайссер” и притороченными к поясу цилиндрическими ранцами.

Размявшись, немцы немного пошутили и полезли всей группой в сад, откуда послышался шелест листвы потревоженных деревьев, вперемежку с задорным смехом.

Кристально чистый вечерний воздух, как будто многократно усиливал звуки, а колхозный сад не был, конечно, бесхозным.

Поэтому довольно скоро появился сторож, держа наизготовку ружье, заряженное, как было положено, солью. Нам, с дороги, все было идеально видно, словно театральную сцену из правительственный ложи.

Сторож пока не знал, что конкретно происходит на вверенной ему территории. Он пытался скрытно подобраться к расхитителям колхозной собственности, чтобы использовать преимущество внезапного появления вооруженного человека, и задержать нарушителей на месте преступления.

Надо сказать, что обычно мандарины или хурму таскали местные мальчишки, причем делали это из спортивного интереса, потому как на их собственных участках плодовых деревьев росло огромное количество.

А то, что происходило в саду сейчас, не вписывалось ни в какие логические рамки. Но, тем не менее, события развивались, сторож подкрался к воришкам вплотную и с криком:

- Вот сейчас дам очи, паршивицам, рука вверх! - выскочил из-за деревьев в эпицентр происходящего. Солдаты, видимо, опешили, перестали трясти деревья, и над садом, вдруг, повисла тишина.

К сожалению, нам с дороги не удавалось рассмотреть лица сторожа, но представить его было нетрудно.

Пауза продолжалась недолго, сторож вдруг бросил ружье и резво побежал в обратную сторону, петляя между деревьями, и громко крича кому-то:

- ГИОРГИ ОПЯТЬ ВАЙНА НАЧАЛОСЬ НЕМЦИ ПРИШЕЛ
НЕМЦИ УХАДИТ НАДА.

А немцы, тем временем оправившись от замешательства, погрузились в грузовик, не забыв, конечно, свою добычу, и со смехом укатили. Когда их автомобиль поравнялся с нашим, один солдат, привстав в кузове, направил на нас автомат...

Военный грузовик с солдатами вермахта был уже не виден, он как будто растворился в вечернем воздухе, а мы все испытывали шок.

Как грузовик попал в Абхазию, из каких параллельных миров, через какие “коридоры времени,” спустя почти пятнадцать лет после окончания войны, было для нас загадкой.

Но все просто. Снимался фильм по нашумевшей тогда книге “И один в поле воин”. И Абхазия в этом фильме “играла роль” Северной Италии.

Те несколько килограмм украденных мандарин, я думаю, колхоз киношным статистам простили. Как выяснилось потом, этот день был последним днем съемок, и киногруппа вечером из Абхазии уехала.

И хорошо, ибо не завидовал бы я тому, направившему на нас автомат, статисту.

На слайде - сельский пейзаж. Два частных дома стоят рядышком, разделенные низким штакетником. Лето, жара.

Во дворе одного из владений, в тени ореха, курит хозяин. На веранде соседнего дома появляется заспанный, небритый мужчина, усаживается на колченогий табурет и тоже закуривает.

- Израсти тибэ, Харлампи!
- И тибе тоже, олам, привесстую, Гаик!

Пауза.

- Паслуши, Харлампи, олам, ты знаешь, твой маленьки Ятико абицэл мой Карапет!

- Олам, как он мог абицэт твой взросли Карапет, ищ-щто он эму сделал, ударил?

- Нэт, олам, как он мог эму, балшому, ударить, нет, он эму ротом абицэт!

- И как, олам, это ротом, пилионул, да?
- Нэт, олам, он эму абицэл слова сказал, еффойматъ!
- КАК СКАЗАЛ-Л-Л?
- А ТАК, олам, сказал ЕФФОЙМАТЬ!

Пауза.

- И когда, олам, сказал?
- Да учера, олам, сказал, учера!

Пауза.

- Савсем, олам, еффойматъ, сказал?
- Да, олам, савсем, савсем!
- Да как же, олам, сказал?
- Да по руццки сказал, олам, по руццки!

Пауза.

- Я висе понял, Гаик-джан, в Ятикин школа сторож Николай висе время гаварит эта еффойматъ и моя ребенка, наверное, думал, что эта еффойматъ по руцкими значит - израсти, добри утро и патаму сказал на твой Карапет!

Пауза.

- А-а-а, ну тагда харашо, сасед, я успокоюс, ведь ми руцкими языками не очень харашо знаем, а ти прихади, сиграем нимножко эти нарды, олам.

Изменение картинки. В тени ореха два соседа играют в нарды. Сельский пейзаж, лето, жара.

В тот праздничный день с утра зарядил мелкий, противный дождь, а, вернее, шел он уже вторые сутки, воздух был сырым, липким и непривычно холодным. После обязательной “демонстрации трудящихся” улицы моментально опустели, праздник ушел в дома, в жарко натопленные комнаты, к накрытым столам.

После обеда родители ушли отдохнуть к себе, я же, настроив старенький “Телефункен” на турецкую музыкальную передачу, взял книжку и удобно устроился в кресле, у окна.

Сквозь слегка запотевшее стекло просматривалась часть поднимающейся в гору улицы, мощеной булыжником. Улица была пуста.

Из приемника, сквозь неспокойный эфир, негромкими синкопами прорывалась незнакомая джазовая мелодия, на страницах книги отважные британские корсары брали на абордаж корабли коварных испанцев, сражались на шпагах и получали в награду плененных волооких красавиц и сундуки с золотыми пиастрами и дублонами.

Из этой романтической неги меня, к моему неудовольствию, вернуло в реальность увиденное боковым зрением некое изменение в статичной картинке улицы.

Вниз по улице шла... нет, слово “шла” не подходит, двигалась, передвигалась, перемещалась необычная, живописная пара странного облика. Мужчина и женщина, средних лет, крепко держались друг за дружку и казались слипшимися в одно целое. Они

оба были мертвецки пьяны.

На даме оранжевый плащ, кепка в сине-желтую шотландку и белые китайские кеды. Ее кавалер одет в расшитую косоворотку навыпуск, воинские штаны-галифе и кирзовыесапоги. Подпоясана его рубаха была позолоченным шнуром от знамени, причем оба ее болтающихся впереди конца были с массивными декоративными кистями.

В свободной руке женщина держала, на удивление ровно, длинное древко с промокшим красным флагом. Судя по всему, именно оно, совсем недавно, было украшено тем самым декоративным шнуром, который теперь служил поясом.

Глаза у парочки были закрыты, и что за навигатор вел их в тот праздничный день по горбатой улочке, так и осталось загадкой для потомков. Алгоритм же их перемещения был, казалось, четко рассчитан и запрограммирован.

Выглядело это так - быстрым шагом, даже не покачиваясь, слипшийся “тандем” двигался по тротуару, параллельно бордюру. Затем, он неожиданно замирал, невидимый режиссер разворачивал парочку и резко бросал спинами на ближайшее строение. Спины непонятным образом пружинили, и героев нашего сюжета переносило через улицу, наискосок, на противоположный тротуар, где все действия повторялись как по шаблону, только в зеркальном отражении.

Но через несколько таких пересечений, когда парочка как раз находилась напротив моих окон, в программе произошел сбой, что-то вмешалось извне.

И это был банальный физиологический позыв. Мозг мужчины получил сигнал от переполненного мочевого пузыря. И сигнал этот, судя по активной работе лицевых мышц, был подан в критический момент. Наш герой, стоя лицом к улице, не открывая глаз, попробовал расстегнуть ширинку одной рукой, но запутался в косоворотке. Тогда он с трудом отцепил от подруги вторую руку и тут же пустил ее в дело.

Несколько секунд женщина стояла ровно и уверенно, как ранее в связке, затем произошло смещение центров тяжести, и тело женщины, как толстая фанера, не сгибаясь, плашмя улеглось на

тротуар. Флаг же, в падении, развернулся и аккуратно укрыл, как бывает только в кино, красным кумачом распростертное тело.

А теперь постараитесь представить эту картинку воочию.

Праздник Октябрьской Революции. На пустынной улице, под красным знаменем лежит тело, возможно, героя-революционера, убитого подло врагами, а рядом над телом клянется отомстить товарищ по борьбе, в косоворотке, со страдающим лицом и сцепленными в муке натруженными руками пролетария!

На самом деле мужчина, не открывая глаз, все также вел неравный бой, но уже двумя руками, с деталями своей одежды, укрытыми лихой косовороткой. А страдающее выражение его лица обозначало, что силы организма на исходе и возможен конфуз.

Развивался этот драматический сценарий в деталях и подробностях на моих глазах. Я, естественно, переживал за героя, но помочь ему был не в состоянии.

Но вот, о радость, у того в конце концов получилось!!! Руки, очевидно, справились с одеждой, извлекли наружу то, что следовало извлечь, и ПРОЦЕСС ПОШЕЛ!

Глядя на лицо мужчины, можно было поверить великому Фрейду, который, как говорят, ставил удовольствие от вовремя отправляемых физиологических потребностей человека даже выше сексуального. Лицо же нашего героя сияло, причем уровень восторга и удовольствия повышался постепенно, по нарастающей, и скоро достиг состояния неземного блаженства.

Взгляд мой, как беспристрастный объектив камеры, фиксирующей все детали, переместился ниже пояса мужчины.

Крепко, но бережно, я бы даже сказал, с некоторой элегантностью, наш опорожняющийся герой сжимал обеими руками... ЗОЛОЧЕНУЮ КИСТЬ, висящую на его поясе, перемещая ее медленно из стороны в сторону, как будто направляя подальше от ног воображаемую струю!!!

А дождь все шел и шел, мелкий, осенний, противный...

Земляные орехи

Сухуми моей юности представлял собой удивительный сплав различных этнокультур, языков и традиций. В городе прекрасно уживались между собой представители многих национальностей и религиозных конфессий.

Среди горожан были африканцы, (так называемые “абхазские негры”, живущие в Абхазии с 19 века), эстонцы, караимы, болгары, итальянцы, турки и персы. Все были одеты в обычную цивильную одежду, ничем друг от друга не отличались, и редкие сельские жители, щеголявшие в бурках или черкесских, особого диссонанса в привычную картину не вносили.

Удивить сухумчанина мог бы, наверное, только... Но давайте-ка обо всем по порядку.

Яркий, солнечный зимний день, воскресенье. Для незнающих поясняю - солнечный зимний, январский или февральский день в наших краях – это, как правило, от 15 до 20 градусов тепла.

Вокруг роскошная природа, завтра понедельник, а значит - день выхода на экран новых фильмов. Все, идущие сегодня, по несколько раз увидены, обсосаны в деталях, разложены по косточкам.

Столы для пинг-понга ждут своего сезона на складе, библиотеки...(нет, библиотеки здесь не в теме), ежедневный лимит выпитых чашек кофе с долгими разговорами исчерпан, короче говоря, вопрос почти гамлетовский – чем себя занять?

А поскольку зима, как известно, следует в природе за осенью, то почти в каждом доме имеется запас домашнего вина последнего урожая. И совсем естественно, кому-то приходит на ум очень «оригинальная мысль», КАК ответить на тот самый извечный вопрос.

Итак, небольшая компания городских оболтусов, состоящая из старшеклассников и студентов младших курсов, человек пять-шесть, в яркий, солнечный, ленивый зимний день, предвкушая уютную пирушку с домашним вином, решает, по пути, заглянуть на колхозный рынок за сыром.

На рынке - тоже ничего необычного. Большинство покупателей отоварилось утром, характерный базарный гвалт и гомон поутихли, и разморенные теплом, подуставшие и полусонные

торговцы продолжают по инерции, вполголоса нахваливать свой товар таким же полусонным, немногочисленным покупателям.

Крестьяне одеты в такую же одежду, как и городские жители, все как всегда – и вялые стандартные фразы торга, и пряные запахи и яркая цветовая гамма рынка.

Компания, не спеша, продвигается среди рядов, задерживаясь по пути то у одного, то у другого торговца, но не для покупки, а чтобы подшутить над забавными провинциалами, разыграть кого-то из них.

Например, любитель перца просит у продавца самый острый стручок на пробу, медленно съедает его на глазах у ошелевшей публики, требует второй, а на третьем объявляет, что его товар негоден и обещает ославить бедолагу на весь рынок. В конце концов, он получает пакет бесплатного товара в обмен на обещание быстро и молча удалиться.

Или вот еще, человек набирает товар на пять рублей. Достает, с серьезным видом, красную “хрущевскую” десятку, аккуратно разрывает ее на две части, протягивает половинку ошеломленному продавцу со словами: “Вот твоя пятерка!” и с тем же серьезным видом покидает место розыгрыша.

Потом, конечно, происходит обратный обмен, десятка аккуратно склеивается (это приличная сумма), да и пакет с перцем возвращается чуть позже к хозяину.

Главное - юмор, смех, прикол!

И вдруг на фоне обыденных и привычных картинок возникает на пути наших шутников совершенно неимоверное видение, как будто возникшее из сказочного фильма.

За прилавком стоит молодой смуглый мужчина с раскосыми глазами, явно житель Средней Азии, одетый в очень красивый цветной, блестящий, полосатый халат. На голове у него столь же достойная тюбетейка, расшитая золотыми нитями. А широкая улыбка и солнечные “зайчики” на золотых зубах притягивают к себе изумленные и восхищенные взгляды всей почтенной публики.

Как же занесло на Сухумский рынок этот яркий персонаж, сошедший будто бы с доисламских среднеазиатских живописных

миниатюр, и что он здесь делает? Если торгует, то, видимо, тоже не менее экзотическим товаром, чем его одежда.

И каково же было удивление на лицах, когда компания увидела, что же именно находится на прилавке нашего гостя!

Перед ним небольшой горкой выложен обычный арахис, в вершину которой воткнута палочка с клоцком бумаги и с трудночитаемой надписью и цифрой -50.

Здесь не мешало бы уточнить, что как раз представителей Средней Азии в Абхазии было очень мало, если не считать отыхающих и туристов, а торговцы, в отличии, скажем, от городов средней полосы России или Сибири, вообще не встречались.

Благодатная, теплая земля Причерноморья сама одаривала людей огромным количеством разнообразных овощей и фруктов, и, конечно, же - орехов. А в Тулу, то есть в Абхазию, как известно, со своим самоваром, то есть орехами, из Средней Азии не ездят.

Конечно, пройти мимо для компании наших друзей возможным уже не представлялось. Сонные глаза друзей моментально разгорелись лукавыми огоньками. Необходимо было выработать экспресс-концепцию поведения, достойную парадоксальной ситуации.

- Видимо, штрик, перепутал поезда и вместо Сургута приехал в Сухум.

- Да нет, он, видимо, сидел в бутылке, как Хотабович, бутылку принесло морем к нам, какой-то ...уила ее выловил, начал мызгать, тереть... И вот вам, штрик из бутылки и нарисовался.

- Ну да, а арахис у него в бутылке был складирован?

- Конечно, тем, кто в бутылках живет, положена пайка, ну это, НЗ. Интересно, а там, в Азии, кроме арахиса, маstryрачу дури в бутылочное НЗ не кладут? А то он, может, и "подогрел" бы нас?

- Какое на ...уй в Средней Азии море? Помните, у О.Генри один мужик организовал , по наколке, обувную торговлю на тропическом острове, гдеaborигены принципиально не носили обуви? Так вот, тот, кто, ему это посоветовал, хотел мужика разорить. И, похоже, здесь та же ситуевина.

Линия поведения никак не вырабатывалась. И ставка, в конце

концов, была сделана на экспромт.

Компания приблизилась вплотную к прилавку, и парни, с подчеркнуто серьезным видом, стали изучать арахис. Скорее, это напоминало научное исследование, тестирование необычного, нового продукта питания.

Орешки внимательно рассматривали вблизи и на расстоянии, терли о рукав и снова рассматривали, взвешивали в ладони, разглядывали на свету и в тени,нюхали, пробовали на вкус, отщипывая от зерен микроскопические частицы, при этом цокая языком и издавая то восхищенные, то вопросительные звуки, вроде: “O-O-O” или “A-A-A“.

Со стороны казалось, что люди увидели что-то ранее неизвестное, необычное, любопытное. Как будто рядом, на соседних прилавках, не красовались горы такого же в точности арахиса.

Вокруг, в предчувствии возможного развлечения, стали собираться зеваки.

Все это время человек в халате и тюбетейке с интересом наблюдал за подошедшими, широко улыбался, иногда даже жестикулировал, но не издавал ни звука. Казалось, эта немая сцена будет продолжаться вечно, пока один из “экспертов“ неожиданно не произнес - Послушай,уважаемый, а что это у тебя тут, как оно называется?” Продавец широко улыбнулся , одарив публику новой порцией солнечных зайчиков, и с радостью вымолвил:

- Азимляна-а а-ари, что переводилось, видимо, как- земляной орех,-у нас ему кянце весной содим, кянце осен собираем уже.

-Не фига себе, – продолжал остряк, невольно подстраиваясь под непривычный акцент,- уже сколько на этот земля живу, такой прукт, чтобы кянце осен собираят, не встречал. Уже.

-Е -есть, вот, зимляна ари.

-Ладно. Пусть эст, не буду паспорить, лудше скажи, эта пидесят рублей за один штук?

-Пядесяят не рубле, капекав за адын ста-а-кан, вот!

- Да, братка, ти эму, такой интересный прукт, савсем нидорога отдаешь. А скажи, он, вабще, в каком виде находится, свежий или варений, или какой?

- Не-ет, он дзаренний.
- А откуда ты знаешь?
- Я сам дзарил, сам!!!

Народу, желающему повеселится нахаляву, собралось к этому времени прилично. Буквально все лица расплывались от участливых улыбок, потому что смеяться открыто, означало бы проявление неуважения к приезжему гостю. А это совершенно недопустимо, в соответствии с законами кавказского гостеприимства. Поэтому улыбка была единственным способом сдержать рвущуюся наружу хохот.

Диалог продолжал развиваться по своим законам, и по этим же законам, видимо, шел к развязке. Наш остряк вдруг пристально посмотрел на продавца, будто впервые увидел его необычную внешность и такую же необычную одежду, и громко спросил:

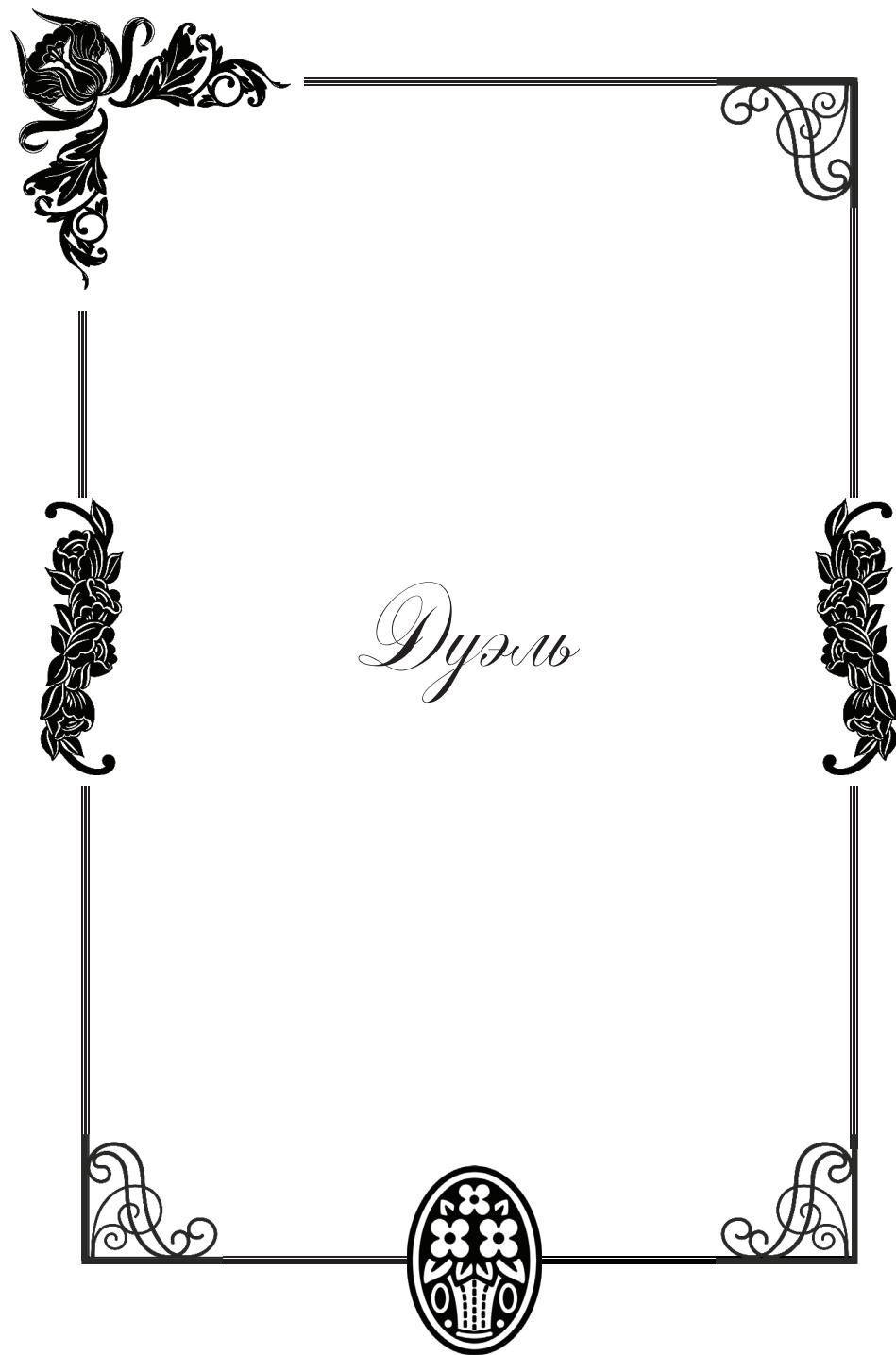
- А сам-то ты кто?

И герой дня, оглядев толпу и набрав полные легкие воздуха, с радостью и восторгом в глазах, выкрикнул:

- Узде-ек!

Dysm

Достопримечательности, как известно, есть в каждом городе. Естественно, что и наш родной Сухуми славен был своими памятными местами, уникальными зданиями, вроде виллы Алоизи, и лихими городскими легендами, связанными с этими достопримечательностями. По сей день никому неизвестно, каким образом светилась верхушка шпиля виллы Алоизи, даже в безлунные ночи.

А чего стоит легенда о “Лебедином озере”. Знаете ее? Нет? Тогда, слушайте. В начале пятидесятых, нависающую над городом лысую гору Чернянского, переименовали в гору имени вождя всех народов, ее покрыли огромным количеством дерна, высадили экзотические растения, обрамили зелень торжественными лестницами и фонтанами из белого камня, а на самой верхотуре соорудили ресторан и кинотеатр.

Красоты все это было неимоверной, и довольно скоро гора имени товарища Сталина стала любимым местом отдыха горожан и заняла почетнейшее место в ряду городских достопримечательностей.

Курортный сезон на юге предполагает, как известно, массовые курортные романы. А любовь требует романтического состояния, сказочности, ну, и, этого, в общем, уединения.

Так вот, летом, местные Казановы, все, как на подбор, в черных брюках и белых рубашках, собранных, по моде, к середине спины в виде гофре, в начищенных до блеска мокасинах, дефилируют по городской набережной со своими легкомысленными и доверчивыми новыми подругами, туда и назад, назад и туда. И в момент, когда то самое романтическое состояние начинает опускаться с вечерающего неба на городскую набережную, кавалер, вдруг, театрально закатив глаза, с приподыханием произносит:

- Милая, а давай-ка я покажу тебе Лебединое озеро. Оно тут, недалеко, на горе имени товарища Сталина.

- Ах, милый, Лебединое озеро, какая прелесть, но можно ли скромной неискушенной девушки довериться твоему благородству, на ночь глядя?

- Дорогая, голову на отсечение дам, на рельсы перед туннелем лягу, конечно, можно!

Ну а дальше, как правило, один и тот же сюжет; восхождение на гору, захватывающие пейзажи и не менее захватывающие истории, услышанные при подъеме, и традиционное шампанское наверху. Состояние, исключительно, романтическое, сказочность полная, не хватает только этого, ну...которое уединение. Пора!

- А теперь милая, я на крыльях, можно сказать, любви, любви...на крыльях, ну, в общем, доставлю тебя на озеро. Нужно только немного спуститься вниз и углубиться в заросли вон тех кустов, а там, а там!!!

Надеюсь, всем уже понятно, что никакого озера, ни Лебединого, ни Рица, ни Титикака на горе не было и в помине. Но что для любви - небольшая порция красивого обмана? Во всяком случае, летом, когда я обычно укладывался спать на балконе, мимо нашего дома постоянно проходили веселые парочки, спускающиеся с горы. Словосочетание «Лебединое озеро» упоминалось, обычно, девушками, с удовольствием и хихиканьем, и, поверьте, я не припоминаю ни одного расстроенного или обиженного голоса.

К городским достопримечательностям относились, безусловно, и уникальные человеческие экземпляры, известные всем горожанам. Они обогащали тихую, мирную жизнь аборигенов, особенно зимой.

Чего стоил, например, медлительный, неулыбчивый Марс, имеющий тайные сношения с инопланетянами, и использующий для связи с Красной Планетой, постоянно зажатый в кулаке сверхсекретный марсианский передатчик, замаскированный, понятно почему, под обычный плоский камень. Система вызова Марса на связь была сложна и непонятна для землян, но сеансы часто начинались неожиданно, к примеру, в момент перехода марсианского агента через улицу, и продолжались достаточно долго. Объехать его массивную фигуру было трудно, но водители терпеливо ждали, ибо не часто приходится видеть, как человек общается, на ваших глазах, с другими мирами.

Были еще и Шурик, съедавший за один рубль, на потеху, банку автомобильной смазки, балагур и матершинник Колька-..уелька,

Эдик-Космос и еще, и еще, и еще... Каждый из них заслуживает отдельного рассказа.

Особое место в этом живописном ряду занимал человек, который представлялся Сергеем Есениным. Его можно было бы считать БОМЖем, но, во-первых, подобной аббревиатуры, к счастью, тогда не существовало, а, во-вторых, я думаю, мои сердобольные земляки не допустили бы, что некий хомо сапиенс ночевал или жил на улице. Их сердоболие распространялось и на хлеб насущный, и, конечно, на выпивку. А это значило, что наш герой был всегда опрятен, накормлен и постоянно находился в состоянии легкого подпития. Уровень же его интеллекта тянул, скорее, на аббревиатуру БИЧ (Бывший Интеллигентный Человек), ибо память его была феноменальной.

Он знал ВСЕ о поэзии Есенина!!! Причем, в любое время суток и в любом состоянии его энциклопедическая База Данных, обитавшая в недрах русой головы, выдавала полную информацию о том или ином стихотворении, тираже любого, в том числе, дореволюционного издания, цвете и материале переплета, и других, порой ничтожных, известных только специалистам, деталях. Здесь необходимо напомнить, что речь идет о поэте, который, фактически, был под запретом, и только-только начал переиздаваться в СССР.

“Есенину” устраивали самые изощренные проверки с основательной предварительной подготовкой, но все попытки терпели крах. А когда выяснилось, что человек готов цитировать отдельные строки, на конкретной странице и строчке, подобные экзамены были общественностью решительным образом пресечены.

Иногда поэта представляли гостям. Те, послушав, в изумлении теряли дар речи, разводили руками и, как правило, восхищенно спрашивали:

- Как, откуда, так досконально? - На что следовал ответ:
- Это ведь естественно, поэт должен знать все о СВОЕЙ поэзии.
- Но ведь...
- Ах, вы опять об “Англете.” Это был спектакль, инсценировка с другим человеком. Так было надо, затем меня тайно перевезли сюда и рассекретили только сейчас. Вы желаете отме-

тить знакомство со мной? Ну, что же, я ,пожалуй, уважу вас!

Итак, к СВОЕЙ поэзии Сергей Есенин относился трепетно и с огромным уважением. И это ценили отдельные начитанные и эстетствующие горожане, но всеобщую любовь и признание города он снискал, читая наизусть, наиболее известные, монументальные произведения русских классиков. Например, “Евгения Онегина”, как бы это сказать помягче, в матерном варианте! “Балы и танцы надоели, Евгений триппер подцепил, и, прокляв местные бордели, в деревню к другу, укатил... Татьяне было суждено увидеть ...уй его в окно”...Ну, и так далее.

А декламировал он, надо сказать, великолепно; и с чувством, и с толком, и с расстановкой!

Ораторской же его энергии мог позавидовать сам товарищ Фидель Кастро Рус!

Редкие милицейские патрули, завидев поздним вечером на безлюдной зимней улице группу отчаянно гогочущих мужчин, не могли отказать себе в удовольствии присоединиться к народу своему и совместно с ним вкусить всю прелест высокого слога.

И вот однажды, субботним вечером, когда большая часть мужского населения города оккупирует автобусы, следующие в район Синопа, где ДК института физики устраивает традиционные вечера танцев, происходит невероятная история. В переполненный салон, на заднюю площадку поднимается странная на вид и никому не знакомая личность.

Это был человек средних лет, по комплекции напоминающий Колобка из одноименной сказки, в темной одежде по сезону, но, при этом, ввойлокной белой шляпе, украшенной по периметру полей какими-то декоративными подвесками красного цвета. На короткое время он даже привлек к себе внимание пассажиров. Автобус переполнен, в воздухе витает стойкий запах табачного дыма, с ароматом анаши, потому что в салоне находятся некоторые эквилибристы, умудряющиеся в неимоверной тесноте раскурить и пустить по кругу “мастырочку дури”.

И совершенно неожиданно, на задней площадке плохо освещенного салона, прорываясь сквозь марево смешков, скабрезных

шуток и папиросного дыма, сначала негромко, потом все громче, зазвучали стихи. Чей-то непривычно высокий голос, внятно, перекрывая весь звуковой фон, читал “Черного человека” Есенина. Голос, как тут же выяснилось, принадлежал тому самому Колобку в войлочной шляпе. Все пассажиры от неожиданности прекратили разговоры и заворожено слушали незнакомого чтеца. Наградой ему были дружные аплодисменты.

- Вам понравилось?- спросил аудиторию незнакомец. - Тогда разрешите представиться, меня зовут Сергей Есенин, и я читал вам свои стихи!

Подобное заявление вызвало временный шок у просвещенной (и не очень) Сухумской публики.

- Позвольте, любезнейший, вы доставили нам огромное удовольствие, вы прекрасно читали стихи, но ведь каждый из нас не просто знаком, а на короткой ноге с автором, поэтом Сергеем Есениным. И вчера вечером состоялись очередные публичные чтения его стихов на набережной, у ресторана. Может быть, Вы его полный тезка? Почет Вам и уважение, но “Черного человека” написали явно не Вы. Покайтесь же перед нами здесь, в храме высокого стиля!

Секундная пауза, кто-то перехватывает инициативу и уже другой голос произносит:

- А то …уила, …издюлей тебе выписать, как два пальца обо.. ать, фуцан ты поганый, так что кайся и …издуй отсюдова, пока я добрый!

Ответа, или покаяния, в храме «высокого стиля», то есть в салоне автобуса, так и не дождались, ибо судьба открыла, для отдельно взятой группы людей, еще одну невероятную карту из своей тайной колоды.

На ближайшей остановке в переднюю дверь автобуса, вошел никто иной, как всамделишный поэт СЕРГЕЙ ЕСЕНИН! (Современный юморист Маменко произнес бы свое знаменитое: «ПУБЛИКА НЕИССССТВОВАЛА»!)

То, что происходило дальше, видимо, необходимо отнести к жанру детектива, рыцарского романа и юмористического рассказа одновременно.

Первым делом, вошедшему незамедлительно, лаконично, но

очень эмоционально, доложили о незнакомце на задней площадке автобуса, при этом торжественно заявив, что все салонное сообщество осуждает самозванца и желает вступить в интимные отношения с его мамой!

Некоторое время наш Есенин, икая, пытался достучаться до смысла происходящего. Достучавшись, он, будучи человеком культурным, (хоть и считался крестьянским поэтом), повел диалог с оппонентом в доброжелательно-сочувствующем русле. Речь шла о высоких поэтических материалах, о родстве светлых душ и взвышенных рифмах, о коварстве честолюбия и страшном грехе лжи, об очистительной силе покаяния, о

Но, как скоро выяснилось, не эта дорога вела к храму! Самозванец неожиданно разразился тирадой странных и обидных фраз, где обыденный и тривиальный мат соседствовал с перлами высокопарной лексики. типа: "Сударь, Вы не только не Есенин, Вы не джентльмен, Вы, сударь, свинья во фраке!" Публика же, затаив дыхание, с огромным интересом наблюдала за словесной перепалкой, радуясь такому исключительному стечению обстоятельств!

Есенин (наш), обессиленный от шока, вызванного вопиющим примером коварства и падения нравов, собравшись с силами, крикнул обидчику:

- Мосье, я вызываю вас на дуэль! Бросаю перчатку в Вашу гнусную физиономию!

Перчатки, правда, у него не было, зато какой слог! В ответ с задней площадки послышалось:

- Сударь, в таком случае, я торпедирую Вашу посудину!

Так или иначе, Рубикон был перейден, слова сказаны в присутствии свидетелей и обратного пути уже не было!

Моментально сформировалась инициативная группа из числа заинтересованных граждан, было проведено экспресс-заседание Высшего Совета Старейшин Великого Автобусного Братства, а вердикт незамедлительно обнародован: "На танцы не ехать, из автобуса всем выйти на ближайшей остановке, назначить секундантов, найти врача (как того требуют правила дуэли), и провести дуэль сразу же, не откладывая!"

И на ближайшей остановке, на полпути от Дома Культуры,

к великому изумлению водителя, пассажиры, все, как один, высыпали наружу, и так же дружно, всей толпой направились к набережной. Секундантов, а заодно и врача, назначили по пути.

Так как ни дуэльных пистолетов, ни шпаг, ни торпед в наличии не оказалось, Высший Совет принял решение: в качестве дуэльного оружия считать граненые стаканы, наполненные доверху вином, а местом проведения поединка должен стать буфет Амбако!

Надо сказать, что, на стыке пятидесятых с шестидесятыми, наиболее доступными и демократичными заведениями являлись, как раз, эти самые буфеты. Как правило, они представляли собой металлические, легко возводимые павильоны, что-то среднее между продуктовым магазином и столовой. Они пользовались большим успехом, потому что в них вкусно и недорого кормили, а выпивка, в отличие от ресторана, продавалась без наценки. Работали буфеты “до последнего клиента”, и что было очень важно, буфетчики открывали своим постоянным клиентам кредит. А поскольку клиенты часто засиживались допоздна, в каждом буфете имелась небольшая подсобка-спаленка, где ночевал сам буфетчик и где он мог уложить спать своих загулявших друзей.

Предстоящее действие было срежиссировано, как раз с учетом этих Сухумских реалий.

Итак, все, что было задумано, произошло в буфете Амбако. Были затребованы граненные стаканы и белое столовое вино №23.

Сначала дуэлянтам вручили по одному наполненному стакану. Как только они были осушены, противники получили уже по два. Третий “выстрел” составил три стакана, а четвертый А вот четвертого, к сожалению, не было, ибо Колобок-самозванец вдруг густо покраснел, расстегнул ворот куртки, под которой обнаружилась тельняшка, что-то забормотал под нос, потом довольно внятно произнеся слова “Канонерка” и “Форштевень”, и тяжелым кулем рухнул под стол.

Тело его еще не достигло пола, а внутреннее пространство буфета уже заполнил храп. Через миг храп был перекрыт дружными аплодисментами. Потом поверженного Колобка отнесли в под-

собку, уложили спать, потом чествовали Есенина под звон бокалов, потом его качали, потом составили официальный акт о промежуточной победе, ибо решили с утра поединок продолжить. На этом закончили и разошлись по домам.

Утром, в назначенный час наш доблестный промежуточный победитель явился, как всегда, слегка под “мухой”, но с явным намерением сражаться до полной победы. Однако, увы, ни ему, ни его болельщикам насладиться победой было не суждено. Ночью самозванец из подсобки исчез и никогда больше, никто его не встречал. Есенин же, с удовольствием осушил два стакана вина, от третьего отказался, прочитал на бис “Не жалею, не зову, не плачу…”, чинно попрощался, и пошел по набережной уверенной походкой, иногда ритмично взмахивая рукой, как будто дирижерской палочкой, и бормоча что-то под нос.

Возможно, именно в этот момент в его светлой голове складывались гениальные строки новой “Анны Снегиной.” Скоро силуэт его стал неразличим, а потом и вовсе растворился в слепящих лучах зимнего южного солнца.

Слово, ночь, луна...

Женщины любят рассуждать о доле своей безрадостной, причем и в тех случаях, когда жизнь их складывается достаточно комфортно и даже счастливо. Мужчины же, наоборот, крайне редко жалуются на что-либо, в том числе и на судьбу.

Так уж заведено, так заложено природой - каждому полу свой генетический код поведения, свой психологический статус. Хотя причин для грустных мыслей у некоторых наших мужчин-южан более чем достаточно.

Растет, скажем, в благополучной семье мальчик. В детстве родители выбирают ему школу, решают, заниматься ли дополнительно музыкой, спортом или нет. Потом “устраивают” в ВУЗ, не спрашивая, нравится ли будущая профессия.

Ну, и в один прекрасный день объявляют, что подобрали ему невесту, более того, уже сосватали и свадьба состоится такого-то числа.

И на вопрос жениха, кто же та, которой суждено его осчастливить, отвечают, что она из хорошей семьи, папа бухгалтер, мама врач, они близкие родственники дяди Раждена, который сам прекрасный человек и к тому же друг деверя нашей золовки, тети Розы.

И неважно, что у “избранницы” одна нога короче другой, врожденный астигматизм и легкое заикание, главное - она тихоня, хорошо варит фасоль, ну а насчет семьи мы уже говорили.

Ну, и как, имеет право такой джигит немного посетовать на жизнь? А ведь он не жалуется, ибо в жизни мужчины есть масса других приятных вещей, помимо домашнего очага. И потом, рядом всегда верные, находчивые и веселые друзья. (Товарищ-автор, не пора ли ближе к теме? Конечно, пора.)

Итак, лето, ночь. В собственном доме, в комнате, выходящей окнами в сад, в огромной двуспальной кровати из румынского гарнитура, подаренного на свадьбу, мирно спят обессиленные от жары и страсти молодожены.

Спят все в большом доме, спит город, только со стороны вокзала изредка слышны коротенькие и негромкие свистки маневрового локомотива.

Не могу утверждать, что у молодых это первая брачная ночь, но что медовый месяц - факт.

Неизвестно, что видела во сне жена. Мужу же, с его слов, снилась, в тот момент, другая, незнакомая женщина, редкой красоты, нежная и искушенная в ласках.

И пока наш герой млел в ее объятиях, радуясь, что ему выпало счастье обладать еще и такой райской птицей, у его новой партнерши вдруг стали расти, как у друидов, густые усы и борода, из жестких самшитовых веточек. Один листочек попал ему прямо в ноздрю и защекотал, джигит чихнул и проснулся.

Бородато-усатая дева растворилась в жарком ночном воздухе, но в прямоугольнике распахнутого окна объявился неясный мужской силуэт.

В одной руке, протянутой в направлении кровати, человек держал ветку, которой щекотал нос молодожена, другой же рукой подавал некие знаки, означавшие, что нужно подойти к окну, соблюдая осторожность и тишину.

Окончательно пробудившись, наш герой узнал в ночном госте одного из своих друзей.

Уже у окна тот поведал жарким шепотом, что узрел на площади у вокзала двух девушек. Поезд пришел с опозданием, городской транспорт уже не работал, такси ночью в городе большая редкость, в общем, проехать мимо было бы ошибкой, если не сказать преступлением.

- Пока, суть да дело, я завез их в рощу, на улицу Геловани, чтобы никто к ним не пристал и обещал, договориться об устройстве в гостиницу или на квартиру. Короче, они ждут и есть шанс их быстренько обработать. Чувихи классные, москвички, и потому шустро ныряй ко мне в машину и вперед, с песнями. Никакие возражения не принимаются. Твоя спит, как убитая, а то, что ты в трусах, так они у тебя спортивные и сойдут за шорты. По коням!

Небо к этому времени очистилось от облаков, и на черном звездном полотне во всей красе повисла китайским фонариком луна.

Через несколько минут “Волга”, пролетев ночной птицей по пустым улицам, взобралась по склону горы и с выключенными

фарами остановилась у эвкалиптовой рощи.

Водитель несколько раз негромко окликнул девушек, но роща ответила молчанием.

Тогда, оставив друга в машине, новоявленный дон Жуан отправился на поиски.

- А теперь начинается, - как обычно объявлял музыкант из модного ресторана «Мерхеули», незабвенный Реваз Халатов - вторая, основная часть нашего вечера.

Дело в том, что в нескольких десятках метров от дороги, на противоположной стороне рощи, находилась городская психиатрическая лечебница, в народе называемая сумасшедшим домом.

Представьте, лето, ночь, луна. Вдруг, в дверь клиники упорно кто-то звонит. Перед заспаным дежурным врачом предстает молодой, хорошо одетый, явно образованный и воспитанный молодой человек. Он с дрожью в голосе рассказывает о несчастье, постигшем его ближайшего друга.

- Доктор, в последние дни он стал неадекватен и агрессивен, постоянно требует женщин, и, не видя содействия окружающих, бросается на них с ножом.

- Обычное дело,- зевнув, произносит врач. – Это обсессио или делириум тременс, давайте адрес.

- Адреса не нужно, больного обманом удалось усадить в машину. Он в одних трусах сидит на заднем сидении.

Врач зевнул еще раз и нажал кнопку вызова санитаров.

“Волга” без света стояла под сенью эвкалиптов, над кустарником стелился ночной туман, в котором возникли неясные фигуры каких-то здоровяков. Совсем, как в модной тогда песне “О-Бала, Бала, из леса вышли два амбала”. Они приблизились к автомобилю и склонились к открытому окну.

- Извините,уважаемый, Вы кого-то здесь ожидаете?

- Да, жду приятеля, а кто вы?

- А Ваш приятель где?

- Он пошел за женщинами, ожидающими нас в роще. А вы-то кто? Я так и не понял.

Пришедшие переглянулись и утвердительно кивнули друг другу.

- Ну, мы, вообще-то, друзья вашего приятеля, женщин разместили на квартире поблизости, а нас послали за Вами. Пойдемте, здесь недалеко, но машина к дому не проедет, так что прогуляемся пешочком.

- Так я же в одних трусах.

- Так трусы же у вас спортивные, к тому же ночь.

Напоминаю, дело происходит в те благословенные Времена, когда подобные ситуации в нашем городе не вызывали и тени опасения или страха.

Поэтому наш “спортсмен” спокойно вышел из машины и направился в полной темноте за незнакомцами.

В темноте со скрипом открывается, а затем клацает замком тяжелая дверь. Через минуту окрестности оглашают истерические крики:

- Вы что, …ляди , творите? Отпустите меня сейчас же, да я вас, тварей, порву на части, изрежу на мелкие кусочки, дайте телефон, а-а-а…

А другой голос устало произносит : “В шестую его, в шестую”.

И над темным зданием лечебницы, и над тихо шепчущими в ночи деревьями, вновь воцаряется тишина. Небо начинает понемногу светлеть, луна становится почти неразличимой.

Наступает утро следующего дня, воскресения. Один дежурный врач сдает смену другому, неспешно беседуя за чашечкой ароматного кофе, сваренного сиделкой.

- Как прошла ночь?

- Да обычная скукота. Но ты знаешь, к нам чудика одного доставили, так он нас позабавил немного.

Представляешь, бросался на друзей с ножом, чтобы баб ему дали. Его друг схитрил и сказал, что нашел ему девок, сразу двух. Мол, на Геловани, в роще они его ждут, усадили мудака в машину и притащили сюда.

Он, баран, такое учинил! Орал, что порежет нас, козлов, на куски, секретарю обкома сообщит, сказал, что у него папа профессор, друг нашего главврача.

Но тот, кто его привез, говорит, что родители больного обыч-

ные крестьяне, живут в селе, в Гальском районе. В общем, поместил я его в буйную, шестую, естественно, в рубахе. Всю ночь бузил, сейчас, видимо, спит.

Типичное обессесивно-компульсивное расстройство, отягощенное агрессивным маниакальным синдромом, подобное описывал доктор Жданов. Посмотришь его?

- На ...уй он мне сегодня нужен? Вот завтра, в понедельник, все врачи и лаборанты будут на месте. Тогда и решат за кем его закреплять и как лечить. А сейчас пусть вкатят успокоительного побольше. Хоть поспит вволю.

Итак, воскресное утро. Летнее солнце щедро заливает горячими лучами большую светлую комнату, где в огромной, румынского производства кровати нежится и никак не хочет пробуждаться молодая жена нашего героя.

Утренний сон особо сладок, но, а вдруг, постучится в дверь свекровь и строго спросит, где утренний кофе для ее любимого сыночка.

Или свекор, профессор, глядя поверх очков, заметит, что по традиции именно невестка должна вставать раньше всех и готовить завтрак на всю семью.

Поэтому женщина с трудом приоткрывает один глаз, затем другой, и с удивлением замечает отсутствие мужа на его законном месте.

Может, уже пошел в душ или делает в саду зарядку, или поднялся на второй этаж к родителям?

Но в душе тихо, в саду никого нет, и в комнату родителей ее муж вряд ли бы пошел с утра.

Надев халат, женщина тихонько отправляется на разведку. Ванная комната пуста, кухня тоже, со второго этажа из гостиной доносятся обрывки разговора, это мирно, вполголоса, беседуют родители мужа.

Преодолев неловкость, невестка поднимается к ним по винтовой лестнице.

Родители мужа нежно, но с удивлениемглядят на молодую жену сына, на свою новую родственницу.

- Что, деточка, тебя побеспокоило, наш уважаемый отпрыск еще, небось, спит?

- Да нет, он уже встал, но внизу его нет, и я подумала, может, он с вами.

- К нам он сегодня не заходил, наверное, пошел к соседу через дом. Они, по выходным иногда играют в нарды, ты не беспокойся, он скоро придет, выпей с нами чая. Я с утра уже испекла каду и яблочный пирог.

- А это удобно?

- Деточка, теперь это твой дом, ты наша дочка, для тебя удобно – все!

За чаем, невестка вдруг вспоминает важную деталь.

- Вся его одежда висит в шкафу, нет только тапочек!

- Успокойся, что-то надел. Не мог же он выйти из дома в одних трусах?

Чаепитие затянулось до середины дня.

- Видимо, мужчины заигрались, - глядя на часы, сказала свекровь, - пожалуй, я схожу за сыном и напомню, что он теперь человек женатый.

Довольно скоро она возвратилась с озабоченным видом.

- К соседу он сегодня не заходил, ума не приложу, где может быть. Скорее всего, пошел на охоту, хотя к охоте, обычно, готовятся загодя, с вечера, и он всегда предупреждает нас.

- Калистрат, оставь, наконец, свою газету, и скажи что-нибудь, речь ведь идет и о твоем сыне тоже! Вдруг с ним что-то случилось?

- Что может случиться с взрослым, образованным человеком в нашем маленьком, мирном городе? Да где-нибудь с друзьями загулял.

- Бросил он меня, несчастную, бросил, - вдруг заголосила невестка. – Есть у него другая, есть!

- Прекрати истерику, - впервые повысила голос свекровь, – у всех у них есть зазнобы на стороне, даже у присутствующего здесь старого мудака в очках, как правило, после всяких партсобраний и научных конференций глазки масленые бывают.

К этому надо привыкать, но не в медовый же месяц? Это, помоему, перебор! Давайте успокоимся и попробуем проанализи-

ровать ситуацию. У соседа его нет, охоту и женщину мы исключаем, да, да исключаем. Значит что? Значит у кого-то из друзей банальное застолье. Произнесут тосты, выпьют море вина, и наш уважаемый общий родственник припрется домой. Фу, как я раньше этого не поняла! Так что надо просто ждать и не паниковать!

Но к вечеру, паника стала завладевать всем большим красивым домом.

Уже обзвонили всех друзей, выяснили, что никто не знает ни о каких банкетах и застольях, что ближайший друг, самый главный гад, соблазнитель, гуляка и эпикуреца, единственный на весь город владелец автомобиля "Волга" еще на рассвете отбыл в аэропорт Адлера, откуда улетел в Узбекистан, на военные сборы, на три месяца.

В милиции, слава Богу, нет данных о каких-либо происшествиях, в морги города, за последние сутки, "поступлений" тоже не было.

Невестка пребывает в полной уверенности, что молодой муж, все-таки, ее бросил, променял на другую и т.д., и т.п.

Время, увы, остановить невозможно, и вечер незаметно переходит в долгую, бессонную для обитателей дома ночь.

Наутро главный врач психиатрической лечебницы появляется на работе раньше обычного, в расстроенном виде. И на вопрос: что случилось, отвечает, что у его близкого друга, профессора, пропал единственный сын.

-Надо же какое совпадение! - отзыается дежурный врач.

- У нас новый, буйный пациент появился, он тоже выдает себя за сына профессора. Его в ночь на воскресение друзья привезли, пришлось в шестую помещать, держим на транквилизаторах, ходите взглянуть?

- Не до пациентов сейчас,- говорит главврач, и вдруг, бледнея, шепотом спрашивает:

- А фамилию свою он называл???

Услышав ее, хватается за сердце и уже кричит во весь голос:

- Срочно откройте шестую и телефон мне, быстро телефон.

Через десять минут “буйного” пациента, ошалевшего от снотворного, яркого солнечного света и суety вокруг его персоны, забирали домой заплаканные родители. С эскортом, из двадцати автомобилей, принадлежавших друзьям и родственникам, которые дежурили с раннего утра около дома и принимали посильное участие в розысках, наш герой вернулся домой.

Поблагодарив всех, страдалец принял холодный душ, надел чистую одежду, взял из специального шкафчика ружье, несколько патронов с пулей “Жакан” (на медведя), сел, назвав адрес, в машину друга.

- Неужели это его работа? - удивился ошарашенный друг. - Но он еще вчера рано утром уехал на сборы, куда-то на полигон в Средней Азии, его не будет несколько месяцев.

Далее события развивались как в сказке о Старице Хоттабыче, только с точностью наоборот.

Помните о втором джинне? Так вот, сначала он обещал озолочить открывшего бутыль, потом, только, обняв, поблагодарить его.

Но, спустя века, озверев в заточении, пообещал избавителя убить.

А вот наш герой сначала поклялся обидчику, как паршивую собаку, пристрелить! Спустя несколько недель пообещал жестоко избить, потом принял решение плонуть ублюдку в лицо, а еще позже заявил, что никогда не подаст ему руки.

Прошло время и в один, как говорится, прекрасный день, сидя с друзьями за бокалом домашнего вина, он вдруг с восхищением восхликал:

- А ведь этот гад создал шедевр, сотворил розыгрыш самой высокой пробы! Надо же, додуматься до такого, да так все рас считать! Пожалуй, при встрече, я обниму его и пожму руку!

Именно так, в конце концов, и произошло!

Ах, Сухум, Сухум! И эти летние лунные ночи нашей юности!

P.S. Много лет спустя, приехав летом в Сухум, я встретил на “Брехаловке” автора розыгрыша. Сидя за чашечкой кофе, мы вспоминали юность, вспомнили и это происшествие, и я не удер-

жался от соблазна высказать, задним числом, мое восхищение гениальной режиссурой. Мой собеседник замахал руками:

- О чем вы все говорите? Это самый большой провал в моей практике розыгрыша! Я допустил непоправимую ошибку, заставил незаслуженно страдать родителей и молодую жену. По моей задумке наш герой должен был попасть домой утром следующего дня.

Но я, идиот, перепутал субботу с воскресеньем! Уж лучше бы он меня, действительно, тогда пристрелил!

*Аштрабхена
фирндишкозла*

По правде говоря, эта, типично Сухумская скороговорка, правильно звучит так - не АШТРАХЕНА, а АШТРАФЕНА ФИНДИКОЗЛА, но, в моих воспоминаниях она связана с конкретным человеком, который, из-за небольшого дефекта речи, постоянно коверкал слова. Но при этом все, что он произносил, звучало очень, я бы сказал, музикально, самобытно и, обычно, завораживало слушающих.

Так было и в случае с нашей скороговоркой, (а может, присказкой или пословицей).

Изначально, эти слова являлись частью фразы, которая, в целом, звучала неприлично, вторая часть в обиходе не прижилась, а то, что осталось, употреблялось в зависимости от ситуации, лишь с разными интонациями. То, как одобрение или, наоборот, осуждающее, как нежность или как ненависть, но, довольно часто.

Как пример, в устах того же моего приятеля, с мечтательной интонацией: - “Уже скоро наступит тепло, пржилят л-ласточки, спросят, вы - к-крузин? Не-ет, отвечу им, я - ре-русский, это потому, что к-крузин они боятся, аштрахена финдикозла!” Чем не музыка?

Правда, иногда, подобные “музикальные” фразы завершались им, неожиданно, как бы это сказать, ну, вроде как голосовой имитацией звуков, обычно производимых определенной частью человеческого тела, но не ртом.

Сухумчане всегда славились способностью придумывать невообразимые слова и фразы, или конструировать замысловатые лингвистические композиции. Вспоминаю еще одного земляка. Он закончил технический ВУЗ в Москве и вернулся на родину с дипломом, кажется, инженера-металлурга и, что очень важно, с красной книжкой члена КПСС. Поскольку металлургических предприятий в Абхазии не было, его ввели в номенклатуру обкома партии и назначили главным инженером в мощную, по республиканским меркам, строительную организацию, занимающуюся строительством дорог и мостов в сельской местности.

Объект находился в горной части республики, базовый лагерь состоял из нескольких строительных бытовок и электрогенера-

тора. Связь с бригадами и городом обеспечивали старые радиоустановки военного образца.

И вот, пока наш специалист входит, как говорится, в тему, на трассе ломается то ли бульдозер, то ли экскаватор. Водитель с механиком возятся весь день, но исправить технику не могут. Плановые задания под угрозой срыва. Кто-то подсказывает спасительную мысль; инженер же у нас новый, говорят - умница, член партии, да и институт закончил не Сухумский педагогический, как многие другие руководители, а профильный Московский. Надо идти к нему, он - то наверняка знает, как нашего монстра починить.

Приходят всей бригадой в бытовку главного инженера, и, махиня, извиняющимся тоном, опустив глаза, докладывает, так, мол, и так, сломалась техника, мы ее пытались наладить, но, увы... Одна надежда на Вас!

Пауза, глаза всех парламентеров направлены на инженера. Он трет виски, одевает маску озабоченного человека, вовлеченного в некий конкретный процесс, и, с умным видом спрашивает, какой модели вышедший из строя механизм, и, не дожидаясь ответа, авторитетно произносит; -“сложная модель, очень сложная, а, кстати, как вы пытались ее реанимировать, по какой концептуальной методике?”

Рабочие переглянулись, и механик стал, старательно удерживая внутри себя матерные слова, подробно расписывать произведенные действия. Выслушав “доклад,” инженер покачал головой и изрек; -“ненаучно, вы, ребята, действуете, по старинке. Тут нужна современная технология. А вы ИГРИРОВАТЬ пробовали? Нет? А чего же удивляться, так он у вас и не заведется, идите же и действуйте!”

Рабочие снова переглянулись, и, тесня друг друга, вывалились из бытовки. Что делать дальше, никто понятия не имел. С новой “концептуальной методикой” они знакомы не были, как ИГРИРОВАТЬ - не знали, но признаваться в своей неграмотности не хотел никто. Провозились немного с умершим механизмом, и, когда совсем стемнело, снова пошли в бытовку инженера.

- Как дела, чем обрадуете?

- Ничем, не хочет эта падла заводиться, извините за выраже-

ние, товарищ инженер.

- А вы ИГРИРОВАЛИ?

- Да, мы, это, ну как вы и советовали, так мы, это...

- Постойте, вы ИГРИРОВАЛИ, а она, значит, не завелась, АШТРАФЕНА ФИНДИКОЗЛА?! Странно, странно. Опишите мне процесс.

- Процесс, описать, ну, сначала мы, это, как вы сказали, начали...

- Постойте, постойте, я главного не спросил, как вы ИГРИРОВАЛИ, ПОТЕНЦИАЛЬНО или ИНДЕФЕРЕНТНО?

Вся бригада находилась в предшоковом состоянии, а, поскольку механик был среди рабочих самым образованным человеком (как никак, закончил, в свое время, специальные курсы), то все, с мольбой и надеждой в глазах, смотрели именно на него. Ударить в грязь лицом, механик не мог, и, твердо произнес:

- ИРИРОВАЛИ мы, по вашему указанию, так это, которое ТЕНЦИАЛЬНО!

- Да, товарищи, в данном случае - это моя вина, я должен был вас предупредить, что в работе с данной конкретной моделью, ИГРИРОВАТЬ нужно только ИНДЕФЕРЕНТНО.

Поскольку на дворе уже ночь, пока отдохните, а с утра начинайте. Я должен завтра быть в поселковом совете, вернувшись после обеда.

Я думаю, говоря - после обеда, наш герой подразумевал не фигуру речи, а слово - обед - в его прямом значении.

Ну какой уважающий себя сельский руководитель отпустит такого гостя, просто так?

Обед плавно перетек, нет, не банально, как говорится, в ужин, а в настоящее застолье, на которое собралось все мужское население маленького горного села, после которого, отяжелевшего инженера устроили на ночевку в доме председателя совета, выделив ему весь второй этаж дома.

Утром хозяин "поправлял" здоровье гостя, потом нужно было осмотреть горные склоны, определив возможные участки под будущую трассу, потом опять подошло время обеда...

Короче говоря, еще два дня бульдозер (или экскаватор) стоял обездвиженный, как груда бесполезного металломолома, несмотря

на все усилия ремонтной бригады, включая использование наименее эффективных методов потенциального, и даже индифферентного игнорирования.

На третий день, рано утром, на военном “козлике,” прикатил директор треста, осмотрел неработающий механизм, внимательно выслушал рабочих, и пошел будить инженера.

Диалог был коротким, и, достаточно интеллигентным по тональности, что совершенно не характерно для строителей. Директор лишь спросил, почему несколько дней нет связи, и услышал в ответ, что система, очевидно, вышла из строя. Бросив взгляд на блок управления, директор заметил - для того, чтобы система работала, ее надо, по крайней мере, включать. Вот и весь диалог.

Потом директор уселился в автомобиль и укатил в город. Вернувшись на работу, он дал команду срочно отправить на точку опытных ремонтников с центральной автотехбазы, затем попросил связать его по телефону с секретарем обкома. Секретаря, слегка встревоженного неожиданным звонком, директор успокоил, доложил, что работа идет, как всегда, с опережением графика, по принципу социалистического соревнования, и, славный рабочий класс, гегемон, так сказать, не подведет партийное руководство республики.

Закончив с патетической частью, директор, как бы между делом посетовал, что такой образованнейший и талантливейший парень, как новый главный инженер управления, растратывает свой талант, месяца резиновыми сапогами грязь на горных проселках, а ведь мог бы приносить пользу где нибудь в городе. Тратится, иногда, золотой кадровый фонд, впустую.

Посетовав, таким образом, директор треста тепло распрошался с секретарем обкома и повесил трубку. Умный и опытный игрок на привычном чиновниччьем поле, он знал, что брошенное им семя наверняка упадет в нужную грядку.

Так и случилось. (“Ну и умный же я, НАШНАТОДОР ШКУБИФОЛЬ!”). На ближайшем бюро обкома секретарь поставил вопрос о рациональном использовании партийных кадров и пропрашивал подготовленное заранее решение. Знатока “концептуаль-

ных методик” из строительного треста отзвали и направили в кадровый резерв областного комитета КПСС. Через три месяца его определили на учебу в Высшую Партийную Школу, в славный интернациональный город Баку. Закончив учебу, наш герой стал работать в аппарате обкома, таким образом вопрос с рациональным использованием кадрового партийного фонда, был решен.

Кстати, познакомились мы как раз в ту пору, когда дипломированный металлург прозябал в резерве. Заочно я знал о его “творчестве” достаточно много, ибо его методики ремонта дорожной техники уже были разобраны на цитаты.

В день, когда мы встретились воочию, весь советский народ праздновал то ли Седьмое Ноября, то ли Первое Мая, помню только, что весь день моросил мелкий теплый дождь.

К концу дня, обойдя, по традиции семьи друзей, поздравив родителей и выпив огромное количество спиртного, наша маленькая компания, а осталось в ней трое самых стойких парней, под вечер оказалась в некоем психологическом ступоре; хотелось веселья, танцев, женского смеха, флирта и прочих невинных шалостей, увы, невозможных в сонном чопорном провинциальном городе (не в курортный сезон).

И тут один из моих друзей вспомнил, что как раз сегодня, вроде бы, в медпункте Новоафонской турбазы дежурят знакомые девушки, медсестры. Девушек двое, нас трое, кто то, теоретически, остается без пары, а практически, все, для всех, еще вилами по воде писано, решаем ехать и разбираться по месту.

Берем “чичико,” то есть частника и отправляемся в Новый Афон.

У ворот турбазы нам встречается улыбающийся человек, которого мои друзья, с радостью обнимают, и, тут же представляют мне. Это и был наш “резервист.” Как часто бывает в Абхазии, он оказался, к тому же, моим дальним родственником, в общем, нам было о чем поговорить.

Друзья мои “рвались в бой,” и было решено; они идут на разедку, в здание турбазы, а я, до получения от них информации, общаюсь с моим новым другом.

А друг мой, тем временем, указывая рукой направление, и, почтительно поддерживая меня под локоть, привел нас к торговому павильону, стоящему в стороне от дороги. Оказалось, в павильоне работал сосед, которому срочно понадобилось уехать, а ключи, он, на всякий случай, оставил нашему инженеру.

И, вот, видимо, он и наступил, этот самый случай.

В павильоне было тепло, уютно жужжал моторчик холодильника, вкусно пахло специями. Мой новый знакомый извлек из под стойки бутылку коньяка и наполнил напитком два граненых “чайных” стакана. Коньяк подозрительно отдавал самодельной чачей, и, по моему, в нем плавали чаинки.

Опасаясь, что, в любую минуту, нас могут прервать, мы, торопясь, произнесли слова, идущие, как говорится, от сердца, и подняли стаканы. Но эмоции наши продолжали бурлить внутри нас и проситься наружу, поэтому нам пришлось еще дважды наполнять стаканы и производить тосты.

В итоге, в течении минут пятнадцати, мы “уговорили” ТРИ бутылки чачи из коньячных бутылок. И все это на мои “старые дрожжи!”

Но, пока напиток еще не проявил свои коварные свойства, я сообразил, что друзья, независимо от результатов разведки, могли искать меня на дороге, и не известно, что бы они подумали, не обнаружив меня, и, как поступили бы в дальнейшем. А поскольку мой друг, хранитель ключей, не мог оставить свой пост, мы решили, что теперь за информацией придется идти мне.

Мы расцеловались, друг, на всякий случай, остался дежурить на дороге, я же пошел в гору, к зданию турбазы.

Это последнее, что я помню более или менее четко. Дальнейшее складывается из неясных обрывков воспоминаний и информации, поступившей извне.

Скорее всего, я уже не соображал, где нахожусь конкретно, и зачем мы сюда приехали, но в воспаленном мозгу моем, видимо, выяснилась знакомая, удобная для меня, тема.

Дело в том, что один из моих друзей был музыкантом, и, я ча-

сто сопровождал его в концертных поездках по республике.

Вот и сейчас я блуждал по каким то лабиринтам, узким сводчатым коридорам, поднимаясь и спускаясь по каменным лестницам (в советские времена Новоафонская турбаза размещалась в здании монастыря), и каждого встречного выспрашивал, где тут зрительный зал, где сцена.

На меня смотрели, я думаю с опаской и удивлением, потому как зрительного зала в здании турбазы не было, а я, не получая нужного мне ответа, становился все более и более агрессивным и косноязычным.

Наконец то я набрел на столик дежурного администратора, за которым две сотрудницы пили чай, неожиданно обматерил, ни за что, ни про что, несчастных женщин, объявил им, что ...уй когда услышат они теперь НАШ ансамбль, и гордо удалился в привычные, уже, для себя, лабиринты. В коридорах я, вконец, заблудился, выхода найти не смог, в конце концов обнаружил где то в нише кресло, уселся в него и, по рассказам очевидцев, горько плакал, проклиная судьбину. В этом кресле меня и обнаружили, спящим, некоторое время спустя.

Дело в том, что девушки действительно были на работе, но, пока их нашли и сообщили, что приехали друзья, пока протекало радостное общение, прошло время, и, по турбазе пополз слух, что бродит, мол, по коридорам, какой то, то ли пьяный, то ли сумашедший артист, к женщинам, правда, не пристает, жаждет выступить с концертом, но не может найти аккомпаниатора, а посему расстраивается, плачет горькими слезами и всех материт изощренным "семистопным ямбом."

Моим друзьям все было понятно, меня отправились искать и нашли. Потом отвели в служебную комнату, где стояли две кровати, уложили, несмотря на мое сопротивление, в постель, а одного из друзей оставили, на время, со мной, в комнате, дабы я чего нибудь не учинил.

Предполагалось, что я, пьяный, скоро усну, друг присоединится к остальной компании, таким образом, естественным образом, разрешится дилемма - два плюс три! Ну да, размечтались!

Проснулся я, как обычно с похмелья, на рассвете, в жутком состоянии. Некоторое время не мог понять, куда это меня занесло, ибо, что я не дома, было ясно. Рядом, на кровати, кто то тихо похрапывал, и, приблизившись, я разглядел спящего, напряг память, и, наконец, вспомнил вчерашний вечер; автомобиль, знакомство с инженером-лингвистом, чачу из чайных стаканов, дорогу к монастырю, обсаженную кипарисами..., а дальше - провал.

С трудом разбудив друга, и не успев, о чем либо, его спросить, я узнал, что я мудак, пьяница подзаборный, ...уй с горы, разлучник, дебошир и полиглот сраный. Я попытался узнать, что же произошло, но из, с трудом разлепившихся губ, со свистом вырвалось только; - "А почему полиглот, да еще сраный?"

"А потому самому, что все думали, ты вот, вот уснешь, девушки стол накрыли, магнитофон притащили, ну, я вернусь, и мы, две пары, кайфовать будем, а тебя же, мудака, всю ночь неизвестно на какие подвиги тянуло, ты постоянно вскакивал, бросался на кого-то с кулаками, и все время, не переставая, громко, размахивая руками, с выражением, очень эмоционально, говорил.

Что говорил? Ну, ты меня извини, полиглот, среди нас оказался один ты. Что ты озвучивал, я не знаю, ибо ты говорил на какой-то безумной смеси русского, английского, абхазского и мегрельского языков, иногда умудряясь произносить и турецкие слова.

Единственные, знакомые мне фразы, которые ты, постоянно, в свой спич вставлял, были: - "АШТРАФЕНА ФИНДИКОЗЛА" и "НАШНАТОДОР ШКУБИФОЛЬ!"

P.S. Кстати, а как переводится фраза - НАШНАТОДОР ШКУБИФОЛЬ? Да никак. Это то же самое, что и АШТРАФЕНА ФИНДИКОЗЛА, и произноситься может, как в старом анекдоте, то ли - с восторгом и удовольствием, то ли – от себя и с отвращением. Так вот, ТРАМФУЛЯ, мой друг!

Есть ли среди вас...

Синее море, белый пароход! Привычная картинка, многие помнят ее из детских книжек. Ну, а если эта картинка из собственной памяти, когда синее море уже не фигура речи, а огромная, до горизонта, ослепительно синяя, либо изумрудная, вся в солнечных зайчиках, абсолютно живая материя?

Она, то полностью, до звона в ушах, спокойная и тихая, то печально вздыхающая, то волнующаяся и грозная.

Да и пароходов белых память сохранила множество, хотя судно, играющее важнейшую роль в нашем рассказе, было, на самом деле, комбинированного цвета, в котором преобладал черный. И флаг не был привычно красным, советским.

Корабль, о котором пойдет речь, был современным круизным лайнером, одним из двух, похожих друг на друга, как близнецы. Оба парохода принадлежали правительству ГДР.

Была такая страна в центре Европы, которая тихо умерла в тот день, когда сломали Берлинскую стену. И в описываемое нами время, катали на этих лайнерах по Черному морю немецких туристов, граждан дружественного нам, социалистического государства.

Пароход, который участвует в сюжете рассказа, назывался “FRITZ HECKERT.”

Вообще, приход в Сухумский порт большого корабля, всегда вносил разнообразие в жизнь города, даже летом в курортный сезон.

Огромные, ярко иллюминированные громады судов прекрасно вписывались в городской пейзаж, создавая дополнительное ощущение вечного праздника. А пирс на время стоянки превращался по вечерам в некое продолжение набережной и заполнялся толпами гуляющих людей.

Ну, а зимой? Зимой это являлось серьезным, политическим событием, к которому готовились загодя. Пионеры заучивали подходящие к данному торжественному случаю стихи, в том числе и на немецком языке, музыканты духовых оркестров отполировывали до блеска инструменты, и в который раз репетировали марши и туши, танцоры доводили до совершенства все па в зажигательных народных танцах. Короче говоря, визита морских гостей ждали все, и власти и простые горожане.

А теперь, на секундочку, представьте, что сулит сие событие городской “парапетной” общественности, всем свободным творческим личностям, мужчинам с ненормированным рабочим графиком, да и откровенным бездельникам, иначе говоря, штатным завсегдатаям «Брехаловки»!

Ведь лайнер стоит, как правило, в порту день, а то и два, пока гостей знакомят с республикой, возят на озеро Рица, в Новый Афон или в передовые колхозы, а по вечерам на концерты, творческие вечера, встречи в школах и в клубах предприятий.

Зимнюю, солнную жизнь города все это, безусловно, очень даже оживляет. Да и сама процедура встречи в порту сулит впечатляющим моим землякам массу положительных эмоций.

В общем, прихода судна ждут с воодушевлением и нетерпением.

И вот наступает он, долгожданный, знаковый день. Ярко светит зимнее солнце, на небе ни облачка, пристань украшена транспарантами типа: “ВИЛЛКОМЕН, ФРОЙНДЭ!” и “ДА ЗРАВСТВУЮТ КПСС И СЕПГ, БРАТСКИЕ ПАРТИИ БРАТСКИХ НАРОДОВ!”

Корабля пока еще не видно, но на пристани уже построены пионеры, заняли позиции музыканты и танцоры, подтягиваются потихоньку те, кто сейчас или вообще всегда, ничем не занят, и с минуты на минуту ожидается руководство города.

Наряд пограничников незаметно разместился в служебной будке, на краю пирса. В толпе царит оживление.

Наконец, появляется и начинает расти на глазах, долгожданный лайнер. Оживление на пирсе и праздничная суета, заметно, усиливаются. Высокое начальство тоже прибыло. Все с нетерпением ждут.

И вот лайнер замедляет ход и осторожно пытается “притереться” к пристани.

Теперь он совсем близко, можно начинать.

И по команде музыканты на пристани начинают выдувать из своих, сверкающих на солнце инструментов обязательный в таких случаях “Интернационал”. В воздух летят шапки, из толпы слышатся приветственные выкрики. Слова не всегда разборчивы, но учитывая, скажем так, наличие в толпе “брехаловских” острословов и

раздающиеся со всех сторон пристани специфических “ИХ-ХИХ-ХИЯ” местных “планакешей,” обкурившихся с утра гашишем, нельзя дать гарантию, что все лозунги идеологически безупречны.

Тем не менее, со стороны все выглядит прекрасно. Немецкие туристы скопились у борта и с таким же энтузиазмом выражают свою радость, машут руками и головными уборами.

И как только барабанщик нашего оркестра сделал последний удар, и прозвучало трехкратное: “УРА”, звуки того же гимна появились уже сверху, с палубы корабля.

Казалось, праздничное возбуждение охватило всех присутствующих, без исключения.

Незаметно, вся пристань заполнилась людьми. Казалось, здесь собрался весь город, и весь город празднует это радостное событие. Оркестры соревнуются между собой, передавая друг другу эстафету бравурных мелодий. А теплоход продолжает швартовку.

И вдруг, в очередной момент музыкальной паузы, когда над пирсом на несколько секунд воцаряется тишина, один известный местный шутник, подняв голову и явно обращаясь к немецким гостям, во весь голос выкрикнул: “КОРЭТО МИТИН МАРГАЛЕБЬ”? В переводе с мегрельского это означало: «ЕСТЬ ЛИ СРЕДИ ВАС МЕГРЕЛЫ?»

Но, увы, ответа быть не может, ибо все на этом лайнере, и команда, и пассажиры - немцы!

Публика на пристани, включая официальных лиц, от души хочет, особенно радуются те, у кого такой специфический смех: «ИХ-ХИХ-ХИЯ».

Музыканты затягивают паузу неприлично долго, а затем мелодия получается нестройная, какие-то аморфные дзумпаумпа.

Немцам сверху, мягко говоря, не совсем ясен смысл происходящего. Но они люди воспитанные и продолжают восторженно приветствовать своих советских друзей.

Но советским друзьям, по крайней мере, некоторым, хочется “продолжения банкета” и в следующую паузу вопрос повторяется, вызывая, уже чуть меньший, всплеск смеха.

Третий раз, наверное, был бы лишним, если бы не произвел эффект, (как бы уйти от штампа?), внезапной посадки НЛО или

стриптиза, устроенного на пристани, к примеру, молодыми сотрудниками таможенной службы!

Итак, после третьего выкрика: “КОРЭТО МИТИН МАРГАЛЕБЬ?”- на палубе судна, наверху, к борту прорвался пожилой человек и, размахивая сжатой в руке тирольской шляпой, громогласно крикнул по мегрельски: “КО, КО, МА ВОРЭК, МА!!!” (ЕСТЬ, ЕСТЬ, Я, Я).

Скажите, можно ли как-нибудь описать то, что воцарилось на пристани после взрыва такой немыслимой лингвистической бомбы?!

На какое-то время над местом действия, то есть швартовки, установилась длительная, прямо-таки гнетущая тишина. “Отцы города” пребывали в шоке, ситуация была для них трагической, ибо не было возможности доложить кому надо наверх, посоветоваться и получить инструкции, как себя вести. А самое страшное, никто из них, включая обязательно присутствовавших тут же чекистов, не знал, как оценить увиденное и услышанное.

Либо, как неимоверную шутку, фантастическое стечние счастливых обстоятельств, или как происки империалистических разведок.

Любая версия порождала массу дополнительных вопросов, а времени, для их анализа и получения ответов не было.

Для остальной публики эти проблемы отсутствовали, реакция людей была разной, народ начал собираться группками, одни выстраивали версии, каким образом туда, на немецкий теплоход, занесло бедолагу мегрела, другие ахали и охали, по принципу: “ни…я себе, попу гармонь”, - третья, просто, от души хохотали, четвертые, на скорую руку, составляли план торжественной индивидуальной встречи земляка-иностраница.

Музыканты справились, наконец, с шоком и вновь что-то заиграли, кажется, “Взвейтесь кострами, синие ночи”. Потихоньку на пристани стала восстанавливаться привычная обстановка планового мероприятия.

Лайнер же, наконец-то причалил, установили трап, пограничники приступили к своей работе, и на берег стали сходить сначала руководители круиза, немецкие официальные лица, а затем, и обычные пассажиры, туристы.

И пока партийные функционеры дружественных партий жали друг другу руки и произносили здравицы в честь КПСС и СЕПГ, в честь нерушимой дружбы народов и так далее, по трапу, буквально расталкивая сходящих на берег туристов, сбежал седой господин в тирольской шляпе, типичный, на вид, европеец. Он отыскал глазами Сухумчанина, устроившего сей переполох, и бросился его обнимать. Гость не скрывал слез, размазывал их рукой по лицу и повторял одну и ту же фразу: “МА ВОРЕК МАРГАЛЬ КОЧИ, МА ВОРЕК, МЕТ ВАРЕ МАРГАЛЕБЬ”. (Я МЕГРЕЛ, Я, И КРОМЕ МЕНЯ МЕГРЕЛОВ БОЛЬШЕ НЕТ), имея в виду, наверное, что нет больше на немецком теплоходе мгрелов.

Как правило, даже у самых необычных и запутанных историй, в сути лежат несложные, можно сказать, приземленные факты.

Дитер Циммер, (или Зиммер, не помню точно), воевал в немецкой горнострелковой дивизии на Кавказе, был пленен и вместе с другими военнопленными направлен в Абхазию на строительство горной дороги.

Бежать было некуда, возить пленных ежедневно из лагеря, а потом снова в лагерь, накладно, поэтому их определяли на постай, в семьи местных жителей.

Циммер попал в мгрельскую семью, где к нему отнеслись, совсем не как к врагу, а как к попавшему в беду человеку, нуждающемуся в помощи и поддержке.

Скоро он стал своим в семье. Немецкого языка никто в селе не знал, пришлось Дитеру изучить мгрельский.

Когда пленных стали отпускать домой, он уехал в ГДР, учился, работал, вступил в Партию, даже был награжден каким - то орденом.

Через всю жизнь Дитер пронес чувство любви к своим мгрельским родственникам, как он их называл, а когда профсоюз в качестве поощрения отправил его в круиз по Черному морю с заходом в Абхазию, он был безмерно счастлив.

Мне, увы, неведомо, удалось ли Дитеру Циммеру попасть в родное свое, горное село, повидаться с родственниками, оставшимися, к тому времени, в живых. Далее эта история развивалась

без моего участия, и я не знаю, чем она закончилась, на самом деле, но мне очень хочется верить, что у нее, несмотря ни на что, был счастливый конец, а, вернее, долгое и красивое продолжение.

Маруфум №5

Свозрастом все чаще вспоминаются долгие, беззаботные летние дни и короткие ночи нашей юности.

Если переложить это на музыкальные образы, то всплывает медленный фокстрот или вальс-бостон или еще что-то, томное и бесконечное.

Зеленый глазок радиоприемника: «Сундук аль барид Бейрут-Ю ар май дестини, Джуллия, Анжелина...» Романтика высоких чувств...

Но, увы, из каждого ресторана несется совсем другое, надрывное : “Где же ты, мая любов... и годи, что в туман ушли-и в седой”.

Да, действительно, ушли, канули в туман седой! Но из клубов этого тумана с потрясающей чистотой изображения иногда вдруг прступают удивительные, фантасмагорические картишки Сухумского бытия.

События и персонажи, встретить которых можно было только в этом благословенном Вавилоне, в маленьком, чистом, уютном городке: “что на берегу стоит и садами весь укрыт”.

Шел по городу трамвай... Стоп. Это из каких-то других воспоминаний. Никаких трамваев, отродясь, в Сухуми не было. А были красно-желтые городские автобусы, и ходили они по трем основным маршрутам. Маршрут № 1: Вокзал-Пляж, маршрут № 2: Рынок-Пляж, и, наконец, маршрут № 5: Рынок-Кирпичный завод.

Надо сказать, что “Кирпичный завод” представлял село на окраине города, где местный люд выращивал зелень, фрукты, разводил кур и возил излишки на городской рынок.

А как можно было попасть на рынок? Правильно, на красно-желтом автобусе маршрута № 5. Правда, как попадали люди на рынок, никого особенно не интересовало, а вот с рынка...

Совсем другой разговор!

Ведь те, кто торгует на рынке, как правило, возвращаются не пустые, а с выручкой! Короче говоря, маршрут № 5, особенно в конце дня, очень даже интересовал определенную категорию городских “специалистов”, виртуозных мастеров по части облегче-

ния чужих кошельков, – карманных воришек, “щипачей”.

А Мастера среди них попадались действительно с большой буквы. Некоторые “работали” в одиночку, кто-то в паре или втроем. Ну, к примеру, один отвлекает жертву, второй “выкупает лопатник” и отдает третьему “на пропуль.” Тут без перевода с фени ясно – еще один пассажир остался без бумажника.

Некоторые дамы из местного сельского бомонда пытались спасти свои кровные, пряча их в неимоверных тайниках советского нижнего трикотажа, но, увы, и это не всегда спасало от шаловливых ручонок щипачей.

(Помните, как в старом анекдоте? «Пострадавшая, у вас деньги вытащили из лифчика, вы что, ничего не чувствовали? - Чувствовала, конечно, но думала, что это флирт»).

А теперь представьте себе - час пик, переполненный, скособченный желто-красный автобус, пыхтя, кряхтя и отчаянно сигналя (пятидесятые годы, сигналить можно), медленно движется по пятому маршруту.

На задней площадке человек колоритной наружности привлекает взгляды пассажиров. Он похож на техасского рейнджера кирпичноза-водского образца, в клетчатой “ковбойке” красных тонов, соломенной шляпе, типа “Сомбреро”, трикотажных спортивных шароварах и в блестящих “азиатских” калошах на босу ногу. У человека мечтательно-наивное выражение лица, такое обычно бывает после трех-четырех стаканов домашнего вина.

Скорее всего, он возвращается с рынка после удачного торгового дня. У определенной части «пассажиров» поднимается эмоциональный тонус, ситуация активно комментируется шепотом:

- Кнокайте сзади, штрик шкодный нарисовался. Примонтаженный, как на Седьмое Ноября! Но лучше ему вместо “азиатских” надеть бы прохоря! Нет – лучше носки! Носки он забыл дома, его носки стоит под кроват! (И далее в таком же духе).

“Техасец” стоит спиной к заднему стеклу автобуса. (В нашем случае – это важное обстоятельство.) Ну, стоит и стоял бы себе.

Однако на ближайшей остановке наш герой, увидев кого-то на улице, поворачивается лицом к стеклу и являет публике свои

тылы. Лучше бы он этого не делал!

Потому что на спортивных штанах его виден задний карман, из которого торчит сверток, подозрительно напоминающий по размеру сталинские дензнаки образца 1948 года.

Я сказал: «торчит сверток?» Нет, уважаемые, теперь нужно говорить – торчал сверток, когда-то, может быть, возможно, якобы торчал.

Не забывайте, маршрут № 5, час пик, Мастера с большой буквы...

Ну, а дальше все зависит от вашей личной фантазии.

Наш рейнджер, тем временем, принял былую позу, продолжая мечтательно улыбаться. Пассажирам стало жалко бедолагу, но сказать вслух о случившемся никто не решался.

Вместо этого все стали ему дружно подмигивать, подавать какие-то робкие и непонятные знаки, которые он не замечал, продолжая жить в каком-то своем, ковбойском мире, улыбаться и почесывать себя, извините, в районе мошонки.

На остановке “Красный мост” он вышел, встал рядом с автобусом, размышиля, видимо, о чем-то своем.

Автобус принимал пока очередную партию желающих ехать по пятому маршруту, и тоже стоял на остановке.

Пассажиры задней площадки кхекали, кашляли в открытые окна и подавали ковбою уже куда более активные, но, увы, такие же непонятные знаки.

Наконец, он посмотрел на автобус и сообразил, что вся эта лихая эквилибристика знаков предназначена именно ему, но так и не понял - почему?

Сначала он снял шляпу и придирчиво осмотрел ее со всех сторон, потом вопросительно посмотрел на пассажиров автобуса. Они показали знаками: не то!

Тогда он ощупал лицо и даже расчесал усы вынутой из нагрудного кармана расческой. Не то!

Потом он занялся изучением своей ковбойки, и не найдя ничего странного, неуверенным жестом показал на шаровары. То, то, - закивали пассажиры!

Шаровары оказались чистыми и не рваными спереди. Оста-

вались тылы, которые были тут же обследованы. Рука коснулась заднего кармана и... о, ужас!!! Свертка не было!

Публика в автобусе замерла. Все с нетерпением ожидали развития событий.

Посадка, тем временем, закончилась, двери закрылись, и автобус, выпустив из себя вонючую струю сизого дыма, стал медленно отъезжать от остановки.

В этот момент человек в ковбойской рубашке, (не забудьте про калоши) вдруг расслаблено опустил руку, облегченно вздохнул, улыбнулся от уха до уха, и громко произнес:

- Я понял, я догадал!

Автобус же, продолжая вонять, пытался набрать скорость.

- Ну, я же догадал, - продолжал, улыбаясь, повторять наш герой.

Через миг автобус взорвался истерическим смехом. Смеялись все, особенно те, кто еще минуту назад тайком смахивал слезы жалости, заходились в хохоте только что вошедшие в автобус пассажиры, не понимая, над чем тут смеются, но за компанию, как известно...

Ошалевший водитель изощренно матерился и пытался давить на все педали сразу.

До ковбоя дошло, он на самом деле теперь «догадал», и задыхаясь от обиды и собственного бессилия, желал, хоть как-то отомстить неизвестным экспроприаторам. Человек стал выкрикивать вслед автобусу самые унизительные и грубые, по его мнению, матерные слова из собственного запаса ругательств, причем в самых экзотических сочетаниях.

- Я... ты.... мамочка твоя...желудок твоя горло...дерас... ндон...петух гнойная....ука...плиад.

И на пике крещендо, перепутав все на свете, выдал уже вовсе нечто феноменальное:

- я твой ...уй сосал, я твой...уй сосал, я твой ...уй сосал!!!

Автобус буквально разрывало от эмоций пассажиров, смешалось все; изумление, восторг, радость, желание запомнить или срочно записать этот «филологический шедевр», и все это под аккомпанемент продолжающегося хохота и самых острых комментариев местных остряков.

История завершилась неожиданно, однако в самых лучших традициях былой сухумской жизни. Когда автобус слегка притормозил перед выездом на площадь, сквозь дверные створки просунулась чья-то смуглая рука в татуировке и на горячий асфальт с глухим звуком плюхнулся ТОТ САМЫЙ сверток.

- Забирай свое, братишко и гуляй от рубля и выше!

Не забывайте, это случилось в те далекие времена, когда юмор, находчивость, неординарность людей и справедливость ценились в нашем городе гораздо выше тех самых дензнаков образца 1948 года.

Сказанная когда-то фраза :”Париж достоин мессы” стала крылатой. А как насчет нашего маленького, чистого, уютного городка?

Полицейские и воры

Тесный прокуренный зал провинциального кинотеатра моего детства. Многоократно виденный фильм, затертая, мутная пленка, жужжание допотопного проектора, клубы табачного дыма. А на мигающем экране снова и снова гонится пузатый недотепа-полицейский за шустрым изворотливым и изобретательным воришкой, но в очередной раз оставляет служивого с носом очаровательный плут с застенчивой улыбкой, виртуозный актер, граф Антонио де Куртис, со смешным псевдонимом – Тото.

В нашей истории милиционера, все называли просто – Майор. Он и в самом деле был майором и служил в уголовном розыске.

Причем, насколько помнится, он был майором всегда, как будто это звание ему присвоили еще в детском возрасте, авансом, так сказать, на всю оставшуюся жизнь сразу. И, очевидно, только за личные качества, потому что был он человеком очень смелым, даже отчаянным, бескомпромиссным борцом с преступностью и к тому же абсолютно бескорыстным (взяток не брал ни при каких условиях).

При этом был он совершенно безграмотным. По-русски говорил бегло, но с чудовищным акцентом, а насчет - читать и писать - тут уж извините.

Как-то раз наш герой останавливает на улице парня и требует паспорт.

-Дядя Майор, – отвечает юноша жалобно, -нету с собой, могу принести позже.

-Дядя, - возмущается майор, – я твой дядя? Я мелиция майор уголовни розыск, а ти мамадзагли (сукин сын),рушител паспортни режиму. Следуши раз патащу кутузку.

С этого дня все подростки, чтобы позлить Майора, обращались к нему именно так:

«дядя Майор».

Пожилой постовой, добрейший дядюшка Азамат, по-своему опекал молодежь, оберегая от возможных “репрессий” со стороны Майора и частенько, подходя к группкам гуляющих и мирно беседующих парней, произносил:

-Уара (обращение к мужчинам), сколко раз вам предупреждал, уара, кучка-кучка, больше три ачкун (мальчик) нэ собирайт,

и «дядя» ему тоже не скажите, уара. Он вам поймаэт, а нас, уара, ругает.

В конце концов, Майор махнул на все это рукой - дядя так дядя.

У Майора были свои, действенные, методы расследования преступлений, фантастическая интуиция, так что редкие грабежи, квартирные кражи и угоны автомобилей раскрывались, буквально, по горячим следам.

И это, безусловно, работало на повышение авторитета уголовного розыска в целом и самого Майора в частности.

Единственное, что портило статистику и нервы городской милиции – так это карманные кражи. И если Майор по натуре был человеком не злым и иногда прощал хулиганам их не очень дерзкие проступки, то карманников он ненавидел лютой ненавистью, на уровне физиологического отвращения и классовой нетерпимости.

Своей высшей целью он ставил полное искоренение “щипачества” в городе.

В этой невидимой постороннему глазу, но, на самом деле, титанической битве, использовались различные, порой крайне изощренные методы и тактика боевых действий. От использования “подсадных уток” в автобусах и на рынках до методов Глеба Жеглова с подбрасыванием преступнику ранее умыкнутого им имущества отдельных граждан.

Это, безусловно, приносило свои результаты, но изменить кардинально ситуацию не могло, ибо для изобличения карманника, все-таки, следовало взять его на факте кражи, что сделать было ну очень, очень трудно. Ведь и “щипачи”, как говорится, были не лыком шиты, вот кому изобретательности и живости ума было, явно, не занимать. Так что война эта, выражаясь военным языком, носила позиционный, затяжной характер, с периодическими успехами и мелкими потерями с обеих сторон.

Другой наш герой как раз и являлся карманным вором, “щипачем”, и носил он немного непривычную для слуха граждан безбожного государства кличку - Инок. А для многих сельских жи-

телей, не всегда хорошо владеющих русским языком, это слово вообще ничего не говорило.

Помню забавный случай. Группа случайно встретившихся людей обсуждала свежие криминальные новости. Один из собеседников спросил у остальных, что же означает слово «инок», которое так часто повторяется в разговоре? Ему объясняют:

- Ну, это вроде как священник, поп.

Человек улыбается и согласно кивает головой.

Ах, Попи, я эта Попи знаю, знаю, но тот другой, что ви сказаль инок - эму не знаю, а Попи знаю!

Надо сказать что кличка эта не являлась свидетельством религиозности нашего героя, а просто была созвучна его фамилии.

По части “профессиональных” навыков, изобретательности, ловкости рук и быстроты действий, равных Иноку в городе не было. Не было равных ему и по остроте языка, и по обостренному чувству юмора и по мастерству устраивать различные розыгрыши и приколы. Так что становится мишенью его возможных “шуток”, я бы не советовал никому.

И вполне объяснимо, что именно Инок, с его почти мистической неуловимостью и был главным злейшим врагом Майора.

Никакая милицейская стратегия или тактика применительно к Иноку НИКОГДА не срабатывала, ибо наталкивалась на тщательнейшим образом продуманные контрмеры и на такую же, как и у Майора, обостренную интуицию. Инок руководствовался своей любимой пословицей: «На каждую хитрую ж… есть кое-что с винтом, а на каждый винт есть ж… с лабиринтами!»

В основе противостояния Инока Майору, я думаю, лежала не ненависть, а скорее, некий спортивный интерес. И, если представить наших героев участниками поединка на шпагах или рапирах, то желанием Майора было победить любой ценой, взять нахрапом, мощью, выбить из рук заклятого врага оружие, исстегать того прилюдно гибким стальным клинком, повергнуть ниц, наступив на грудь, и уже поверженного, принженного передать на содержание государства.

Для Инока, безусловно, победа тоже была важна, но совсем не такая. В бою он, будучи больше игроком, чем бойцом, старал-

ся создавать ситуации, при которых Майор становился объектом колких шуток и издевательств “спортивных” болельщиков. Удров или жестких выпадов, как правило, Инок не наносил, ему было достаточно, образно говоря, вспышки сигнальной лампы, как констатации очередного выигрыша, хотя бы по очкам, и радость самого процесса поединка.

На стыке пятидесятых и шестидесятых в моду входили итальянские плащи “Болонья”. Купить, или как тогда говорили “достать”, их можно было только у спекулянтов и стоили они очень дорого, свыше двухсот “новых” рублей, что было сопоставимо с двумя-тремя месячными окладами врача, учителя или инженера.

Конечно, офицер милиции получал чуть больше, но не настолько, чтобы позволить себе подобную роскошь. Можно себе представить, сколь бурным было удивление городского сообщества, когда на набережной, куда в погожий осенний вечер весь город высыпал на традиционный вечерний променад, появился Майор в роскошном переливчатом плаще “Болонья” цвета морской волны. Он явно спешил, шел быстро, рассеянно отвечая кивками головы на приветствия знакомых.

Инок что-то живо обсуждал с приятелями, сидя на корточках у входа в парк, когда бдительные друзья переправили ему шифрограмму при помощи беззвучной тюремно-лагерной азбуки знаков: “Атас, ребята, Майор канает!” И, естественно, когда Майор “доканал” до парка, у входа уже никого не было, только несколько пар глаз внимательно проследили из-за густо растущих олеандров за идущим Майором.

Через минуту компания вернулась на место, бурно обсуждая увиденное, а именно - великолепную “Болонью” Майора, столь необычно цвета. Инок задумчиво молчал, затем вскинул руку, требуя тишины и внимания и медленно, загадочно-патетическим и одновременно угрожающим голосом произнес:

- И откуда же у Майора появились деньги на плащ “Болонью”? Небось, взял на лапу. Взятка, иным словом, век свободы не видать!

И пока окружающие удивленно молчали, Инок еще дважды

произнес эту фразу, на абхазском и мегрельском языках.

И, как случайно украденная у Дона Антонио шляпа в фильме “Операция Святой Януарий” резко изменила всю жизнь персонажа Дуду, так и эта, произнесенная Иноком в присутствии друзей, осенним теплым вечером фраза, вмешалась в сюжет истории “Полицейские и воры” и окрасила в новые тона события драматического единоборства наших героев.

Уже вечером ушлые завсегдатаи “Брехаловки” цитировали ее слово в слово, а значит весь следующий день город, как растревоженный улей, мучился вопросом: а где на самом деле взял деньги на роскошный плащ Майор? Наверняка, взятки берет на лапу.

И слухи эти множились, роились, кружка над городом, как (продолжая сравнение с улеем), маленькие злые местные пчелы, вытесняя все остальные темы городских сплетен. И скоро Майор, изначально не придавший особого значения донесенной до него информации, почувствовал, как говорится, на своей шкуре, чудо-вищные результаты задуманного Иноком изощренного плана, а вернее, изысканного экспромта, навеянного переливами модного майорского плаща.

Началось с того, что молодежь вдруг перестала опасаться Майора, никто, как раньше, не разбегался при его приближении, а даже напротив, местная “босота” с вызывающей дерзостью глядела прямо в глаза и противно хихикала вслед.

Уже это было чувствительным ударом по самолюбию недавней грозы всей “неблагонадежной” части подрастающего поколения, да и не только подрастающего.

Майора перестали приглашать на различные банкеты, свадьбы и дни рождения. В маленьком провинциальном городке это означало, что человек получил “черную метку”. Но это еще, как говорится, полбеды. Майора перестали заслушивать на совещаниях в МВД, что ранее было обязательным делом, и вообще коллеги стали его сторониться или полностью избегать общения.

А из партийных органов поступил на имя начальника милиции секретный циркуляр, в котором Майору предписывалось не показываться в здании горкома в заграничном плаще, дабы не оказывать на окружающих “развращающее влияние”.

Так, всего одна фраза Инока, произнесенная, конечно, “с дальним прицелом”, полностью отравила жизнь несчастного сыскаря.

Майор “открыл” на Инока охоту, объявил тотальный розыск, но хитрован-щипач будто бы растворился в пряном осеннем Сухумском воздухе.

Ночами карманник являлся несчастному Майору во сне, заговорщики подмигивая и спрашивая гнусным, слашавым голосом: «Патикцемуль (уважаемый) дядя Майор, так откуда же деньги? ЛАПА, ЛАПА, ЛАПА!»

Майор впал в депрессию, перестал регулярно бриться, ходил неопрятным, даже, как говорили информированные личности с “Брехаловки”, тайно запил. Судьба его, как канатоходец, замерла на тонком трюсе над страшной бездной.

Этот этап соревнований Инок, безусловно, выиграл с разгромным счетом. Пора было, как говорится, и честь знать!

Солнечным октябрьским днем вдруг посыпались сообщения информаторов. « Инок в городе, более того, ищет встречи с Майором, сейчас в парке Ленина играет в пинг-понг».

Пяти минут хватило, чтоб весь отдел розыска переместился в парк, где при большом стечении праздной публики состоялась историческая встреча двух легендарных личностей!

Увидев несущегося в его направлении Майора во главе группы оперативников, Инок картинно вскинул руки и имитируя жесты известного киноактера Тото, громко изрек:

- Дядя Майор, не стреляй в меня при всех, не предавай меня при людях позорной смерти! Если хочешь, убей по-другому, хотя бы молотком, я тебе принесу большой, тяжелый, с каштановой ручкой! Но будет мне свидетелем сам товарищ Яхве, с повинною к тебе я стремился, по велению души своей, дабы справедливость восстановить. Знаю точно, плащ этот заграничный, красоты редкой тебе ПОДАРИЛИ, ПОДАРИЛИ, а ВЗЯТКИ ТЫ НЕ БЕРЕШЬ!

При всех торжественно сие заявляю, всему городу сообщаю, кончились твои мучения, дядя Майор, а насчет жизни моей, давшей трещину, тоже обещаю изменения. Вот даже для тебя лично

расписку про это написал, вручаю с почтением при всех!

Неожиданное покаяние смущило Майора, сломало подсознательное желание изничтожить, стереть гада-Инока в порошок. Он растерялся, опустил руки, готовые взять воришка за грудки, и неожиданно для окружающих произнес плаксивым голосом:

- Конечно, сква (сынок), ни бэр узиатка, а это плиаш меня ПОДАРИЛ мой сестра муж, он Тбилиси жиевет, пизико-матиматикос, привез ему из Польша и ПОДАРИЛ меня, на кой чиорт, она меня бил нужен, больше в жизни не адено ему. - И уже спокойным голосом добавил: - А твой расписка давай меня, начальник покажу, сам иди дома, да исправляй ошибка свой жизни, тэм более свидетел имеешь такой уважаемы человек, кому ти назвал!

Итак, справедливость, а заодно и статус-кво Майора были восстановлены, канатоходец-судьба получил в руки противовес и уверенно заскользил по тросу к спасительному берегу.

Наутро, чисто выбритый, благоухающий одеколоном “Шипр”, Майор вошел в кабинет начальника милиции, широко улыбаясь, и протянул полковнику сложенный вдвое лист бумаги.

- Вот, упросо, (обращение к старшему), одним карманником в городе стало меньше, причем самым главным!

- Ты что, его посадил?!

- Никак нет, упросо, я его перевоспитал, он теперь исправится, вот, даже документ мне написал, расписка называется.

Полковник с интересом развернул лист, какое-то время читал, потом медленно поднял голову и тяжелым взглядом уставился на Майора.

- Ты - то сам с этим, прости меня, документом хотя бы ознакомился?

Майор почувствовал, как между лопаток потекла, неизвестно откуда взявшаяся, липкая и холодная струйка пота, понял, что его снова провели, обыграли по очкам, подставили, растоптали... и заплетающимся голосом переспросил, этот ли документ имеет в виду начальник, который держит в руках, и который называется расписка...

- Да какая на .уй расписка! То, что ты называешь распиской, он назвал РАСПИСЯКОЙ! А теперь, идиот, попробуй прочитать

внимательно сам, а лучше попроси кого-нибудь, кто владеет русским лучше тебя. Все, свободен!

К сожалению, история не сохранила для потомков, сей уникальный Документ (именно так, с большой буквы). Нет, нет Инок, (хотя он давно не Инок, а уважаемый человек по имени...впрочем, не важно), жив-здоров, но при попытках его разговорить, он только загадочно улыбается и молчит или переводит разговор на другую тему. Поэтому, чтобы логически завершить историю Полицейского и Вора, нам придется взять на себя неблагодарную задачу и попытаться реконструировать текст, опираясь на воспоминания юности и интуицию. Итак, по нашему мнению, данная бумага выглядела бы так:

Мелиция углиовни розыск
Товаришу Маироп

РАСПИСЯКА

Этот расписяка написал я вори-карманник под кликухе катори ви знаете. Сначало хачу сказать что эта Маироп катори я не очень уважаю за то что он является пидар мокржопи и менти погани, но ляпа действительно не берет и плиаш эта красиви заграницни буржуйски катори разни цвети переливай ему подариль это родственик. А дальшэ скажу даже клиатва дат магу пусть знает, как раньше занимался карманим кражом так и буду далше, и ...уй эму роту но мения он никогда нэ поймает с плиашом или без плиашом так что привету тебя Маироп и поцелуй на задницу пьяни обезьян веку свобода не имет! Такой вот дэла наш иштибитинский.

Надо сказать, что русским языком Инок владел в совершенстве, как, впрочем, еще двумя-тремя, но помня его неуемное и постоянное стремление к ерничанью, и, как уже отмечалось, обостренное чувство юмора, можно предположить что текст "документа" имитирует, в той или иной степени, манеру Майора говорить по-русски.

Конечно, такое издевательство вряд ли кому простил, и играть в подобные игры с офицером милиции было более, чем рискованно. Это было явным перебором, но Инок никогда не рисковал зря, просто на момент написания “расписяки”, он знал то, чего не знал ни один человек на свете.

Инок заранее собрал чемодан, в котором вместе с привычным набором путника, лежали документы, необходимые для поступления в ВУЗ, и затертые им до дыр школьные учебники.

Сразу же после исторической встречи в парке им. Ленина, наш герой отбыл в большой город, где успешно поступил в институт, затем сделал завидную карьеру, руководил крупным предприятием и даже был в советские времена членом бюро городского комитета партии.

Не знаю точно, как сложилась судьба Майора, вроде как, он благополучно дослужил до пенсии, ушел в отставку, а что было дальше, мне не ведомо. Неизвестно, встречались ли еще наши герои, и как выглядели эти встречи.

Инок же давно достиг пенсионного возраста, но источник его внутренней энергии не иссякает, и сидеть дома, без дела, возможности не дает. Насколько известно мне, он консультирует крупные компании на разных континентах, поэтому всегда в движении.

И легендарное чувство юмора никуда не делось, и любовь к розыгрышам тоже, так что не советую никому, и по сей день, подпадать под обаяние элегантного улыбающегося седого джентльмена, и давать ему повод разыграть вас.

*Морской круж
эпохи девятнадцати "K"*

Историю, которую я попытаюсь сейчас пересказать, поведал мне друг детства, великолепный рассказчик, обладавший чувством юмора высшей пробы. И я, увы, вряд ли смогу передать тот искрометный стиль изложения и вспомнить те фантастически смешные фразы и слова, которые рассказчик придумывал по ходу повествования. Однако необычность событий, произошедших с моим другом, подталкивают меня, хотя бы к попытке рассказать о них читателю. И я очень надеюсь, что прочитавшим то, что получилось у меня, станет ясно; интерес мой состоял не в описании “клубнички,” которая, безусловно, существует в повествовании, а к неординарности персонажей этого удивительного спектакля времен “девяти К” Никиты Хрущева.

Чтобы не путаться, рассказ я поведу от первого лица.

Так вот, в конце пятидесятых, я, шестнадцатилетний увалень, воображающий себя крутым мачо и взрослым мужиком, носившим длинный плащ и шляпу старшего брата, подкрашивающий черным карандашом редкие усы и курящий для солидности папиросы “Казбек”, увязался с компанией взрослых парней в морское плавание до Одессы.

Согласие из родителей и “командировочные” мне удалось выдавить без труда, ибо было время зимних школьных каникул. Ну, а обход близких родственников с чашей (или со шляпой) в руках принес мне еще немного наличности.

Ярким, солнечным зимним днем компания отбыла на теплоходе в направлении веселого города Одессы, в каюте третьего класса.

“Жемчужина у моря” встретила нас промозглым сырьим воздухом и сильным ветром, норовившим не только сбить с ног, но и накормить солидной порцией мокрого, липкого снега. И не было от всей этой прелести спасения, кроме как забыть о знакомстве с уникальным одесским бытом, о котором мы были наслышаны чуть ли не в утробе матери, с неповторимой архитектурой великого города, и сидя в гостинице, ждать у моря погоды.

Но скоро выяснилось, что словосочетание «сидеть и ждать», совсем не означает сидеть в номере гостиницы и скучать.

И если чемпионами СССР по количеству невест считались Иваново и Краснодар, то Одесса была, я думаю, рекордсменом страны по числу временно свободных и озабоченных дам.

Совсем как в песне “А муж твой в далео-ком море...“

В конце концов , организм юного мачо не вынес такого количества внезапно свалившегося счастья, плюс наш герой умудрился подцепить ангину (хорошо еще, что только ее).

Короче говоря, на четвертый день Содома и Гоморры я попросился домой. После короткого совещания меня решили отпустить с миром.

А поскольку погода испортилась вконец, и самолеты не летали, мои друзья скинулись и купили билет в каюте первого класса. Очевидно, в качестве моральной компенсации за недополученные мною эмоции.

Знали бы они, что меня ожидало! Вечером на такси я был отвезен в порт и погружен на корабль.

Судно оказалось небольшим, славным и уютным и было иностранной постройки. Каюта первого класса поражала своими размерами и убранством.

Меня знобило, болело горло, есть не хотелось, я плюхнулся в кровать, размером с футбольное поле и уснул, невзирая на прличную качку. Снилось мне, помнится, что я убегал по широкой Потемкинской лестнице от толпы обнаженных женщин, кричавших наперебой одну и ту же странную фразу: “Тимофей, ну у... би же меня, суку!“. К тому же они пытались схватить меня за детородный орган, причем все сразу!

Я просыпался в поту и снова проваливался вместе с кораблем в пучину очередных сновидений. И опять убегал от голых дам, распевающих, на сей раз хором только входившую в моду песню: “На Дерибасовской открылась холера, ее поймала одна ...лядь от кавалера, и, может, кто-нибудь накажет эту жабу, что в подворотне отдавалася арабу!“

Я пытался кричать, что не Тимофей я и не араб, но звуки оставались внутри моей груди. Я открывал и закрывал рот, как на песке рыба, а голые тела слипались, срастались, как пласти-

лин, в один большой ком, который принял, в конце концов, форму огромных женских гениталий...

Когда я, наконец, пришел в себя, выяснилось, что качка закончилась, горло не болит, а с момента отплытия из Одессы прошли сутки.

Когда стал одеваться, выяснилось, что я крайне ослаб и очень голоден.

По светлому, отделанному дубовыми панелями коридору, ведущему от каюта первого класса, коих на судне было всего две, я добрался до крохотного ресторочка, который, увы, был уже закрыт, но у входа висело объявление, что в музыкальном салоне, пятью ступеньками ниже, допоздна работает буфет.

Спустившись на следующий уровень, и толкнув рукой массивную дубовую дверь, я увидел со вкусом оформленное помещение.

В одном углу зала был небольшой кабинетный рояль, вокруг которого полукругом стояли удобные мягкие кресла, в противоположной стороне высилась массивная горка, в стиле ампир, и такая же солидная буфетная стойка с фасадом витринного стекла, по которому вился изящный орнамент, не мешая рассматривать выставленную снедь.

Бронзовые с хрусталем, бра на стенах, задрапированных шелковой тканью, создавали в салоне впечатление загадочного полумрака.

Для меня, провинциала, это была картинка из другой, неизвестной мне жизни, возможно, из какой-нибудь трофеейной киносказки о бедном сельском мальчике, попавшем по воле доброй феи на яхту миллиона.

Казалось, сейчас распахнется дверь, и в зал начнут входить улыбающиеся мужчины во фрачных парах, высокие, статные, с набриолиненными волосами, а с ними очаровательные, стройные дамы в вечерних нарядах и в бриллиантовых колье и диадемах. Музыкант сядет за инструмент и станет наигрывать блюзовые мелодии, кто-то расположится за ломберным столиком зеленого сукна перекинутся в покер или бридж.

В воздухе почувствуется аромат дорогих сигар, а в бокалах бо-

гемского стекла, наполненных старым шотландским виски и вермутом “Чинзано” будут позывакивать кубики льда...

Мираж растаял, как только я приблизился к стойке. За ней стояла мадам, типичная советская буфетчица конца пятидесятых, тут же вернувшая меня в наш реальный мир, на грешную землю, а, вернее, на крохотную рукотворную территорию великой социалистической державы посреди, спокойных уже, волн Понта Эквасинского.

Буфетчица оказалась молодящейся дамой зрелого, скажем так, возраста, с прической и макияжем а ля Целиковская, и игривой полуулыбкой.

Она была немного навеселе. И прежде, чем я что-либо успел спросить, услышал целую тираду, совершенно невероятную по скорости, интонации и примененных словосочетаний:

- И чем же таки скромная одесская девушка может постараться ублажить знайного кавказского жигита чтоб ви так жили если учесть что он обитается как чисто богатый клиэнт в апартамэнте типа люкс которых всего две штуки а в соседнем проживает не какой-то фраер в канотье а сам Веня Бронштейн так на то он и Веня чтобы там жить и на всем корабле как на Привозе только и разговоров чем занимался наш салаженок в своем будуаре цельные сутки и кого он сначала так материли, а потом просил больше не трогать его за те места которые чтоб произнести таки испытываю стыд ведь весь корабль знает что в каюте в тот момент даже портретов женских не было вовсе! Так что предложить Вам перекусить юноша?

И дама широко улыбнулась, отчего забегали по полированной поверхности мебели веселые солнечные зайчики, щедро отраженные от ее золотых зубов. Улыбка ее оказалась удивительно доброй, и посетившая меня было шальная мысль, а не приударить ли за мадам, к счастью, моментально испарилась.

Я был прочитан от корки до корки опытным глазом повидавшей жизнь женщины, как детская книга, набранная крупным шрифтом. И, возможно, это пробудило, в душе моей визави, некое чувство, сродни материнскому, а подсознательно возникшее

желание покровительствовать мне, определило характер нашего дальнейшего общения.

В общем, спустя некоторое время, сидя в удобном кресле, поедая вкусные бутерброды и запивая их лечебным напитком специально приготовления, составленного персонально для меня на основе горячего молока с добавлением коньяка и вишневого ликера, я с огромным удовольствием и интересом слушал различные одесские истории.

Сюжеты и стиль рассказов были достойны пера самого Бабеля. А если учесть, что я в то время не имел понятия о творчестве великого писателя и почти не знал одесситов, то понятно, что эмоции мои по своей силе напоминали, примерно то, что испытывали первые европейцы, высадившиеся на американский берег.

Коньяк с ликером, плюс расслабляющий ровный говор моей, вновь приобретенной подруги, привели меня в состояние сладкого полусна. А мягкое, роскошное кресло, только усиливало ощущение нереальности происходящего.

И опять салон погрузился в сказочный, киношный полумрак, запахло сигарным дымом, и снова я замер в ожидании, что вот-вот распахнутся дубовые двери, и в салон ...

Тут двери вдруг действительно распахнулись и в салон быстрым и уверенным шагом вошел высокий, статный, с набриолиненными волосами, улыбающийся мужчина. Правда, он был не во фраке, а в строгом черном костюме и темном, в тон костюму, галстуке.

И опять забегали по музыкальному салону солнечные зайчики, отражаясь, на этот раз, от груди вошедшего. На ней сияли сразу две Звезды, Героя Советского Союза и Героя Социалистического Труда.

Был он импозантен, гордо нес крупную голову, а на лице - следы бурной жизни. Внешне он напоминал артиста Владлена Давыдова, но внимание, скорее, привлекали к себе его руки, очень красивой формы, с тонкими, живыми пальцами.

Они были органично связаны с движениями человека и манерой поведения. Однако все же возникало ощущение, что живут они какой-то своей жизнью.

Это могли быть руки пианиста, карточного шулера или, скажем, итальянского политика, речи которого немыслимы без элегантной жестикуляции.

Мужчина окинул быстрым взглядом салон, кивнул буфетчице, на секунду остановился, затем опустился в кресло рядом со мной и произнес, протягивая руку:

- Гамарджоба!

- Гамарджоба, – машинально ответил я, опешив, и смущенно объясняя, что грузинским почти не владею.

- Ладно, юноша, не стоит так переживать, в конце концов, все мы гости на этой планете. А с грузинским у меня тоже нелады, так что можем сразу переходить, к примеру, на сербско-хорватский, а еще лучше на Ваш родной испанский, си, мучачо-компаньерио, палома бланка этремадура.

Тая, наш мексиканский друг имеет желание угостить меня текилой, желательно типа КВ армянского разлива, в двух экземплярах? Да, нас еще не представили друг другу. Я - Виктор Георгиевич, фамилию не оглашаю по понятным причинам, но пасаран, компаньерио, Ваше здоровье!

Выпив коньяк, мой новый знакомый резко встал и, не попрощавшись, стремительно вышел из зала. Я удивленно смотрел ему вслед, затем перевел взгляд на буфетчицу.

- Еще не вечер, мой юный друг, – эту фразу Таисия произнесла с загадочной интонацией. И не успел я больше ничего спросить, как створки двери снова распахнулась, будто от сильного порыва ветра, и на пороге появился мой новый знакомый.

На этот раз он был не один, а в компании красивой девушки, лет двадцати пяти, стильно одетой, согласно моде тех лет.

Полупрозрачная нейлоновая кофта, узенькие брючки и “Бабетта” на голове. Ни дать, ни взять, кинодива из французского фильма.

Виктор Георгиевич галантно поддерживал свою даму за локоток, при этом шепча ей на ушко нечто такое, от чего девушка становилась пунцовой и смущено прятала глаза. Подойдя, он движением руки скомандовал мне - встать и стал манерно представлять нас друг другу.

-Это Ксения, мы только познакомились. Она аспирант, филолог, изучает фарси. Папа отправил ее в морской круиз в качестве поощрения. Ну, ты же знаешь мою натуру, я решил взять девушку под свое крыло, завтра я позвоню от капитана по спецсвязи в президенту ЦК и обяжу своих друзей обеспечить ей карьеру.

Я отправлю ее в Иран, я дам ей рекомендательное письмо моему другу, Шаху-ин-шах Ирана, ну, ты же знаешь мои возможности?

Возможностей Виктора Георгиевича я, естественно, не знал, но, тем не менее, согласно кивал головой.

- Меня зовут Оксаной, а не Ксенией,- воспользовавшись небольшой паузой, тихо произнесла девушка.

- Ну вот, значит, Ксения,- как ни в чем не бывало, продолжал наш друг, - а это значит, наш уважаемый гость из далекой Мексики, недавно продавший свое родовое Бромадеро, никак не может потратить свои песеты, луидоры, боливары и прочую колониальную валюту. Большой друг Советского Союза, тайный член Компартии Гондураса, любитель лошадей и красивых женщин, обучался русскому языку в университете города Чиченитцу, имеет степень бакалавра, зовут его Хуан Чавес.

По моему личному ходатайству президент Мексики, мой друг Адольфо Лопес Матеос, выдал моему протеже дипломатический паспорт. Ну, вы же понимаете, уровень моих связей?

Короче говоря, я вас познакомил.

Тая, нам бутылку той самой текилы и три бокала.

Таисия тут же выдала бутылку армянского коньяка и три больших, винных бокала.

Теперь самое время напомнить читателю, что, в те веселые времена, народ жил, в смысле хлеба и зрелищ, по-ленински, уважая кино, как наиважнейшее из искусств.

Телевидения у нас не было, театральные постановки, в единственном городском театре, были идеологизированы до неприличия. Так что горожане, в массе своей, с нетерпением ожидали каждый понедельник, поскольку репертуар всех городских кино-

театров обновлялся именно в этот день.

В ту пору в большом почете были мексиканские фильмы. Женщин притягивали мелодраматические сюжеты, мужчины же, памятую сошедшие с экранов трофеиные вестерны, удовлетворялись похождениями бравых усачей в широкополых сомбреро, одетых не совсем, как американские “ковбои,” однако владеющими такими же кольтами и винчестерами в руках.

Диалоги и монологи из многократно просмотренных лент расходились, обычно, на цитаты, а мелодии из фильмов по репертуару городских ресторанах.

Отсюда и Хуан Чавес и поместье Бромадеро и танец Голубка и Голубки.

Итак, буфетчица принесла коньяк. Виктор Георгиевич тут же разлил его в три больших винных бокала и предложил тост за любовь. Девушка снова засмутилась и произнесла, опустив глаза, что тост, конечно, романтичен, но она не пьет крепкого спиртного, разве только, иногда, немного вина.

- Ксюша, деточка, я не веду сейчас разговоров о любви романтической, о возвышенных чувствах между мужчиной и женщиной. Вы ведь это имели в виду?

Я говорю о святой, всепоглощающей, кристально чистой любви человека, гражданина великой Социалистической Державы к его Родине. Сейчас, спустя сорок два года, отделяющие нас от Октябрьской Революции, после выигранной войны с германским фашизмом, на фоне наших выдающихся достижений во всех сферах жизни, мы, советские люди, строители коммунизма, герои, не можем не вернуть толику нашего долга Родине, подняв тост за ее процветание!

Ксения, не расстраивайте старого солдата, скажите, что вы пошутили.

За любовь к Отчизне!

После такой эмоциональной речи, (которую я пересказываю в сокращенном варианте), девушка стала сдаваться и согласилась “пригубить немного” солнечной жидкости из бокала.

Но сия формулировка совершенно не устраивала тостующего.

Его великолепные пальцы пришли в движение, одна ладонь, совершив элегантнейший пируэт в воздухе, легла на затылок Оксане, не давая голове откинуться назад. Второй же рукой, он сжал пальцы девушки, и приобрел полный контроль над бокалом.

По принципу “за маму, за папу, за бабушку», конькы был, буквально, влит в мою новую знакомую.

При этом рот Виктора Георгиевича не закрывался ни на секунду, он продолжал произносить свои зажигательные речи, совершенно гениально, как джазовый музыкант экстра - класса, импровизируя, мастерски соединяя в одно целое и известные коммунистические лозунги, и патриотические идеи, и, ювелирно отточенные одесские сюжеты, используя, при этом все богатство тональных оттенков голоса и удивительно угаданное чувство ритма.

Спустя несколько минут, нашу подружку было не узнать. Девушка раскраснелась, зрачки глаз, то и дело, пытались разбегаться в разных направлениях.

Она, то беспричинно, хохотала, то, затаив дыхание, слушала оратора, иногда восторженно произнося :“Вот это класс!”

Так что, при появлении второй бутылки, никого не пришлось уговаривать поднять бокалы. Виктор Георгиевич перешел на анекдоты, сначала более или менее пристойные, ну а потом, как водится, из песни слов не выкинешь, и так далее. Девушка не переставала смеяться, расстегнула верхние пуговицы блузки, и постоянно просила рассказчика повторить тот или иной пикантный сюжет.

И тут Виктор Георгиевич изрек:

- Пора! Мы с Ксенией отываем в мой люкс, ты, Чавес, догоняешь нас через три минуты. Захвати от Таи еще емкость с текилой, и бекицер, Чавес, темпо фортиссимо, майн фрайнд!

Я вопросительно посмотрел на Таисию, и, получая очередную бутылку, успел узнать, что бекицер означает шустро, быстро, а если бы допустить, произнесла она, что я твойная мама, таки там делать юноше совершенно нечего, ибо гад этот Троцкий, ренегат, альфонс и морально неустойчивый деклассированный элемент. И все тут. Но я не твойная мама и уберечь тебя от Сциллы и Харибды всего Черного Моря шансов никаких не имею. Вручаю тебя Судьбе!

Меня качало из стороны в сторону, в голове шумело, и никак не доходил смысл Таиных слов. Причем тут Троцкий, тем более, всем давно известно, что он ренегат и враг народа, а альфонс, видимо, потому, что жил этот гад за счет моего родного мексиканского правительства до тех пор, пока не явились Сцилла, Харибда и сеньор Ледоруб?

Чувствуя, что мысли мои совсем запутались, я облобызal Таю, посетовал, что она, действительно, не мойная мама, и, неверными шагами поплелся вручать себя Судьбе!

Судьба нетерпеливо ждала меня в каюте номер два, первого класса, точно напротив моей, (за номером один). И представлена была она (Судьба), в виде полураздетого дважды Героя, сидящего в кресле и прелестной девы, возлежащей на огромной кровати и накрытой простыней.

Судя по элементам одежды, разбросанной по каюте, на ее ладном теле под простыней, не было ничего. Глаза девушки были прикрыты, но она не спала, и это было видно.

Виктор Георгиевич разлил коньяк, на этот раз, в два бокала. Когда я робко отказался поддержать очередной тост, он только пожал плечами и залпом осушил свой бокал. Я решил выждать для приличия пару минут и рас прощаться с моими лихими попутчиками. Как бы не так!

- А что, моему почтеннейшему мексиканскому корешу требуется персональное приглашение на наш скромный бал цветов. Ну-ка, живо раздевайся, тоже мне королева-девственница!

В голове моей нетрезвой, словно включилась электромясорубка, перемалывая в мелкий фарш и без того путаные мысли. Я пытался что-то сказать, но слова никак не соединялись во фразы, да и голос, предательски, затерялся где то внутри меня.

Я подумал о своем перочинном ноже, но, тут же, с ужасом вспомнил, что он у меня в других брюках.

Пауза не могла продолжаться вечно, и, неожиданно я, вдруг стал, негнущимися пальцами, расстегивать на себе одежду. Дойдя до трусов, я, наконец-то, выдавил из себя фразу, что догола не раздеваюсь ни при каких условиях.

- Но, в них же будет неудобно, Чавес, хотя на вкус и цвет..., ну ты знаешь, что там дальше.

Итак, дети мои, приступаем к основной части нашего между-с собойчика, вечера, так сказать, достойного римских патрициев.

Ваш старший друг в свободное от основного секретного дела время, еще и шалит, изобретая, как академик... Ксения, прекрати, деточка, изображать из себя спящую Венеру Тициана, убери руки с лобка, и внимательно слушай инструкции.

Значит, Чавес, ты укладываясь на эту роскошную кровать, портретом вверх. Я же предупреждал, что трусы будут мешать, сними их.

Ты же, любовь моя неразделенная, персияночка, ты моя сладкобедрая, аккуратно ложишься на мексиканца, соединяясь с ним узами плотской любви. Я же старый греховодник, буду довольствоваться тем, что пристроюсь сзади этой композиции. Да, да деточка, все предусмотрено природой.

Так вот, композиция принимает завершенный вид... деточка, что за бунт вещей, я же рассказывал тебе, как, кусая губы, я косил из корабельного электрического пулемета Кольта сотни немецких пехотинцев на пирсе Бреслау. Я же делал это, чтобы твое будущее, деточка, было счастливым и безоблачным. Ты меня поняла, моя умница, моя аспиранточка.

Ну, а теперь, дети мои, самое важное угадать тот ритм, который позволит нам одновременно попасть в куши, пусть греховного, но, все же, рая. Да, да, так, держите же ритм, ри-и-и-итм!

Мне же, откровенно говоря, было не до ритма, не до райских кущ, ибо все это ошеломило меня своей необычностью, новизной ощущений, нереальностью самой ситуации.

К тому же, в этой пирамиде основанием служил я, а, поверьте, быть снизу подобной конструкции, да еще и с непривычки, неудобно и тяжело физически.

Девушка, перекатываясь по кровати, снова заразительно хохотала, и, как заклинание, повторяла: "КЛАСС, КЛАСС, КЛАСС!"

Виктор Георгиевич, восседая в кресле, в позе римского сена-

тора, задрапированный в простыню, как в тогу, сливал в бокал остатки коньяка. Осушив его одним глотком, он потер переносицу и заговорил, жестикулируя руками.

Он выдерживал свой отточенный ритм, четко расставляя акценты, как заправский лектор высшей школы:

- Дорогие коллеги, некоторое время назад, вашему экспертному вниманию, была представлена очередная научно-прикладная, я бы выразился так, реплика известного, засекреченного, академика (фамилию мы опускаем), Героя Советского Союза и Социалистического Труда, вашего старшего друга, разработанная им в свободное время, с учетом накопленного человечеством богатейшего опыта изучения влияния статического электричества пятой доли глютеус максимус на субконтинентальные надсознательные контакты шестого уровня. Именно сик транзит всегда адекватен гlorия мунди.

Изобретение свое, с учетом его огромной популярности и вос требованности, в обозримом будущем, я назвал просто - двойная тяга. Ведь всем известно, от простого до гениального, всего- то расстояния - пару сантиметров!

Теперь безумный хохот обуял меня. Я умозрительно, но очень реально увидел ту самую пару сантиметров, их, так сказать, анатомическое, местоположение.

Слово же «мунди» в переводе с мегрельского языка означало – задница, что было, удивительно по теме. Ну, и, наконец, само название изобретения, привело меня в восторг. Высокий слог! (Применительно к конкретному смыслу произошедшего).

Академику наша реакция, безусловно, понравилась. Он дал время насмеяться досыта, манерно поднялся из кресла, театральным жестом указал на кровать, и произнес:

- Дамы и господа, экспертный совет дал высокую оценку представленной разработке, но заводские испытания должны быть продолжены, посему, любезнейший сеньор Чавес, прошу занять свое место на испытательном стенде, или, говоря проще, на постели, силь ву плэ!

И тут, неожиданно для себя самого, сеньор Чавес, то бишь я, выпалил:

- Извините, сеньор профессоре, но, согласно разработанной Вами же, инструкции, теперь Ваш черед лежать внизу!

Остаток ночи я провел в своей каюте.

Рано утром в дверь настойчиво постучали. Это был Академик, чисто выбритый, в роскошном кашемировом пальто песочного цвета, в темно коричневом шелковом шарфе и элегантной шляпе типа Борсолино, знакомой нам по западным фильмам.

Рядом с ним, на ковровой дорожке стоял диковинный чемодан из блестящей кожи, с огромным количеством карманов и карманчиков на молнии цвета старого золота, весь в экзотических наклейках.

Сняв с правой руки тончайшую лайковую, в тон пальто, перчатку, Виктор Георгиевич протянул руку и произнес своим бархатным голосом, совершенно серьезно:

- Мне очень повезло с попутчиком, не хотелось бы расставаться в тот момент, когда мы так отлично сыграли в четыре руки и в два смычка. Но, увы, все хорошее, когда-нибудь заканчивается, и вот уже Сочи, и мне приходится здесь сойти на берег.

Когда ты попадешь в Одессу, Чавес, мы с тобой...хотя нет, я не могу расшифровать себя даже сейчас. И получится, у нас, монами, как у Ильфа с Петровым, когда переводчик долго и настойчиво звал в гости, но адреса, почему-то не дал.

Будь счастлив, Чавес, я, естественно, атеист, но буду за тебя молиться!

И улыбнувшись, человек-загадка, секретный Академик, дважды Герой, и Союза и Труда, эпикуреец и бонвиван, ступая неслышными шагами по мягкой ковровой дорожке, ушел навсегда из моей жизни.

Мне же еще предстояла двухчасовая стоянка в Сочи и шестичасовой переход до Сухуми. Времени было предостаточно, и я отправился досыпать.

Проснулся от яркого солнца, светившего в иллюминатор, и уютного жужжания мощных судовых двигателей, где-то в самом чреве судна.

Принял душ и собрав свои нехитрые пожитки, я побрел на-вестить Таисию.

После Сочи на судне, практически, не осталось пассажиров, хотя последним портом круиза значился Батуми.

В буфете никого не было, я прошел к стойке, и немного, сму-щаясь, поздоровался с Таей, опускаясь в свое любимое кресло.

- Ну что, даже в глаза смотретьстыдно? Представляю, чем вы там занимались, в каюте этого гада!

Я попытался вяло возразить, говоря, что совсем он не гад, этот Виктор Георгиевич, а высокообразованный человек, редких знаний и интеллекта, просто ученому такого уровня иногда необходимо расслабляться, и это, вполне, нормально.

Интересно только, в какой области науки трудится наш Академик, ведь Героя Соцтруда так просто не дают. Ну, первая Звезда, это понятно, она за войну, за Победу....

- Ну если у нас звание Героя присваивают за победу над бабами - перебила меня Таисия,- тогда я за эту звезду он заслужил а насчет второй - не знаю может за преферанс тут он и профессор и академик сразу а может за язык его сладкий а может за ум неутомимый по части афер и развлеченийлядских правды я не знаю но, может и я заслужила медальку какую-нибудь хилую за победу ляжек над бутылочным стеклом? Но знаю точно - гад Троцкий аферист ...лядун и чревоугодник!

Этот набор слов, как всегда, был выплеснут со скоростью пулеметной очереди. Видимо, в голове моей еще стоял туман от прошлой ночи, и я не очень понимал, почему Тая так окрысилась на незнакомого человека, и причем тут ляжки, и почему она снова вспомнила Льва Троцкого?

- Да не льва и не тигра даже а дружка твоего разлюбезного Веню Бронштейна по кличке Троцкий и не таращь на меня зенки мексиканские свои этого академика сраного твоего ненавидят и обожают тысячи женщин от Ланжерона до Гагри и содержат его они же потому что Веня и есть ко всему остальному главный альфонс всего побережья но при этом никто не знает его за сволочь ви бы так жили а с какого нэба он снимал свои звезды так того не знает даже ЭН-КА-ВЕ-ДЕ!

Я слушал Таисию с открытым ртом. В голове моей, как стая голодных волков, носились, пытаясь прорваться к языку, десятки вопросов. Но единственное, что я смог спросить, почему прозвали нашего героя Троцким?

- Ты что юноша совсем темный? Да потому что фамилие такое же как у Троцкого если ты слышал песню про Одесскую пивную там увэковэчили бандершу тетю Есю таки мама Вени тоже была бандершой и звали ее Еся Бронштейн и была она очень добрая ви смысле слабая на передок так что папа там неизвестен а раввину наплевать на папу главное шоб мама была из ашкэнази потому фамилие у Вени получилось мамино, а именно Бронштейн как у Льва Давидовича, будь он неладен.

Все услышанное потрясло меня, ибо с обрушением светлого образа Академика, я, как мне показалось, стал терять веру в будущее.

Правда, по прошествии многих лет, Веня, задним числом, стал вызывать у меня чувство восхищения, если забыть о слове – альфонс.

Так или иначе, но приключения мои заканчивались, ибо мы шли уже мимо Нового Афона. С моря прекрасно просматривалася Монастырь, его величественные очертания на фоне вечнозеленых деревьев и ультрамаринового неба создавали в моей неспокойной душе некий энергетический меловой круг защиты от мелкой людской греховной суетливости, и вселяли веру в нечто непостижаемое, Светлое и Вечное!

И я успокоился. Спросил Таю, сколько ей должен, на что она ответила ровным голосом, что за лечение друзей денег не берет, а молоко, так вообще, было из ее личных запасов. А коньяк требовал Веня, а Веня, извините, это наш, женский крест, и нести его предназначено именно женщинам.

Я пригласил ее домой, ведь стоянка была двухчасовая, но Таисия неожиданно засмутилась, сослалась на необходимость привести инвентаризацию и отказалась.

- Дома тебя ждет мама, и не стоит портить вашу встречу присутствием незнакомого человека, да еще с портретом торгашки,

на вот бумажку с моим Одесским адресом и знай, в моей тесной квартирке всегда найдется место, чтобы принять тебя.

При этом женщина прослезилась и стала делать вид, что протирает бокалы.

Я, незаметным движением, положил под ближайшую стопку тарелок всю свою бумажную наличность, поймал Таину руку и поцеловал ее.

Потом, не торопясь, взял в каюте отцовский фибровый с металлическими уголками чемодан и пошел к выходу.

Корабль был уже пришвартован, минут через пять установили трап, я с удовольствием, полной грудью вдохнул родной, влажный и теплый сухумский воздух, и, быстрым шагом пошел домой.

P.S. Некоторое время спустя, прокручивая в голове, как кино-пленку, события тех дней, я обнаруживал некий провал в памяти, словно какой-то, беспокоящий меня вопрос, остался без ответа.

Догадался, как часто бывает, неожиданно, сидя с друзьями в ресторане “Рица”. Все официантки были мне хорошо знакомы, я отвел одну из них в сторону и спросил, какая, по ее мнению, связь между бутылочным стеклом и ляжками.

Предполагал, что женщина посмотрит на меня, как на умалишенного, однако она, оглядевшись по сторонам, вдруг, медленно подняла юбку, и я видел, на внутренней стороне ее ног две симметричные темные полосы, идущие как бы снизу вверх и наискосок..

Видимо, вопрос в моих глазах читался так явно, что официантка улыбнулась, взяла со служебного столика бутылку вина, вкрутила штопор, зажала бутылку между ног и ловким движением выдернула пробку.

Адвокат

Yписателя Тэффи есть рассказ “Модный адвокат“. Читая его, я, в очередной раз изумился почти точному повторению ситуаций и схожести некоторых персонажей, живущих в разное время, и в разных странах.

Сюжет у Тэффи повествует о...

Впрочем, зачем нам с вами герои великого мастера смешливого пера, если наши, а, вернее, наш герой, реально существовавший, нам интереснее и ближе. Память моя цепкая постоянно удерживает меня в границах беззаботного и шутбутного бытия Сухумского, времен юности. И вынимает из необъятных кладовых своих все новые и новые, раритетные уже, по сути, события тех дальних дней и нет спасения от этих сладких, липких пут времени.

Итак, как вы уже догадались, мы поведем речь об адвокате. Появился он в городе внезапно, и, на первых порах, был принят Сухумской “парапетной” общественностью за партийного функционера, так как, невзирая на летний зной, щеголял ежедневно в костюме и при галстуке.

Правда, остроглазые, всезнающие обитатели “Брехаловки” обратили внимание, что незнакомец прогуливался по городу в пиджачной тройке легкомысленного, серо-голубого цвета, что не совсем вязалось с обликом аппаратных работников, у которых одеяния были, как на подбор, темных цветов.

А поскольку на “Брехаловке” привыкли, что любой вопрос имеет право на существование только в комплекте с ответом, уже на второй день были известны фамилия и родословная нашего героя и место жительства на съемной квартире, семейное положение – холост, профессия – адвокат, и, что костюм у него всего один, на все случаи жизни.

Видимо, те самые, все случаи жизни, могли произойти ежедневно, поэтому адвокат появлялся в своем элегантном костюме каждый день. Медленным шагом, уверенной поступью важной персоны, он спускался вниз по улице Ленина, до колоннады, останавливался и орлиным взглядом (знаю, что штамп, но очень к месту), внимательно обозревал близлежащую территорию, наподобие вальяжного князя, выехавшего поохотится

в своих обширных лесах.

Был наш джигит щуплого телосложения, небольшого роста с довольно крупной головой, причем диспропорция эта подчеркивалась тесной одеждой, согласно тогдашней моды, великолепной, но не совсем послушной, объемистой шевелюрой, и неестественно кустистыми бровями. (Леонид Ильич отдыхает!) Как выяснилось чуть позже, адвокату шили ботинки на заказ, по специальной колодке, незаметно увеличивающей каблуки, и, соответственно, его рост. Сапожник, репатриант армянин, утверждал, что эта колодка досталась ему от: “Фирэнк Синатра, каторы бил у нас в Ливан и пэл армянски пэсня.” Не знаю, бывал ли Синатра в Ливане, но очень сомневаюсь насчет колодки и армянских песен.

Взгляд нашего героя был действительно орлиным, пронзительным. Он умудрялся опускать одну бровь так, что взгляду просто необходима была колossalная энергия, чтобы прорваться сквозь буйную растительность, при этом вторая бровь задиралась высоко на лоб. Добавьте ко всему величественную посадку большой головы, аристократическую форму носа с горбинкой, тонкие надменные губы, и вот вам портрет императора Франции или римского правителя Тита.

Наконец, брови оказывались там, где им и положено, голова получала приказ – “вольно” и также принимала естественное положение относительно туловища.

Променад адвоката тоже был подчинен некоему шаблону.

Во-первых – женщины! Какой истинный южный мачо, да к тому же при полном параде, пройдет мимо одиноко прогуливающейся, вдоль берега моря, женщины? Да ни за что! Вот и наш адвокат не был исключением. Подходил он, насколько я помню, ко всем или почти ко всем, женщинам подряд, манерно представлялся, причем в фамилии своей переносил ударение, вследствие чего она приобретала французское звучание, долго и эмоционально, судя по жестикуляции, что-то говорил, потом вдруг смотрел на часы, театрально вскидывал руки и произносил свою коронную фразу:

- Мне срочно необходимо быть в суде, вы можете найти меня там, на процессе! (Слово процесс так же произносилось на иностранный лад, с ударением на первом слоге).

Не знаю, пробовали ли женщины искать его в суде. Это была заведомо провальная идея, ибо клиентов и, собственно, дел в судах у нашего адвоката не было.

Во-вторых, наш герой, освоившись в городе, скоро стал за-правским “чангалистом”.

Чтобы разобраться в этом сугубо местном явлении, надо представить быт маленького южного города, где все друг друга знают, гостеприимство и хлебосольство возведено в культ, а режим дня у большинства, в том числе и работающих граждан мужского пола, установлен. Посему, одинокий посетитель ресторана тут же попадает в теплые объятия друзей, соседей или просто знакомых (а иногда и совсем незнакомых) людей. И, вот вам, обеспечено халявное застолье, причем в любое время дня. Эта участь не миновала все взрослое население города, а отдельные граждане стали постоянными служителями культа, за что и получали “почетное звание”. Я не знаю, можно ли перевести это слово, либо оно позаимствовано из сленга. Но, во всяком случае, не помню, чтобы кто-либо из прозванных чангалистами, всерьез возмущался или высказал обиду. Особым шиком у чангалистов считалось, постоять после застолья у ресторана и смачно посыпать зубами.

В конце концов, за довольно короткое время, наш герой полностью вписался в бесшабашный Сухумский быт, и был принят за своего. (“Очень шкодный штрик, но наш”). Он стал таким же привычным элементом городского облика, как скажем, Ботанический сад или обезьяний питомник.

Сердобольные горожане даже переживали за адвоката, ибо дел ему пока никто не поручал, несмотря на определенные ораторские способности и наличие бело-голубого институтского ромбика в петлице. На “Брехаловке” был создан даже тотализатор, где прогнозировали, естественно, со всяческими комментариями, будущую карьеру юриста и возможное количество выигранных им дел, причем ставки принимали натурой, то есть чашками кофе.

Надеюсь, в голове у читателя сложился некий умозрительный образ нашего героя и, в целом, стал понятен алгоритм жизнеу-

стройства сухумчан той поры. Если да, то это здорово упростит ситуацию, ибо сейчас следует сосредоточиться, и представить себе, реально имевшую место, трагикомическую сцену.

В один прекрасный день по набережной пронесся болид. Не авто “Формулы один”, а частица некоей космической материи, имевшей соответствующую скорость и неясные очертания, в которых преобладал серо-голубой цвет адвокатского костюма, а в верхней части аморфной массы угадывались лохмы его буйной шевелюры.

Завсегдатаи “Брехаловки,” откуда просматривалась часть набережной, при виде странного космического тела потеряли дар речи, что было явлением исключительным, ибо только здесь собирались вместе самые острые на язык граждане, не оставлявшие без моментальных комментариев ничего из услышанного или увиденного ими.

Нависшую над кофейней непривычную тишину нарушил грузный человек, который бежал по набережной, в том же направлении, борясь с астматическим хрипом, и размахивая непонятным предметом, обернутым газетой. Рядом с цветочными часами силы, видимо, его оставили, он остановился, огляделся вокруг, а затем, нетвердым шагом направился к брехаловской компании.

Этого весельчака и балагура знал весь город, но сейчас его, обычно добреое лицо, было искажено гримасой, в которой можно было разглядеть, и ненависть, и злобу, и желание мести. Был он слегка нетрезв, что, как правило, обеспечивает человеку полную свободу общения, в том числе, и по части ненормативной лексики.

Первое, что он спросил, не видел ли кто, куда побежал мудак - адвокат? И не дожидаясь ответа, стал взволновано рассказывать историю, как две капли воды похожую на ту, которая несколько десятилетий назад удостоилась чести быть описанной самой Тэффи!

Выяснилось, что брат рассказчика был арестован за драку, и в соответствии со статьей УК, ему грозил срок до трех лет. Условные сроки, «за просто так», были у судейских не в почете, так на-

зывающей “химии” тогда просто не существовало, так что с судом надо было договариваться.

- И вот, е...ена мать, сосед приводит мне этого самого адвоката.

И этот ...идор мокро...опый, толкает мне, мол ...уйня все это, пацана мы отмажем, и к бабке ходить не надо, и понадобится всего-то пару штук денег для судьи, ну, и полштуки, мол, для меня, за мои, мол, труды скорбные. Ну, и я говорю, мол, и для моей семьи две с половиной штуки бабок - ...уйня чистая. Вот тебе, говорю, бабки, судьей там назначен такой-то, иди, вот, и договаривайся.

И два дня ханурика этого не вижу. А на третий день сидим мы, значит, с кентами в ресторане “Мерхеули”, смотрю, адвокат нарисовался на такси с марой залетной. Чувиха примонтаженная вся, в руках букет роз, а наш фуцан ...издопротивный вокруг нее все вьется, руки ей мызгает, грудь колесом, ну, и тому подобное.

Увидел меня и подмигивает, кидняки дает, все, мол, ничтяк, не бздите, ребята, и волокет маару свою в отдельную беседку. И три официанта вокруг этой беседки, и то шампанское туда, то козленка, то форель.

Вобщем, гуляет наш кореш от рубля и выше. Чуть позже сталкиваемся, значит, у сортира, и он говорит, что дело он изучил, дело простое, и не ...уй судье бабки дрюкать, а пацана, мол, он сам вытащит, как два пальца обо...ать. Законы, мол, знать надо, и знать, как в суде себя вести, и что говорить. Успокоил, ...лядь, меня, я и радуюсь.

Ждем, значит, суда.

И вот наступил назначенный день. Заседание суда проходит по установленному порядку. Сначала судебное расследование, опрос свидетелей, затем - речь гособвинителя.

Прокурор скучающим голосом озвучивает заготовленные фразы, виновен подсудимый, это доказано в суде, и заслужил он, пожалуй, пару годков колонии. Мать подсудимого рыдает, народных заседателей одолевает зевота.

Слово предоставляют адвокату. И адвокат заговорил!

С нарзаседателей сонливость сошла в момент, публика стихла и превратилась в одно большое ухо, прокурор весь напрягся, даже наклонил верхнюю часть тела ближе к выступающему , чем стал

напоминать человека, подслушивающего у замочной скважины.

Адвокат говорил долго, его эмоциональная речь изобиловала мудреными терминами на латыни, конкретными примерами из истории юстиции, темп ее постоянно убыстрялся, держа публику и членов суда в напряжении. Один из заседателей незаметно смахивал слезы, прокурор даже пытался, несколько раз поаплодировать своему оппоненту, а у сердобольных, постоянных, посетительниц всех судебных заседаний, в моменты наивысшего напряжения, дружно вырывался возглас: “Вай! ”

К сожалению, текста речи не сохранилось, потому что секретарь суда, так же, как и все, была очарована ораторским мастерством адвоката и протокола не вела. Так что сказанное им в тот день, в зале Сухумского городского суда, дошло до потомков, как и речь товарища Ленина, с броневика, у Финляндского вокзала Петрограда, в виде призыва, квинтэссенции, так сказать.

И если Владимир Ильич призывал к социалистической революции, то наш друг решительно осудил империализм, реваншизм и огласил лозунг о непременной победе социалистического, советского строя над преступностью, что обеспечивало нам неминуемую и скорую дорогу прямо к коммунизму!

Зал, можно сказать, рыдал! Потрясенный судья без совещательного перерыва, тут же ПЕРЕКВАЛИФИЦИРОВАЛ СТАТЬЮ НА ЧАСТЬ ВТОРУЮ, БОЛЕЕ СУРОВЮ, И ПРИГОВОРИЛ ПРЕСТУПНИКА К СЕМИ ГОДАМ ЗАКЛЮЧЕНИЯ В КОЛОННИИ СТРОГОГО РЕЖИМА!!!

- Вот вам и весь ...уй до копейки,- икая, продолжал свой скорбный монолог старший брат. – Так, где же этот трекало ...баный? - снова и снова вопрошал он, машинально разворачивая сверток, в котором обнаружился хорошо заточенный топор.

Но вопросы эти, увы, зависали в воздухе над непривычно безмолвной “Брехаловкой”. Никто не знал, даже здесь, законов природы, по которым космические объекты, например, болиды, появлялись на грешной земле и исчезали в определенный срок.

Адвоката в Сухуми больше НИКТО и НИКОГДА не видел.

Five o'clock tea, sir!

В начале поговорим, немного, о мужском достоинстве. Не в смысле нравственно-философском - ум, честь, совесть и так далее, а в приземленном, в физиологическом или, скорее, анатомическом. Но тогда будет правильнее вести речь уже о мужских достоинствах.

История, как известно, не относится к категории наук точных и посему можно смело утверждать, что многое из нашего прошлого, увы, не ведомо нам. Когда и где формировалась та или иная цивилизация, и какими были реальные маршруты миграции народов, культур и верований никто не в состоянии с уверенностью утверждать. Только косвенные свидетельства, только предположения и догадки.

Сегодня известно совсем немного о фаллосопоклонниках. Так, осталось небольшое количество дошедших до наших дней каменных символов этого самого поклонения, ну, и буквально несколько человек, признающих данный тотем, как свой. Ничто - в сравнении с растущим населением планеты.

Однако, у многих южан, то есть у мужской части населения Земли, проживающей на территориях с теплым климатом, наблюдается, прямо-таки особый интерес к детородному органу, как к чуть ли не главному символу того самого мужского достоинства.

Если анализировать это явление даже поверхностно, на непрофессиональном, бытовом уровне, невозможно не разглядеть целую философию, основанную на почитании, не тотем даже, а вполне реальной части человеческого тела.

Достаточно вспомнить некоторые книги и фильмы из жизни разных там бразильцев, итальянцев - сицилийцев, чтобы убедиться воочию, как обсуждаемая нами тема органично перетекает из одного произведения в другое, подтверждая правоту наших наблюдений. Но, попробуйте только заявить любому южанину, что предки его, да и сам он – фаллосопоклонники! Думаю, можно нажить неприятности уже на другую часть человеческого тела.

Все сказанное выше, в полной мере относилось и к моим землякам. И поскольку бытие жителей маленького южного города, никогда не являлось тайной для соседей, друзей и знакомых, а,

следовательно, для ВСЕХ горожан, то в памяти, пожалуй, каждого сухумчанина найдутся забавные истории на интересующую нас тему.

Я, например, хорошо помню, как репутация молодых людей, их формирующийся авторитет среди сверстников, напрямую связывался с размерами интимного “прибора” того или иного юноши. И, вообще, мужчины негласно делились на три категории; нормальные мужики, у которых все в пределах нормы и к которым претензий нет, мужики выдающиеся, обладатели большого или очень большого члена.

Причем, общественности, как правило, были известны конкретные данные, то есть точные размеры в сантиметрах. Эти люди были известны всему городу, их окружали почетом, о них слагали легенды.

И, наконец, третья категория. Я думаю, всем понятно, кто к ней относился. Могу лишь сказать, что это были несчастные люди, ибо им, в юности, пришлось вытерпеть огромное количество обидных намеков и прямых издевательств от острых на язык сверстников.

Поэтому, сегодня, с высоты прожитых лет, уже не кажется особо экзотичным, что мальчишки всерьез обсуждали и применяли различные методики, якобы способствовавшие увеличению члена. Вроде вымачивания в горячем молоке или подвешивания на член с помощью хитроумных устройств гирек от торговых весов.

Конечно, для современных людей, привычны слова “пирсинг” и “тату”, но мало кто знает, что в описываемое мною время, некоторые индивидуумы умудрялись сами в “кустарных”, антисанитарных условиях украшать своих “любимцев” татуировкой с мухами, бабочками, кинжалами или надписями типа: “Нахал”, “Хам” и так далее.

Кстати, именно тогда родился анекдот, в котором два, слегка подпитых, посетителя бани, узрев у третьего, на огрызке детородного органа, пострадавшего, видимо, в результате аварии или боевых действий, сохранившуюся букву “Я”, стали спорить, что же там было изначально написано. Один утверждал что “Марья”, другому больше нравилось имя Дарья. А оказалось: “Привет де-

вушкам Одессы от моряков Черноморья!"

И кажется уже полной фантастикой история, когда юноша, аккуратно уложив член на заранее обструганную доску, пробивает оттянутую крайнюю плоть обычным гвоздем, смоченным в йоде. А потом вставляет, в образовавшееся отверстие, шелковую нить. В последствии, нить можно было заменить золотым или серебряным колечком, на которое, в свою очередь, особо озабоченные джигиты, наматывали рядком резинки от трусов и на каждом витке завязывался узелок.

Далее, кончики резинок повыше каждого узелка, аккуратно обрезались. Получалась шеренга упругих усиков. И, в конце концов, на вопрос: "Для чего такая мука?", - гордый обладатель сей устрашающей конструкции важно отвечал: "Женщины от удовольствия визжат и на стены лезут. Я у них нарасхват!" Ирония ситуации заключалась в том, что женщины, как раз, в нашем городе, были в огромном дефиците.

Видимо, в противовес южному мужскому казановству в теплых краях действуют очень жесткие нормы морали, практически исключающие для женщин внебрачные, а особенно, добрачные связи. Вспомните Сицилию, либо подобные, скажем, аргентинские страсти, известные нам по фильмам. Наших мужчин, правда, очень выручал трехмесячный летний курортный сезон.

Случай, о котором я поведу речь сегодня, вписывается, как раз, в эту самую, специфическую, тему. Летом, во время школьных каникул подростки, то есть мы, как правило, каждый день проводили на пляже. Собирались привычной компанией на пирсе, дожидались катера и плыли на, так называемый, городской медицинский пляж.

До сих пор не знаю, почему «медицинский», но это был самый комфортабельный пляж, оборудованный тентами, душевыми кабинками и питьевыми колонками. На пляже работали несколько буфетов, лежаки были бесплатными и в огромном количестве. Но самое главное - это великолепный мелкий песок золотистого цвета и чистейшая морская вода.

Пляж пользовался успехом у горожан, и, конечно же, в курорт-

ный сезон, у большого количества отдыхающих, приехавших со всех концов, как говорилось, необъятной страны. Но в отличии от сочинских пляжей, на нашем, медицинском, никогда не ощущалось столпотворение, потому что занимал он огромную территорию.

И в тот памятный день мы оправились на пляж на катере.

На пляже - ничего необычного – раздевалка, переодевание в плавки, обустройство некоего жизненного пространства из деревянных лежаков под большим тентом. Ну, и обычные пляжные развлечения – купание, попытки познакомится с девушками, игра в “Подкидного” на шелбаны и так далее.

Сегодня, мои ровесники, пробежав беглым взглядом эти строчки, наверное, улыбнутся, вспомнив все, что связано у людей нашего поколения с простым словом “плавки”.

Не знаю, как умудрялись решать проблемы с купальниками наши уважаемые дамы, но ведь умудрялись, потому что выглядели, в большинстве своем, привлекательными и даже элегантными.

У мужчин же здесь, в провинции, перспектива была безрадостной, ибо строилась по безальтернативному принципу. Во всех магазинах и ларьках, торгующих курортными или спортивными товарами, предлагались плавки только ОДНОГО фасона.

Сшиты они были из черного сатина в виде двух узких треугольников, один сзади, другой спереди и соединенных между собой. С каждой стороны обоих треугольников были завязки по типу обувных шнурков. Они и обеспечивали фиксацию верхней части плавок на талии.

Если возвратится к изначальной теме нашего исследования, то станет понятно, что такие, с позволения сказать, ничего не скрывающие купальные принадлежности, могли подойти мужчинам только двух, описываемых ранее категорий. Остальные вынуждены были посещать пляж в обычных для того времени длинных “семейных” трусах.

Итак, сидим мы, накупавшись вволю, под тентом, с картами в руках, втроем или вчетвером, а один из наших друзей, решивший позагорать, вышел из тени на открытое солнце. Тент был установ-

лен на возвышении, и сверху было хорошо видно, как наш друг улегся спиной на лежак и прикрыл лицо полотенцем.

Многие поступали так, чтобы кожа на лице не шелушилась от избытка ультрафиолета, и ничего необычного в этом не было.

Через некоторое время мы обратили внимание на непонятное, но странное оживление, происходящее вокруг лежака нашего друга.

Там медленно прогуливались представительницы прекрасного пола, лукаво и восхищенно поглядывая на нашего загорающего друга. Дамы перешептывались, смущенно хихикали, жестами подзывали подруг. С каждой минутой женщин становилось все больше и больше. Ничего не понимая, мы оставили карты и спустились вниз. Пробившись сквозь толпу женщин, мы обнаружили нашего друга, мирно загорающим в той же позе и с тем же полотенцем на лице.

И все бы ничего, если не считать одной детали, повергшей нас в шок. В плавках нашего скромного товарища, страдальца, яркого представителя той самой, гонимой, категории мужчин, сейчас, не просто вырисовывалось, а активно рвалось наружу, нечто гигантское, невообразимое по размерам форма чудовище, с трудом удерживаемое шнурками плавок.

Видимо, тот древний языческий идол, к которому, в отчаянии, возможно, взывал наш друг, пожалел - таки его и щедро вознаградил!

Так вот что послужило причиной такого эмоционального всплеска у пляжных дам!

И пока мы, молча, с отвисшими челюстями, стояли в кругу пляжной публики, не зная, как себя вести, на ближайшем столбе проснулся древний репродуктор местной радиостанции, надсадно прокашлялся и сиплым металлическим голосом произнес: "Местное время семнадцать часов."

Наш друг пошевелился, убрал полотенце с лица, лукаво оглядев собравшихся и радостно сообщил молчаливой толпе:

- Пять часов, англичане обычно в это время пьют чай.

Не мешало бы перекусить. У кого-нибудь найдется кусок хлеба?
И не дожидаясь ответа, ловким движением выудил из плавок
огромный кусок “Краковской” колбасы!

P.S. Написав этот рассказ, я показал его своему давнему другу, сухумчанину. Он долго смеялся, в глазах стояли слезы, то ли от смеха, то ли от ностальгии по шубутной и веселой юности нашей.

- Ты знаешь, кому-то все, что ты описал, покажется выдумкой, причем, достаточно пошлой, но, я ведь прекрасно помню время, которое ты описываешь и готов подписатьсь под любым словом,- произнес мой земляк.

- Дело в том, что я относился как раз к той самой категории страдальцев, стесняющихся показаться на пляже в плавках. И я опробовал на себе, такое количество, самых экзотических рецептов по увеличению размера, что все могло закончиться трагически, потому что у меня, выражаясь современным языком, стала ехать крыша.

Знаешь, мне, вдруг, стал сниться один и тот же сон. Во сне я отрастил свой прибор, более того, научился управлять его размером без всяких ограничений. И, вот, представь себе, сижу я у открытого окна, ну, во сне, конечно. А в доме напротив, какая-то обнаженная дама, демонстрирует свои прелести и откровенными знаками предлагает мне перебраться к ней.

Выходить на улицу лень, и я решаю отправить к ней своего управляемого дружка.

Даю команду, он вываливается, как пожарный шланг на улицу, перебирается, через трамвайные пути, на другую сторону, поднимается, по отвесной стене, к окну шалуны, ну, еще немного, несколько сантиметров...

И в этот самый момент, из-за угла, скрежеща металлом, отчаянно трезвоня и искря, на большой скорости выскакивает трамвай!!!

Если ты помнишь, первая седая прядь появилась, у меня в юности, именно в то самое время. Так что, когда о человеке говорят, что у него было тяжелое детство, так это про меня. Одного

не могу понять, откуда в моем сне взялся трамвай, ведь я никогда
вживую в детстве трамваев не видел!

Сегодня мой друг - грузный, пожилой, но очень веселый челове-
ек, известный врач, у него любящая жена, с которой он счастли-
во прожил более сорока лет, и которая родила ему трех сыновей
и дочь!

По рельсам,

по железной дороге...

В купе вагона номер девять фирменного поезда “Рица” уютно расположился импозантный господин средних лет. К моменту моего прихода он успел переодеться в спортивный костюм и читал газету, сидя на одной из нижних полок.

Выступающий аккуратно животик, залысины, очки в черепаховой оправе создавали впечатление, что передо мной преуспевающий адвокат или врач или, наконец, преподаватель университета.

Оторвав взгляд от газеты, он взглянул снизу вверх на меня и улыбнулся. Золотой зуб во рту отразил свет купейного бра и несколько подпортил первое мое впечатление о попутчике.

Я улыбнулся в ответ и представился.

- Простите, молодой человек, а вы, слушаем не сын...?

- Сын, - подтвердил я.

- Значит вы брат...?

Я снова утвердительно кивнул.

И в этот момент мягко откатилась в сторону дверь, чьи-то руки втолкнули в купе огромный чемодан темно-красной кожи, вслед которому в оставшееся крохотное пространство моментально втиснулся долговязый человек в модном костюме песочного цвета с университетским ромбиком в петлице и в мягкой фетровой шляпе. Увидев сидящего пассажира, расплылся в улыбке, так же продемонстрировав публике золотой зуб, и восторженно произнес.

- Аксентич, как я рад тебя видеть, жаль, что поезд только до Москвы, в такой компании хоть до Владивостока ехать! Юноша с тобой?

Выяснилось, что юноша сам по себе, но компанию не портит, потому как хорошо воспитан, и к тому же, он младший брат близкого знакомого обоих мужчин.

Пока обустраивались в купе, поезд тронулся и стал набирать скорость.

Через некоторое время троица расположилась у столика и каждый стал выкладывать свои дорожные припасы, которые оказались не скучными.

Сыр, масло, черная икра, разделанный молочный поросенок,

лаваш, завернутый в толстую ткань, и поэтому сохранивший тепло, хачапури, фасоль с орехами, фрукты и т.д. и т.п.

Набор напитков мог дать фору любому ресторану города - выдержаные коньяки, "Киндзмараули", тбилисский лимонад в оригинальных бутылках и конечно, "Боржоми".

Словом, трапеза была организована на славу! Да и попутчики оказались славными людьми - доброжелательными, вежливыми, образованными, начитанными, с великолепным чувством юмора.

Вобщем, застолье протекало весьма и весьма приятно; один искрометный и оригинальный тост сменялся другим, анекдоты были остроумными и веселыми, время летело незаметно под расслабляющий перестук колес.

Я все еще не знал ничего, кроме имен, о своих новых знакомых, кто они по профессии, где работают, где живут, наконец. Единственное, в чем я был почти уверен, так это в том, что раньше, давно, уже их видел, только не помнил, где, когда?

И только одна фраза, неожиданно произнесенная раскрасневшимся хозяином черепаховых очков, как лазерный луч вскрыл, распечатала замурованный закоулок моей подкорки, хранивший недоступную ранее информацию.

"ВЕК СВОБОДЫ НЕ ИМЕТЬ".

И я вспомнил! Вспомнил увиденную в детстве фотографию, на которой была запечатлена группа людей в шелковых пижамах и почему-то в кепках "аэродром". Они улыбались, и у каждого во рту сияли металлическим блеском золотые коронки. На переднем плане был виден стол, уставленный едой и различными бутылками. А на заднем плане виднелась стена, с висевшими на ней гитарой и аккордеоном.

Фотография эта в ореховой рамке стояла на комоде в доме моего одноклассника.

Отец друга тоже был в числе этой странной компании на снимке.

Он сам являлся личностью неординарной, можно сказать, уникальной. Почти всю сознательную жизнь Зураб (так его звали)

провел в тюрьмах, лагерях и на этапах. Сажали его всегда по одной и той же статье и практически за одни и те же деяния.

Первый свой срок он получил еще в молодости, - возвращаясь ночью домой подвыпившим, столкнулся с необходимостью опорожнить мочевой пузырь. Ему бы пристроится у любого дерева, так нет, неудобно же, стыдно, а если кто увидит? Ну, и отворил он калитку ближайшего дома, вошел в палисадник и там облегчился.

И все бы ничего, но дело было летом, и в палисаднике спал хозяин дома, который попал прямо под струю.

Мужчина проснулся и, представьте на минутку, что он сказал обидчику и каким высоким слогом.

Я думаю, со многими одушевленными и неодушевленными предметами хозяин дома пожелал вступить в этот момент в интимные отношения!

Зураб, молча, выслушал, вышел на улицу, а через минуту вернулся, держа в руках металлический контейнер от мусорной урны и так же, молча, водрузил его на голову хозяина, несколько раз перед этим попробовав на прочность и урну и голову одновременно.

Но и это полбеды, если бы хозяин дома не оказался милиецким офицером, кинологом. Продолжать?

Итак, это был первый срок. После освобождения бедолага неделю сидел дома, наслаждаясь свободой и общением с родственниками.

На восьмой день, выпив бутылку коньяка, Зураб отправился по знакомому адресу в дом с палисадником, прихватив по дороге такую же деталь от мусорной урны, как и в прошлый раз, дождался хозяина дома и...

Этот срок был вторым. Как “образовалась” третья “ходка” можно не рассказывать, потому что ситуация повторилась один в один, и так же на восьмой день после освобождения.

Разница была лишь в том, что на процессе судья достаточно мягко пожурил Зураба, заявив, что тот ведет себя как мальчишка и возвзвал к совести подсудимого. В ответ услышал, что он мудак,

что воспитывать ему стоит собственного сына, такого же мудака, как и папаша, так что лучше судье заткнуться, дабы не получить, в следующий раз урной уже по своей тупой башке!

В результате этой дружеской дискуссии, отец моего друга получил “по полной”, что вполне естественно.

Впервые я увидел ту самую фотографию в тот редкий и счастливый период, когда “блудный” папаша находился дома, то есть в первые семь дней после очередной отсидки.

На вопрос где это снято и что за люди на фото, Зураб ответил, что снимок сделан у Хозяина, ну на зоне, в лагере.

Я удивился, скорее, все это напоминало санаторий - роскошные пижамы, дорогая выпивка ну, и так далее.

- Ну, конечно, – сказал Зураб, это же шпанюки. Не понял? Ну, авторитетные люди, короче, воры в законе.

Я не очень понял и машинально спросил, почему же Зураб с ними, он же не вор?

- Конечно, не вор, я баклан, но сижу мужиком, ко мне относятся с уважением и частенько воры приглашают меня к себе подхарчиться, они в лагере на особом положении, так что насчет санатория ты почти угадал.

Так вот почему лица моих попутчиков показались мне знакомыми, только на фотографии они были еще молоды, но с тех пор пролетели годы, изменившие их, да и меня тоже.

А поезд тем временем продолжал свое движение во времени и пространстве, хотя трое мужчин в купе вагона номер девять уже давно этого не замечали.

Гости и анекдоты плавно перетекли в воспоминания, и трудно сказать сейчас, кто именно и что рассказал, но некоторые удивительные истории врезались мне в память, думаю, навсегда!

- Итак, привели как-то вечером к нам в камеру в Драндской тюрьме нового зека. Простой деревенский парень, из местных, каждый день ходил мимо Дранд-отеля, как называли заведение тамошние острословы, не имея понятия, что и как там внутри. И уж,

наверняка, не думая, что когда-либо сам окажется за решеткой.

Но, как говорится, никто от сумы, да от тюрьмы не застрахован, вот и наш герой неожиданно для всех схлопотал срок.

Заглянул однажды на огонек местный почтальон и сообщил, между делом, на пятом стакане вина, что, мол, в военкомат зайти просили хозяина дома, зачем-то. А поскольку после пятого были еще и шестой и последующие стаканы, сия реплика была тут же благополучно забыта.

Вспомнили о ней лишь, когда прибыл местный участковый на мотоцикле с солдатиком из комендатуры, усадил нашего героя в коляску и, окатив округу вонючим дымом, страшно тарахтя, повез в город, в комиссариат. Ввели парня в кабинет и сам военком ласково спросил:

- Что же ты, сынок, на призыв не являешься ... б твою мать?

Зря он это сказал, я имею в виду последнюю часть фразы.

Призывник, сын крестьянина, был воспитан по законам гор, и такое оскорблениe стерпеть не мог, даже от Республиканского военкома.

Реакция была мгновенной - наш герой, недолго думая, выплеснул на военкома грязную воду из ведра, оставленного уборщицей.

Дело для следователя было плевым, ясным, обидчика моментально доставили в суд, где он тут же получил год тюрьмы. Почему так сурово, всего-то за воду?

Но вода ведь была в ведре, которое наш герой затем водрузил на голову самому Республиканскому Военному Комиссару!

И получилось, как в анекдоте - жил человек недалеко от тюрьмы, а сейчас живет недалеко от своего дома.

Так вот, заскрипела железная дверь, и вертухай, слегка подтолкнув в спину приведенного им заключенного, произнес сонным голосом

- Принимайте новенького.

Затем дверь, так же скрипя, затворилась, и тридцать две пары глаз внимательно уставились на слегка сутулую, плохо различимую в свете тусклой электролампочки, загаженной мухами, муж-

скую фигуру, продолжающую стоять в проеме.

Ведь каждый новый человек, несмотря на частую “ротацию кадров” привносит в сложную, насыщенную, но однообразную повседневную жизнь обитателей камеры нечто новое. Например, свежую информацию с воли, возможно, курево или “хамановку”, но самое главное - каждый новичок является потенциальным объектом розыгрышей и приколов.

Нужно только точно угадать психологический статус человека, уровень его интеллекта и соответственно этому задать камерному сообществу тему для импровизации. К счастью, спецов по этой части в камере было предостаточно.

- Ну, что, братишка, стоишь как неродной, расскажи, будь добр, кто ты, с чем к достопочтимому обществу пожаловал, с какой статьей пришел, а общество решит, в каком месте тебя определить на шконку.

Новичок откашлялся и упавшим голосом, как мог, поведал обществу печальную свою историю.

Общество долго смеялось, потом посыпались уточняющие вопросы - вода, мол, какой температуры была, а сколько могло весить ведро, а когда ведро сняли с потерпевшего, какого цвета у того были уши, ну, и так далее и тому подобное. Естественно, и вопросы, а особенно, ответы живо комментировались камерными остряками, под аккомпанемент возгласов типа:

- Ни ..uya себе, да ти что, вай мэ, век свободы не иметь, вот фраер посмешил, в рот эму компот!

Наконец камера утихла, авторитеты признали статью бакланской, но достойной, в соответствии с чем носителю ее определили место, вдалеке от параши.

Человек присел и тихонько спросил у соседа, как в тюрьме с питанием, сколько раз в день кормят и чем, и есть ли возможность получить какую-нибудь еду сегодня?

Этот простой, вроде бы, вопрос и стал доминантой событий, произошедших позднее.

- Ужин закончился, - сказали новичку - но, возможно повезет и удастся уговорить лентяя дежурного сходить на кухню, тем бо-

лее, сегодня пятница, а по пятницам, вечером, на ужин дают мамалыгу и фасоль.

- Как?! – у новичка широко раскрылись глаза, - в турма дают гоми и лебио, ниужели правда?

(Вообще-то речь шла о привычной деревенской еде, простой и вкусной, но чтобы такое в тюрьме?!)

- Ну, конечно, правда, - объясняют доброжелательные сокамерники,- дело в том, что в Драндской тюрьме до революции сидел Ленин. Ты знаешь кто такой Ленин?

Так вот, Ленину очень понравилась еда, которую вождю с воли передали местные крестьяне, и когда он стал главным начальником в СССР, то издал приказ, чтобы заключенным в Дранде каждую пятницу готовили и давали мамалыгу и фасоль (абыста и акуд - по-абхазски, гоми да лебио - по мегрельски). Причем откazyвать заключенным никто не имеет право, так что с вертухаем, то есть с дежурным надзирателем, можно говорить на эту тему жестко и даже грубо, если он будет валять дурака. Так что, земеля, действуй!

“Земеля”, обрадованный перспективой вкусно поесть, тут же заколотил в железную дверь. За дверью длительное время царила тишина, наконец, когда стуки превратились в грохот, в коридоре послышался шум, чьи-то шаги, затем заскрипели ржавые, несмазанные петли, распахнулось окошечко “кормушки” и показалось заспанное лицо вертухая.

- Тебя что надо? - зевая, произнес дежурный.

- Кушац хачу, уважаемий, не паленис, схади эта кухниа.

- Какой тебя ночью кухниа, ты савсем самашесный, завтра утром будэт, сегодня спи или папраси эда люди на камере.

- Падажди, слуши, пака ни все, сегодня же обишка, пятница, сегодня Ленин сказал - Гоми да лебио всем дават!

- Да ти не проста самашесный, ты савсем дурной, эта Ленин умер давно, умер, он на Мавзолея в Москве лежит, что он тебя может сказать, гвалио дурак ре ти кочь, – в сердцах произнес вер-

тухай переходя с ломанного русского на мегрельский.

Растерянный узник смолк, оглянулся на сокамерников, те же отчаянно жестикулируя, требовали давить на надзирателя.

И наш герой осмелел, повысил голос и тоже, перейдя на мегрельский, гневно бросил в лицо лентяю:

- Ленин кмицу -гоми комчтия, тквани дидапходи ма” (Ленин сказал -мамалыгу дайте, ..б вашу мать)!

Стало непривычно тихо, затем из коридора послышалось:

- Ти оказывается савсем ни дурак, всио про Ленина знаешь и, правда, наверно, галодний, придется тебе дат эта мамалика, но мой мама причем, причем?

Ладна, вихади, кухния паидем.

И пока надзиратель возился с замком, новичок обернулся к сокамерникам с торжествующим выражением лица, знай, мол, наших.

В сторону счастливца вытянулись руки зеков с поднятыми вверх большими пальцами в знак уважения и восхищения.

Вертухай обнял узника за плечи и увел из камеры. В коридоре снова воцарилась тишина.

В камере же, наоборот, живо обсуждались и комментировались последние события. Самое поразительное, что все разговоры велись в русле “в точности наоборот”, как будто все происходило именно так, как выглядело со стороны. И не было того иезуитского розыгрыша, в который так хитро втянули бедолагу – новичка.

И теперь, вроде все завидуют новичку, который, наверное, в данный момент с удовольствием поглощает тот самый гоми с лебио и, возможно, запивает его вином или чачей из тайных запасов надзирателя, ведь тот в принципе добрый человек, сам из селян, ну и так далее...

Новичка вернули в камеру достаточно быстро, держащимся одной рукой за ягодицу. Выражение его лица было странным, обиженно-заговорщицким. Камерное сообщество ожидало упреки в свой адрес за жестокую шутку, но наш герой, дождался пока стих звук шагов в коридоре, и объявил сгрудившимся вокруг со-

камерникам, под большим секретом, тайну, неожиданно, ставшую ему доступной:

- Эта самий надзирател, есть враг Советская власти. Он мениа на кухния не повел, никакой гоми не дал, патащил свой комнаты, бил на жопа ремном и говорил - ти мой мама ...бал, а я твой Ленин!!! Не дам тебя мамалика!

Я ничего, я и галодни патерплю, но насчет Ленин сообщу КА-КЭ-БЕ, как tolko смагу! А пака буду сидет тихо, чтобы никто не узнал.

Сейчас, говорят, порядки в тюрьмах другие, но в те благодатные времена, в тот самый пятничный вечер, нашлась для “пострадавшего”, безо всякого Ленина, в камере, и холодная мамалыга и сыр, и зелень и даже домашняя чача. Лобио, правда, не было, но это уже детали.

- Я тоже припоминаю забавный случай с новичком. Было это в лагере, в Сидах. Привезли к нам фраерка городского. Молодой, гад, был но с таким гонором!

На всех смотрел свысока, ерепенился, грубил, был, короче, без понятий. Все грозил, мол, папа у него крутой, цеховик известный, при больших бабках, любые, мол, вопросы решает. Спрашивается, если папаша любые вопросы решает, то почему чадо ейное на зоне?

Да и сел мудак – сынок, обхочечся!

- Только, только появились в продаже мотороллеры чехские, если помните.

Так вот, купил папаша богатенький своему сыну-переростку такой, значит, аппарат, красивый очень, белого цвета.

А всего в городе на тот момент их только две штуки и было, этот белый и еще один - красный.

Ну, и катает наш фраер друзей своих по городу, а город – то что, полторы улицы да обчелся. Вот и повадился он по шоссе за город, с ветерком.

И как-то раз попадают они с другом в ближайшее село. Дорога его как раз пополам делит, а по асфальту, поскольку это село, бе-

гает, значит, всякая живность.

Вот и говорит один умник другому - давай, говорит, поросенка с...издим, кто нас догонит. Ну, и тот, другой отвечает, - а чево, давай, мол, и ходу отсюда.

Тормознули на секунду, тот, кто сзади сидел схватил порося в охапку, гони, - кричит,- шустрее. И по – быстрому свалили они из села.

Но село ведь не пустыня какая, засекли селяне факт умыкания, и позвонили из дирекции совхоза куда следует, а оттуда приехали в село кто следует! Выслушали, значит, свидетелей и установили - описания злоумышленников нет, но увезли порося они на мотоцикле.

- Нет, - говорят селяне, – оно на мотоцикле похожий, но не мотоцикал!

- А что, - злятся оперативники, - велосипед, что ли с мотором?

- Нет, - снова упорствуют потерпевшие, - мотоцикал, но не мотоцикал!

Попробовали описать - ничего не получается.

Вдруг, одного оперативника осенило – может, мотороллер?

- Да, да, – дружно закивали головами селяне, - матаролка, матаролка, ми такой на иностранный кино видели, на клубе, римский каникула называется!

- А цвет запомнили?

- Белый цвет, белый!

А поскольку белый мотороллер, как мы знаем, в городе был только у...

Дальше, по- моему, все ясно, кроме одного, почему сидевшего сзади от суда отмазали, а нашего героя – нет?

Так или иначе, оказался он, как я уже говорил, в лагере в Сидах со своим гонором и спесью. А людей невоспитанных и грубых на зоне, мягко говоря, не очень любят, вот и решили спесивца наказать.

Дали немного времени, чтоб соорентироваться и понять, “who is who” на зоне, кого следует уважать, а кого бояться, к кому от-

носятся нормально, по-доброму, а кто презираемые изгои.

И как то вечером приглашают новичка на беседу к очень серьезным людям, в уединенное, тихое местечко и спрашивают, а известно ли ему, кто в лагере самая низшая каста, отбросы бесправные?

- Да, - отвечает новичок, - известно, это петухи, опущенные, то есть.

- Вот и хорошо, - говорят ему, - что знаешь.

Но знаешь ли ты, что пришедшие с воли новенькие, по первой ходке, по которым есть сомнения разные, как, к примеру, по тебе, проходят проверку.

Проверка совсем несложная, но в твоем случае обязательная.

“Буль-буль” называется. Среди нас, кстати, находятся эксперты по этой теме, так что тянуть не следует. Ты, правда, можешь отказаться, но отказ, по правилам, автоматически подтверждает подозрение.

Новичку стало не по себе, он машинально оглядывался по сторонам, подсознательно надеясь углядеть на лицах присутствующих, что-то, указывающее, что все это шутка, но отовсюду его сверлили только угрюмые взгляды зеков.

Поняв, что помочи ждать неоткуда юноша тихо произнес, что готов к проверке и спросил, что нужно делать.

Все очень просто - объяснили ему.

- Снимаешь штаны и принимаешь позу “домика”, наши спецы, тем временем, изготавливают по специальной выкройке кулек из плотной бумаги, наполняют его водой и под определенным углом заливают воду испытуемому, то есть тебе, между ягодиц.

Вот и вся процедура, но самое важное - это звук льющейся воды. Он должен быть ровным, одной тональности и красивым, даже музыкальным, БУЛЬ-БУЛЬ, БУЛЬ-БУЛЬ. Тогда комиссия выносит решение, что все в порядке, и новичка принимают, как достойного товарища. Если же звуки рваные, беспорядочные, короче, нет необходимого буль-буля, о-о-о, значит это только одно - грешная дыра у пассажира и место его в петушином углу.

Понятно или как?

Поскольку молчание есть знак согласия, решили, не теряя времени, приступить.

И приступили!

Конечно, вода из кулька лилась, как и положено литься воде, струйкой и безо всякой музыки, но разве несчастный, по телу которого, по интимным его местам она лилась, был в состоянии это воспринимать, нет - он был близок к шоку и молился о благополучном завершении экзекуции.

Наконец, вода закончилась, кулек резко уменьшился в размере и сморщился как спущенный мяч, наступила зловещая тишина, и взоры всех присутствующих обратились к высокой комиссии, то бишь к четырем экспертом.

Выждав некоторую паузу и прокашлявшись, первым взял слово самый старший, и видимо, самый опытный специалист. Начал он издалека, травил речь о чести, о понятиях, о великих и справедливейших традициях, словно произносил речь, падла, в палате лордов или на какой нибудь масонской сходке и наконец приблизился к сути.

- По его мнению, звуки, в целом, были правильными, единственное сомнение у него вызывала шестая по счету булька, но это его личное, субъективное восприятие, а что скажут коллеги?

У коллег мнения оказались разными - один услышал "киксу" не на шестой а на четвертой бульке, третий с ним согласился а четвертый заявил, что звуки, в целом были безобразные, и по его мнению, клиент испытания не выдержал, но поскольку кое - кто услышал несколько другое, проверку следует повторить.

Испытуемый был в предобморочном состоянии, когда вопрос для окончательного решения был передан Совету Авторитетов зоны.

Члены Совета долго совещались и, наконец, огласили вердикт.

Учитывая, что трое из четырех экспертов, в принципе, за исключением мелких сомнений, дали благоприятное заключение,

постановили считать, что новичок испытание прошел, подозрения с него снять и отпустить с миром в барак, на койку, премировав сладким чаем с плиткой шоколада.

В процессе оглашения вердикта наш герой заглядывал в глаза говорившего, да и остальных членов Совета, можно сказать, с собачьей преданностью!

Не знаю точно, кому именно в тот день пришла идея проучить гордеца таким образом, по сути это была очередная из бесчисленных лагерных импровизаций.

Но после описанного нами события, в лагере трудно было найти более тихого, внимательного и культурного заключенного, чем наш свинокрад! Кстати, через пару месяцев папаша - таки вытащил его на волю.

- История забавная! Выслушал ее и сам вспомнил пару пикантных сюжетов.

Дело было на Северах, гораздо позже тех лихих времен, в которых обитали упомянутые герои. В нашем лагере царили порядки настолько жесткие, что и Авторитеты вынуждены были работать на лесоповале наравне с остальными зеками. Правда, на бытовом уровне, в бараках, во внутреннем жизнеустройстве зеков продолжали действовать выработанные десятилетиями понятия, соблюдалась четкая иерархия, при которой каждый зек знал свое место.

В том числе изгои, т. е. опущенные, жили обособленно, им было, в частности, запрещено принимать пищу в компании нормальных людей.

И, вот, наблюдаю как - то сцену - привели с последнего этапа южанина. Ходка первая, статья 103, хищение социалистической собственности, пузатый, добродушный мужик, порядков лагерных не знает, в руках целлофановый пакет с бельишком, чаем и пачкой рафинада.

В бараке, днем, помимо меня, повредившего руку и лежащего на нарах, было всего пару человек, освобожденных от работы по разных причинам.

В титане, как всегда был кипяток.

Поздоровавшись, и назвав свое имя, новичок достает припасы, заваривает свежий ароматный чай и широким жестом приглашает разделить с ним чаепитие. Поскольку двое лежащих фактически кимарят, Мамед (так зовут новичка), решает их не беспокоить и направляется к человеку, одиноко сидящему в углу и просит того составить компанию.

Реакция того – удивляет, человек так активно жестикулирует руками, отказываясь от угощения, как будто ему предложили не чай, а, скажем, керосин или хуже того - цианистый калий!

- Но почему? - обиженно вопрошает гостеприимный кавказец.

- У нас не принято, клянус честни слово, кушать или пить чай в одиночку.

- Да не могу я! – в сердцах оправдывается человек.

- А ты братишко через не могу, уважи меня пажалуста!

- Не могу, не могу, нельзя мне! - чуть не плача, начинает буквально хныкать собеседник.

- Ти што больной, братишко, так чай же ище и как лекарства действует, выпий, - не отстает Мамед.

- Да нельзя мне, говорю, петух я, петух!!!

Пауза, после которой южанин медленно произносит;

- Думал я, ты мужик хороший, добрый, а ты мужик плахой, неблагадарний и гордый чересчур!

Петух он видите ли! Вах, падумаешь какой важний птица! –

И удаляется в гордом одиночестве в противоположный угол.

Охрана лагерная, как вы поняли, была суровая. Сплошь грубые угрюмые и злые мужики.

Особенно зверствовал старшина ...лимов. Был он родом с Волги, говорил со специфическим акцентом, хотя всю жизнь пропорции на Севере.

Небольшого роста, с непропорционально большой головой, кривыми ногами кавалериста, был он неутомим, вездесущ, возникал каким - то мистическим образом именно тогда, когда его при-

существие представляло реальную опасность для окружающих, с коронной своей фразой на устах: Репрессия БУРКА”! (БУР - барак усиленного режима, то есть лагерный карцер).

Страдал он, по-моему, “комплексом Бонапарта”, так как любил рассказывать, по поводу и без повода, как звонят ему, старшине, постоянно всякие “маяры и палкавники, саветуются. Вот одна заключенный просит …бать у другава заключенный и тавваришиш …алимов-в-в и што будем делат-ти и какая мера приниматти?

Репрессия, репрессия, БУРКА! - сам себя распалял старшина.

Надо сказать, что тема, выбранная им как повод для советов несуществующим майорам и полковникам, была неслучайной, ибо не существовало в мире более бескомпромиссного бойца с мужеложеством, чем наш герой.

Возможно, в виде основной жизненной цели он и определил для себя борьбу с этим позорным явлением, и действительно боролся со злом, как былинный Богатур.

Как - то двое зеков уединились в темном глухом углу промзоны, что бы пошалить, на ночь глядя. Только пристроились, как из-за здания вылетел старшина …алимов с победным криком: - “Вот ани …бутся!!! Паймал-л-л! Репрес-сия!

Тот, который был спереди, успел, подхватив штаны, дать деру, второму же повезло меньше, он угодил в лапы старшины, как говорится, “тепленьким”.

Вцепившись в нарушителя общественной нравственности и соответствующей статьи УК, не позволяя натянуть штаны, старшина потащил зека через весь лагерь к зданию администрации, проволок несчастного по коридору и втолкнул в кабинет начальника.

Надо было хотя бы постучать!

На беду старшины в кабинете начальника сидели две дамы - инструктор райкома Партии в компании со столичной журналисткой, приехавшей по заданию редакции для написания статьи об образцовом исправительном заведении.

Представьте себе, угощает начальник гостей чаем с конфета-

ми, весь из себя галантный и вежливый, по радио передают тихую приятную музыку, как, вдруг, неожиданно распахивается дверь и в комнату влетает мужик в ватнике, валенках, но с опущенными штанами, и под ватником болтается у него посиневший от холода, сморщененный детородный орган!!!

Женщины выкатили глаза, журналистка поперхнулась конфетой, а тут, еще вкатывается в кабинет торжествующий старшина, и не обращая внимания на гостей, находясь на пике охотниччьего азарта, докладывает: вот, мол, поймал развратников, не уйдешь, мол, от старшины ...алимова, репрессия, статья и новый срок.

Начальник, растерявшись, машинально спрашивает, где второй участник заговора?

- Сбяжал, - радостно сообщает старшина, - но вторая же тута, значить от наказания ему не уйти!

- А как же мы без второго преступника докажем вину? - все еще не прия в себя, вопрошают начальник.

- Эта совсем простой дела, тавариш-ш палкавник, Вы понюхайте и все панятна!

- Где? - Начальник совсем запутался.

- А тама, товариш-ш палкавник, у нарушителя на палавом члена.

Наступила пауза. Лицо полковника стало наливаться кровью, он медленно, опервшись руками о стол, стал подниматься. Правая бровь его задергалась что не предвещало ничего хорошего и, не обращая уже внимания на присутствующих дам, начальник лагеря разразился гневной, не управляемой, тирадой.

В ней он вспомнил не только мамашу старшины, но и его бабушек и тетушек по отцовской и материнской линии, пообещал что заставит его самогонюхать вещественное доказательство и даже пробовать его на вкус, и, что было самое обидное для моралиста ...алимова, пообещал отдать того под суд, а потом посадить в барак к гомосексуалистам.

Перед глазами старшины плыли кровавые круги, он почти потерял сознание, когда, наконец, слабеющим слухом уловил спасительное:

- Пошли, мудаки, отсюда на ...уй, оба!

Старшину словно вынесло из кабинета на ватных ногах и понесло подальше от здания администрации. О своем пленнике, к удовольствию того, он напрочь забыл, он вообще забыл обо всем и только в висках стучал грозный голос начальника: «Посажу, гада, к пидара-ам, на всю оставшуюся жизнь!»

Старшина был рьяным и опытным служакой, посему никто и не собирался отдавать его под суд, да и за что? Его просто отправили в отпуск, предварительно поощрив, тем более, что столичная журналистка написала свою статью, в которой вывела старшину лучшим младшим офицером учреждения, естественно, опустив реальные подробности знакомства.

Так что спустя месяц над территорией лагеря опять регулярно звучало привычное:

“Репрессия - БУРКА”!”

Вот так незаметно нанизывались минуты и часы, на постукивающую колесами поезда, нить времени, да и кто их считал, эти часы и минуты!

Лишь когда один из нас вдруг поинтересовался, где, кстати, мы сейчас находимся, я раздвинул занавески из плотной ткани.

В окно купе ворвался яркий солнечный свет, усиленный отражением окружающего нас ландшафта средней полосы России, сплошь белого и искрящегося от внезапно выпавшего раннего снега. Промелькнула безлюдная железнодорожная платформа, потом вокруг возникли городские многоэтажки.

Поезд подходил к Курскому вокзалу столицы.

*Паника
под знойным небом*

В начале шестидесятых я приехал в Москву поступать в институт, и был приглашен своим московским приятелем на юбилей его тетушки. На вопрос, удобно ли мне идти в гости к незнакомым людям, друг посмотрел на меня с хитринкой и ответил фразой, смысл которой стал понятен несколько позднее:

- Твой входной билет – я, а насчет знакомых или незнакомых - разберемся!

Родственники жили на четвертом этаже, лифт был занят, и мы пошли пешком по широкой мраморной лестнице.

Первое, что меня поразило, были невиданные мною ранее, монументальные, цвета червонного золота таблички на дверях квартир с фамилиями владельцев. Именно эти фамилии и стали второй причиной шока, потому что они принадлежали известнейшим советским артистам.

А когда нам навстречу “живьем” стал спускаться народный артист Канделаки, и, проходя мимо, приветливо кивнул, я, действительно, потерял (извините за штамп) дар речи.

Понемногу стал приходить в себя только перед дверями тетушкиной квартиры, но и там меня ждало очередное испытание. Отперев дверь, юбиярша облобызала племянника, а заодно и его друга (то есть меня), и со словами: “Ах, какой подарок”, - повела нас в зал представить гостям.

Гостей было немного, человек двенадцать, но КАКИХ!

За красиво сервированным столом восседали личности, представляющие элиту советской эстрады.

Думаю, не стоит перечислять их имена, ибо я могу, даже сейчас, спустя столько десятилетий, возгордиться.

Тут-то мне и стали понятны намеки моего друга о знакомых и незнакомых людях. Ну, а то, что дядюшка, то есть тетушкин муж, на минуточку, народный артист СССР, я узнал уже в процессе застолья, происходящего в доме, известном всей Москве, на углу Петровки и Садового кольца.

К моменту нашего прихода, веселье и радостная энергия общения так и рвались из тети наружу. Узнав, из каких краев я родом, она тут же заявила, что обожает Абхазию, ей нравятся абхазские

имена, и она будет называть меня КАКАБЕРОМ.

Смущаясь, я попытался объяснить, что КАХАБЕР имя не абхазское, поэтому мне подошло бы имя АРВЕЛОД, более привычное для абхазов. Но оно тоже, в основе своей, не абхазское. Согласно в точку было бы имя, скажем - АСТАМУР.

Однако тетушка капризно фыркнула и заявила, что воля юбилярши – закон для всех.

События же за столом развивались по совершенно непривычному для меня, отличающемуся от Сухумских традиций обильного винопития под жестким диктатом тамады, сценарию.

Конечно, тосты, звучали, какой юбилей без тостов, но как различительно отличались они от наших, строго регламентированных, заштампованных речевок с бокалом в руках.

Каждое пожелание, в основе своей довольно банальное, превращалось в устах именитых гостей в шедевр искрометности, юмора и лиризма высшей пробы. И после каждого тоста тетушки, почему-то, обращалась ко мне и произносила:

- Ax, КАКАБЕР, какая прелесть, не так ли?

Гости, улыбаясь, вопросительно глядели на меня, заставляя краснеть. И мне ничего не оставалось, как мотать головой, выражая согласие. Произнести хоть слово, было выше моих сил.

Потом гости устроились поудобней и стали рассказывать смешные истории из собственной жизни или услышанные от кого-то. Каждый такой рассказ, в устах именитых рассказчиков, независимо от фабулы, воспринимался, как некий фантасмагорический спектакль, где приобретали плоть и оживали яркие, неординарные персонажи, где разыгрывались удивительные, немыслимые мизансцены, придуманные, как мне казалось, целым писательским коллективом Гениев.

Кое-как избавившись от изнуряющей икоты, причиной которой стал непрекращающийся хохот, я стал понемногу усваивать информацию, сопровождающую рассказы.

И к своему изумлению, понял, что, почти все, что мы услыша-

ли – это пересказ реально имевших место розыгрышей.

И придуманы они были разными людьми. Но первенство среди них принадлежало композитору Никите Богословскому, которого гости называли – главным под...бщиком Советского Союза.

Здесь необходимо сказать, что и мои дорогие земляки были, как говорится, не лыком шиты в вопросе, как и кого разыграть. Ведь в Сухуми проживали и творили Великие Мастера Розыгрышей.

Когда очередной рассказчик, не спеша, стал знакомить публику с последней импровизацией веселого композитора, я почувствовал дрожь в пальцах.

Внимательно слушая, что же произошло летом в столичном граде с одним хорошим человеком, артистом Мосэстрады, мне стало ясно, что эту (или почти эту) историю, мог бы рассказать и я.

Правда, это была бы уже Сухумская история.

Сюжет истории связан с гастролями известного артиста в провинции.

А, собственно, какое нам дело до злоключений столичного артиста?

Гораздо лучше переместиться в зимний, сонный Сухуми начала 1960 года.

В Абхазии правит бал личный друг Хрущева, человек широких взглядов, знающий толк в красивой жизни, но дающий, при этом, жить и другим. Поэтому в республике полным ходом идет строительство жилья, открываются новые магазины и рестораны, растет производство дефицитных товаров в подпольных цехах, и, при этом, никого (или почти никого), не сажают за экономические преступления. Тишина, в общем, и благодать.

В тот вечер я засиделся в гостях у друга. С ним и его старшим братом мы о чем-то мирно болтали, когда под окном, с жутким скрежетом тормозов, остановился автомобиль, хлопнула дверца, и через миг в комнату ворвался приятель брата. Не обращая вни-

мания на нас, мелких, он прохрипел:

- Эдо, нам сели на хвост, срочно собирай бабки, рыжье, все ценное, и перепрятывай, надо срочно ложиться на дно!

Здесь надо пояснить, что пришедший, по имени Алик, был компаньоном Эдуарда по работе, они вместе держали небольшой торговый павильон в центре города.

Торговые точки входили в систему кооперативной торговли Абхазпотреб-союза , либо в Абхазкурортторг. В любом варианте, директоры ежемесячно “скидывались” и отсылали деньги «Наверх», имея взамен покровительство и защиту властей, что предусматривало, в том числе, и информацию о возможных ревизиях и проверках.

Поэтому, сравнимый с ураганом, неожиданный визит друга, вызвал шоковую реакцию. У него потребовали незамедлительных разъяснений:

- Какие еще, на ...уй, объяснения, - наш магазин ОПЕЧАТАЛИ!

- Когда, кто, на основании чего? И почему молчат наши многочисленные друзья наверху? Здесь что-то не то. Надо срочно выдергивать своего человека из городского ОБХСС и все узнавать у него.

- Уже встречались с ним, он ничего не знает, видимо, это республиканский МВД шалит, но узнать что-либо от них нам с тобой удастся только завтра.

- Но ведь за ночь нас могут свинтить, за милую душу! Надо сваливать, переждать ночь, а с утра подослать надежного человека в МВД.

На том и порешили. Срочно собрали самое ценное, погрузили в авто и укатили в неизвестном никому направлении.

С этого момента в детективный жанр событий, подмешивается еще и тема партизанская, с использованием паролей, конспирации, методов разведки и т.д.

С утра, друзья и родственники перешедших на нелегальное положение подпольщиков, развивают лихорадочную деятельность. К добыванию нужной информации тайно подключается все большее и большее количество людей.

По городу уже циркулируют слухи, что Эдик с компаньоном попались на большой партии левака, дело ведет УБХСС МВД, фигуранты пойманы и заключены в КПЗ.

Днем же из достоверных источников, конспиративным путем приходит сообщение: в МВД никто ничего не знает, дело не засекречено. На эту свежую информацию, тут же реагирует городская общественность; в Сухуме действует тайная группа оперативников из Тбилиси, именно они арестовали бедолагу Эдуарда, опечатали магазин, арестованных переправили в Тбилиси, во внутреннюю тюрьму МВД Грузии.

Но разве у нас нет своего человека в Гаване, простите, в Тбилиси? Есть, конечно, надо срочно командировать туда Исаака, но сегодня пятница и до понедельника там нечего делать.

А пока город гудит, как потревоженный улей, (опять штамп) слухи, одни фантастичней других, гуляют по квартирам, конторам и министерствам, обрастают новыми, немыслимыми деталями и подробностями на "Брехаловке," и, неминуемо, достигают верхних этажей власти. Секретарь обкома возмущен:

-С каких это пор, МВД Грузии проводит тайные операции в Сухуме?

То есть, юридически, они, конечно, имеют право, но я, что для них, какой-то ... уй с горы? Да я этому, мудаку, министру внутренних дел Грузии, яйца пообрываю! Срочно соедините меня с товарищем Мжаванадзе! ...

- Батоно Василий, как поживаете, как семья, когда поохотимся или порыбачим вместе? Нет, ничего не случилось, соскучился по Вашему голосу. Но, правда, батоно, министр внутренних дел расстраивает немного, проводит какие-то тайные операции, не информируя партийное наше руководство, понимаете ли. Но это я так, к слову, просто, как товарищу по партии Вам говорю. Всех Вам благ, кланяйтесь супруге!

Через десять минут по спецсвязи раздается звонок министра внутренних дел из Тбилиси:

- Уважаемый товарищ секретарь, возможно, внешние враги наши, недовольные успешной национальной политикой Родной

нашой Партии, стремятся вбить клин в нерушимую дружбу народов Республики, и мелко пакостят нам, подбрасывая любыми способами, враждебную информацию. Даю честное партийное слово – никакие тайные операции силами МВД Грузии в Абхазии не осуществляются.

Надо сказать, этот звонок очень озадачил Секретаря.

Тогда кто же опечатал магазин? Оставались еще две структуры - Прокуратура и Комитет Государственной Безопасности.

Но, прокуратура, как правило, подобной мелочевкой, да еще и без согласования, не занималась, а для общения с руководством КГБ необходимо было подготовиться и не тревожить в выходные дни.

В понедельник Секретарь встречал важных гостей из Москвы и все дела, включая магазинное, он отложил до вторника.

А теперь представьте, каково, все эти дни, было нашим затворникам! Как выяснилось позднее, они обитали на чердаке деревенского дома, у дальних родственников, страдая от холода, кусачих тварей, обитающей в соломе и, самое главное, - от отсутствия информации.

Но, так или иначе, время шло. Уже и командированный в Тбилиси Исаак вернулся с известием, что МВД Грузии непричем, да и засланный, на всякий случай, ходок с конвертом в прокуратуру, тоже развел руками – и там никто ничего не знает.

Обстановка в городе накалилась.

Знающие люди, по секрету, на ушко, рассказывали всем на "Брехаловке", что сотрудники госбезопасности раскрыли глубоко законспирированную группу агентов Ватиканской разведки "Информационе про Део", действовавшую на территории Абхазии с двадцатых годов. Сообщалось, что в магазине Эдуарда нашли пулемет Гочкиса, чернила для тайнотипии и взрывчатку, замаскированную под уголь и передатчик, встроенный в обычный дамский веер. Ходили слухи, что арестованных уже допрашивают на Лубянке, а Папскому нунцию в Варшаве направленаnota МИД.

Кто- то пытался робко оспорить некоторые факты. Например, что двадцативосьмилетний Эдуард, никак, не может быть агентом, завербованным в далекие двадцатые, что пулемет Гочкиса сегодня не найти и в музее. Что, наконец, все эти веера и угли уже фигурировали в кинофильме «Сети шпионажа» и т.д. и т.п.

Однако все доводы, способные, хоть немного, утихомирить лавину новостей, моментально отвергались самым решительным образом.

Во вторник, в девять часов ноль одна минута, в кабинете Секретаря заверещала местная “вертушка”. Звонил Председатель КГБ. Просил аудиенции и через пять минут он уже сидел в кресле напротив Секретаря.

Естественно, он знал все (или почти все) об этом деле, знал о непричастности к событиям правоохранителей, знал, на каком чердаке отсиживаются наши герои, где они спрятали ценности, а так же, что им давали на завтрак сердобольные родственники.

И сейчас, дабы соблюсти необходимый этикет, Председатель просил у Секретаря право вмешаться в ход событий, на что тут же получил согласие.

Через сорок минут черная “Волга” доставила в город наших затворников, и, еще через десять минут, в компании двух оперативников, одетых в одинаковые штатские костюмы, они были у магазина.

Сначала к входу приблизились чекисты, но через полминуты попросили подойти и наших друзей, трясущихся от страха.

- Кто из вас, мудаков, осматривал печать? Как это никто? Ах, друг вам сказал, ах, было темно. Так вот, туземцы …уевы, полюбуйтесь на свою …банную печать!

На навесном замке куском шпагата была прикреплена картонная пластинка, на которой красовался кусок красного пластилина с выдавленным гербом СССР. И все бы ничего, если бы только этот герб по размеру и изображению не являлся точной копией пятикопеечной монеты в зеркальном отображении.

Ваша фантазия подсказывает, какой была реакция бедолаг-коммерсантов, какие оригинальные словесные конструкции рождались в их умах и кому они были адресованы?

Увы, забегая вперед, скажу, что имя шутника, придумавшего сей розыгрыш, мне неизвестно по сей день. И это странно, ведь авторы подобных сценариев, в конце концов, раскрывают себя. Ведь розыгрыш завершается, спустя некоторое время, как правило, совместным празднованием всех участников событий.

Но ничьей фантазии не хватит, чтобы представить себе, каким изощренным словесным пыткам подверглись главные герои этой неимоверной истории, став главной мишенью местных остряков “Брехаловки.”

На время, пока очередной Мастер не создал сценарий для другого, нового розыгрыша.

Считается, что гениальные идеи часто «ходят парами», не пересекаясь. Например, одновременно, в разных странах были изобретены – порох, пулемет, танк и еще огромное количество нужных (и не очень) предметов.

Наверное, так оно и есть.

Вот и в нашем случае, пришла же гениальная идея розыгрыша, почти одновременно, в светлые головы великого композитора, столичного интеллектуала высшей пробы, и, возможно, не очень образованного провинциального остряка, неизвестного мне земляка-импровизатора, но тоже, по своему, великого!

*Тот самый
солнечный город
и его жители*

Сохранившиеся фотографии из личного архива

Владимир Делба

СУХУМСКИЙ СТЕРЕООСКОП

978-5-87827-518-7

В авторской редакции
Компьютерная верстка Тихоновой Т.С.

Подписано в печать 14.05.12. Формат 60x84/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Тираж 500 экз. Объём 14,5 п.л.
Цена договорная. Изд. зак. № 40. Тип. зак. №

Издательство Российского государственного торгово-экономического
университета
А-445, ГСП-3, Москва, ул. Смольная, 36